

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

3

2019

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3/2019

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945)..... 3

СТАТЬИ

А.Ю. Перетяtko — Экономические задачи казачьих во-
йск в Российской империи (1860—1890 гг.) 7

СООБЩЕНИЯ

В.С. Брачев, М.Ф. Полынов — СССР и Афганистан в пе-
риод войны 1979—1989 гг.: экономическое и гумани-
тарное сотрудничество..... 18

И.В. Ростовщиков, Я.В. Трофимов — Подпольная ад-
вокатура Области войска Донского во второй полови-
не XIX в. 31

В.Д. Камынин, А.Б. Храмцов — Отчеты инспекторов на-
родных училищ в дореволюционной Сибири (1900—
1910 гг.) 43

Р.Н. Исмагилова — Эфиопия: национальный вопрос
и национальная политика (1875—1974 гг.) 53

Т.С. Керимова — Национальная Академия наук Азер-
байджана: история создания (1920—1945 гг.) 72

ПУБЛИЦИСТИКА

А.Г. Айрапетов — Штрихи к политическому портрету
В.И. Ульянова-Ленина (по свидетельствам современ-
ников)..... 87

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- В.И. Голдин, К.С. Зайков** — Норвегия и Россия: 1814—
2014. Итоги мегапроекта 100

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

- М.Б. Фаталиев** — Переговоры о заключении Балканско-
го пакта и позиция Турции 110

НАРОДЫ РОССИИ

- С.Р. Чеджемов** — Национальные школы и языки народов
России: фактор стабильности или детонатор сепара-
тизма? 120

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Ю.В. Зубарева, И.В. Пивоварова** — Национальный со-
став самозанятого населения Сибири (по результа-
там переписи 1897 г.)..... 129

- В.А. Погадаев** — Рукунегара как отражение националь-
ной идеи в Малайзии 135

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- М.В. Орбодоева, Л.Е. Янгутов** — Формирование прин-
ципов взаимоотношений буддизма и государствен-
ной власти в имперском Китае..... 140

- Р.М. Мамедова** — Документ Надир шаха Афшара и сун-
нитско-шиитский диалог в XVIII в. 154

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А.Д. Гомбожапов, В.В. Тишин** — Р.Ю. Погадаев. Степ-
ные империи Евразии: власть — народ — право
(очерки по политической и правовой антропологии).. 164

- Е.А. Котеленец** — Вада Харуки. Политическая история
России. Избранные труды. 1960—2017..... 171

Хроника Великой Победы (1941—1945)

Предварительный план операций вермахта на Востоке (июль 1940 г.)

Аннотация. В нынешнем выпуске рубрики — первый германский план боевых действий, подготовленный в июле 1940 г. начальником штаба 18-й армии генерал-майором Эрихом Марксом по заданию начальника Генерального штаба сухопутных сил вермахта Франца Гальдера. Документ находится в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, Красная армия, вторая мировая война, Германия, нацизм, вермахт, Министерство обороны Российской Федерации.

Abstract. “Voprosy Istorii” history journal presents the first German plan of hostilities, prepared in July 1940 by Chief of Staff of the 18th army major General Erich Marx on the instructions of Chief of the General Staff of the Wehrmacht land forces Franz Halder. The document is contained in Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Key words: USSR, Great Patriotic War, Red Army, World War II, Germany, Nazism, Wehrmacht, Ministry of Defense of Russian Federation.

Документы, хранящиеся в Центральном архиве Минобороны России, позволяют проследить процесс подготовки нападения нацистской Германии на Советский Союз. В этой связи особый интерес представляет первый план боевых действий, подготовленный в июле 1940 г. начальником штаба 18-й армии генерал-майором Эрихом Марксом по заданию начальника Генерального штаба сухопутных сил вермахта Франца Гальдера. Данный план был рассчитан на 17 недель, в течение которых германские войска должны были выйти на рубеж Волги. План предполагал нанесение двух основных ударов — северного (главного) через Прибалтику и Белоруссию на Москву и южного — в направлении Киева. В документе, в частности, говорилось:

Публикацию подготовил П. А. Искендеров.

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2018, № 5.

«Генерал-майор Маркс
Совершенно секретно!
Только для командования!
Передавать только через офицера!

Предварительный план операций на Востоке

Целью кампании является: разгромить русские вооруженные силы и сделать Россию неспособной в обозримом будущем противодействовать Германии. Россию необходимо оккупировать до линии: нижнее течение Дона — среднее течение Волги — Северная Двина, чтобы защитить Германию от русских бомбардировщиков.

Важнейшими военно-экономическими зонами России являются продовольственная и сырьевая зона Украины и Донецкого бассейна, а также центры производства вооружения вокруг Москвы и Ленинграда. Восточные промышленные зоны еще не обладают достаточной производственной мощностью.

Среди этих зон Москва составляет экономический, политический и культурный центр СССР. Захват Москвы нарушит целостность русского государства.

Театр войны:

С севера и запада Москва защищена лесами и болотами, которые простираются от Белого моря, через южную часть Ленинградской области и Витебск до рубежа Кобрин — Луцк — Киев. Южная часть этой территории — Припятские болота — разделяет приграничную зону на два отдельных операционных направления. Наиболее мощные леса находятся между Ленинградом и Москвой и на Припятских болотах. Через среднюю часть этих лесов, наиболее узкую и прерывистую, проходят магистрали, ведущие из Варшавы и Восточной Пруссии в Москву через Слуцк, Минск и Витебск.

Южнее Припятских болот расположена почти безлесная территория Восточной Галиции и Украины. Характер местности благоприятствует ведению боевых действий, свобода маневра ограничена слабо развитой дорожной сетью (имеется лишь одна магистраль, ведущая с запада на восток через Киев), а также крупным препятствием — Днепром.

Севернее Припятских болот местность более благоприятна для маневра из-за большого количества хороших дорог; вести боевые действия выгоднее на Украине.

На северном направлении боевые действия будут вестись, главным образом, за трассы.

Противник:

Русские не окажут нам любезную услугу в виде наступления. Мы должны учесть, что русские сухопутные войска будут вести против нас оборонительные действия, и только ВВС и ВМФ, а именно подводные лодки, — наступательные.

Ведение войны с Россией будет заключаться и в том, что она присоединится к блокаде. С этой целью возможно нападение на Румынию, чтобы лишить нас нефти. По меньшей мере, следует ожидать мощных ударов авиации по румынской нефтяной зоне.

С другой стороны русские не могут уклоняться от любых решительных действий, как это было в 1812 году. Современные вооруженные силы численностью в 100 дивизий не могут бросить источники своей мощи. Русские сухопутные войска, вероятно, займут оборонительный рубеж для защиты территории России и Восточной Украины.

Выгодные оборонительные позиции могут быть заняты на рубеже: Двина до Полоцка — Березина — Припятские болота на всю глубину — Збруч — Прут или Днестр. На этом рубеже имеются прежние оборонительные сооружения. Отход до Днепра также возможен.

До этого рубежа русские, вероятно, будут вести лишь сдерживающие боевые действия».

Центральный архив
Министерства обороны,
ф. 500, оп. 12462, д. 611

* * *

Chronicle of the Great Victory (1941—1945)

Preliminary plan of operations by Wehrmacht in the East (July 1940)

Central Archive of the Ministry of Defense of Russian Federation stores documents that allow us to trace the process of preparing the attack of Nazi Germany on the Soviet Union. In this regard, we would like to publish the first German plan of hostilities, prepared in July 1940 by Chief of Staff of the 18th army Major General Erich Marx on the instructions of Chief of the General Staff of the Wehrmacht land forces Franz Halder. This plan was designed for 17 weeks, during which the German troops had to go to the border of the Volga. The plan involves applying the two basic strokes — the North (main) through the Baltic Republics and Belarus to Moscow and South in the direction of Kiev. The document, in particular, stated:

“Major-General Marx
Top secret!
Command only!
To pass only through the officer!

Preliminary plan of operations in the East

The aim of the campaign is to defeat the Russian armed forces and make Russia unable to counteract Germany in the foreseeable future. Russia needs to be occupied to the line: the lower reaches of the Don River — the middle reaches of the Volga River — the Northern Dvina River to protect Germany from Russian bombers.

The most important military and economic zones of Russia are the food and raw material zone of Ukraine and the Donetsk basin, as well as the centers

of production of weapons around Moscow and Leningrad. Eastern industrial zones do not yet have sufficient production capacity.

Among these zones, Moscow is the economic, political and cultural center of the USSR. The capture of Moscow will violate the integrity of the Russian state.

Field of war:

From the North and the West Moscow is protected by the woods and swamps which extend from the White Sea, through the southern part of the Leningrad region and Vitebsk to a boundary Kobrin — Lutsk — Kiev. The southern part of this territory — Pripyat swamps, divides the border zone into two separate operational areas. The most powerful woods are between Leningrad and Moscow and on Pripyat swamps. Through the middle part of these forests, the narrowest and most intermittent, pass highways leading from Warsaw and East Prussia to Moscow through Slutsk, Minsk and Vitebsk.

South of the Pripyat swamps is almost treeless territory of Eastern Galicia and Ukraine. The nature of the area is conducive to the conduct of hostilities, freedom of maneuver is limited by underdeveloped road network (there is only one highway leading from West to East through Kiev), as well as a major obstacle — the Dnieper River.

North of the Pripyat swamps area is more favorable for maneuver due to the large number of good roads; conduct combat operations more profitable in Ukraine.

In the Northern direction of the fighting will be conducted mainly for the track.

Enemy:

Russians will not do us the kind service in the form of offensive. We must take into account that the Russian land forces will conduct defensive actions against us, and only the Air force and Navy, namely submarines, are offensive.

Waging war with Russia will consist in the fact that it will join the blockade. To this end, it is possible to attack Romania in order to deprive us of oil. At least, we should expect powerful air strikes on the Romanian oil zone.

On the other hand, Russians cannot shy away from any decisive action, as it was in 1812. The modern armed forces of 100 divisions cannot abandon their sources of power. Russian land forces are likely to occupy a defensive line to protect the territory of Russia and Eastern Ukraine.

Advantageous defensive positions can be occupied at the turn: the Dvina River to Polotsk — Berezina — Pripyat swamps to the full depth — Zbruch — the Prut River or the Dniester River. At this stage there are still defenses. Withdrawal to the Dnieper River is also possible.

Before this milestone, the Russians are likely to conduct only deterrent military operations”.

Central Archive
of the Ministry of Defense,
f. 500, op. 12462, d. 611

Экономические задачи казачьих войск в Российской империи (1860—1890 гг.)

А. Ю. Перетяtko

Аннотация. Статья посвящена экономической политике Военного министерства в казачьих войсках в 1860—1890 годах. Особое внимание уделено вопросу о тех экономических задачах, которые ставились перед казачьими войсками. Автор показывает, что эти задачи менялись кардинальным образом, и Военное министерство разрушало собственные достижения предыдущего периода. Кроме того, желание Военного министерства сократить собственные расходы, характерное для 1870—1890 гг., привело к росту расходов простых казаков.

Ключевые слова: российское казачество, Военное министерство, правительственная политика, Д. А. Милютин, Н. А. Маслаковец.

Abstract. The article explores the economic policy of the Ministry of War in the Cossack Hosts in 1860—1890. Special attention is paid to the question about the economic objectives that were set before the Cossack Hosts. The author shows that these tasks changed radically, and the Ministry of War was destroying its own achievements of the previous period. Besides, the desire of the Ministry of War to reduce its costs led to an increase in the cost of ordinary Cossacks in 1870—1890.

Key words: Russian Cossacks, Ministry of War, government policy, D. A. Milyutin, N. A. Maslakovets.

Название данной статьи может вызвать определенные вопросы. Разве казачество не было военным сословием? Разве в Российской империи на казачьи войска не возлагались преимущественно военные задачи? Тем не менее, ошибки нет. Речь пойдет именно об экономических задачах казачьих войск, хотя они, безусловно, тесно переплетались с их военной службой. Еще в 1874 г. в одном из документов донской войсковой администрации было сказано: «...домашнее благосостояние казаков должно составлять главнейшую заботу войскового начальства, не только в видах чисто экономических, но и в видах исправного отбывания воинской повинности»¹. В дореволюционный период чиновники и государственные деятели в принципе понимали, что эффективность казачества как

Перетяtko Артём Юрьевич — кандидат исторических наук, преподаватель Южного федерального университета, Ростов-на-Дону. E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru.

Peretyatko Artyom Yu. — PhD (History), lecturer at the Southern Federal University, Rostov-on-Don. E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru.

инструмента на службе Российской империи зависит от экономических факторов не в меньшей степени, чем от факторов военных, но в разные десятилетия это понимание оборачивалось для казачества совершенно различными последствиями.

В 1860-х гг. несколько молодых офицеров генерального штаба представили начальству служебные документы, призывавшие к коренным реформам казачества. Все эти тексты объединяла критика устройства казачьих войск как экономически неэффективного института. Например, один из этих офицеров, Н. И. Краснов, писал, что «пока Россия была окружена дикими и кочевыми ордами, вторгавшимися в ее пределы, когда источники государственных доходов состояли из одних прямых личных податей, и правительство даже не имело понятия о важности косвенных налогов, количество которых главным образом зависит от свободного пользования подданных своим трудом и капиталом — в то отдаленное время казачьи населения вполне соответствовали обстоятельствам»², однако к середине XIX в. «статистические изучения казачьих территорий наглядно показали, что земли, населенные казаками, несмотря на благоприятные свои угодья, заключающиеся в судоходных и обильных рыбою водах, при неисчерпаемых минеральных богатствах и плодородии почвы, едва прокармливают казачье население, не принося никаких доходов в государственную казну»³. Другой молодой офицер, Н. А. Маслаковец, был лаконичнее, утверждая, что от упразднения Оренбургского казачьего войска «и казна и край весьма много выиграют»⁴. Он полагал, что дешевле будет заменить оренбургские казачьи части регулярной кавалерией, взамен того увеличив доходы государства с демилитаризированных территорий⁵. И хотя Маслаковец и Краснов принадлежали к младшим офицерам, их тексты вызвали интерес на самом высоком уровне: Краснов начал свою работу по заданию Управления иррегулярных войск⁶, а ответ Маслаковцу писал оренбургский атаман П. В. Зворыкин⁷.

Подобное внимание российского генералитета к молодым авторам не было случайным. За несколько лет до этого, в 1861—1862 гг., в Военном министерстве был подготовлен документ, получивший название «Соображения о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках». В нем отмечалось, что «неестественно положение того общества, в котором все члены составляют одно только военное сословие, обязанное во всякое время иметь в готовности оружие и по первому требованию выступить поголовно в полном снаряжении и на собственный счет». Подобная ситуация противопоставлялась «благоустроенному обществу», причем отличительными чертами этого общества назывались существование различных сословий помимо военного и обеспечиваемый этим высокий уровень благосостояния жителей⁸. Одновременно с написанием «Соображений» назначенный на пост военного министра Д. А. Милютин поставил вопрос о том, «в какой степени боевая сила, доставляемая 3-х миллионным казачьим населением, вознаграждает те потери, которые государство несет в экономическом отношении»⁹. Генерал считал возможным проведение исследований на эту тему, и тексты Краснова и Маслаковца можно рассматривать именно в качестве подобных исследований¹⁰. Что же касается практических действий министра, то в Государственном архиве Красно-

дарского края удалось найти датированное 1 апреля все того же 1862 г. отношение Милютинна командующему Кавказской армией, в котором он писал, что важнейшей задачей, стоящей перед Военным министерством, является сокращение расходов на казачьи войска, а в полной мере выполнить эту задачу возможно «только отменой или уменьшением нарядов на полевую службу строевых частей»¹¹.

Таким образом, в 1860-х гг. Военное министерство очевидно подразумевало неэффективность казачества как экономического, а не только военного института. Правда, открыто признать, что казачье сословие в силу своей убыточности для казны устарело и должно быть упразднено, было слишком рискованно для руководителей министерства, в отличие от молодых офицеров вроде Краснова или Маслаковца: одни слухи о возможной демилитаризации Донского войска в это время серьезно дестабилизировали обстановку на Дону¹². Очевидно именно поэтому Милютин и его окружение избегали открыто озвучивать настоящие цели своей политики, которые спустя несколько десятилетий официальное «Столетие Военного Министерства» сформулирует следующим образом: «слияние казачества с прочим населением и водворение среди казаков гражданского развития»¹³. Тем не менее, уже само признание военным министром «потерь в экономическом отношении» от существования казачьих войск было весьма красноречивым, а неофициальные, но привлечшие внимание начальства работы Краснова и Маслаковца позволяют лучше понять не афишируемую Военным министерством логику его реформ.

Важнейшей из этих реформ было введение конскрипционной системы в большинстве казачьих войск в 1867—1872 годах. В рамках этой системы, в полном соответствии с отношением Милютинна командующему Кавказской армией от 1 апреля 1862 г., контингент частей, выставляемых войском, сокращался, а оставшиеся за их штатом казаки в обмен на уплату определенного налога вовсе освобождались от службы¹⁴. При этом в Военном министерстве надеялись, что в рамках конскрипционной системы расходы упадут не только за счет банального уменьшения трат на казачьи части, но и за счет роста доходов с казачьих войск, в которых «избавленные от службы по жребью смогут избрать себе уже в молодых годах род жизни и составят полезных граждан, содействующих развитию общего благосостояния», а «взимаемая с неслужилых казаков сумма увеличит войсковые доходы и даст возможность употребить их на поднятие уровня материального благосостояния вообще»¹⁵. Кроме того, в 1868 г. на территорию казачьих войск были допущены иногородние. В «Столетии Военного Министерства» утверждалось, что таким образом предполагалось привлечь в станицы «торговопромышленников», капиталы которых, очевидно, помогли бы в разработке прежде не использовавшихся естественных ресурсов¹⁶.

Из всего сказанного ясно, что политика Военного министерства 1869-х гг. была направлена на уменьшение экономических потерь государства от существования казачьих войск за счет ускорения их экономического развития как экстенсивными, так и интенсивными методами. Снимались препятствия для ускоренного освоения обширных и малонаселенных казачьих территорий представителями других сословий, а сами казаки получили значительно большую свободу для занятий хозяйством.

Не случайно в том же «Столетии Военного Министерства» это десятилетие характеризовалось как время «благосостояния казачества»¹⁷.

Благодаря удачным реформам, существование казачьего сословия стало экономически выгодно государству — по крайней мере в этом к середине 1870-х гг. было уверенно Военное министерство. Если в 1060-х гг. Краснов и Маслаковец при явной поддержке сверху доказывали, что казахи войска приносят казне многомиллионные убытки, то в 1875 г. в Военном министерстве было подготовлено исследование, подписанное лично Милютиним, из которого следовало, что только Донское войско экономит 14 110 700 руб. бюджетных средств¹⁸. Близкой к руководству этого войска статистик С.Ф. Номикосов объяснял позитивные изменения тем, что «со введением всех поименованных учреждений и реформ в казачьей воинской повинности и во всем управлении области, сгладились все особенности всевеликого войска Донского, и оно выступило на новый путь» — путь развития гражданской жизни¹⁹. Особенно высоко он оценивал допуск на территорию войска иногородних, благодаря чему, якобы, «поднялась ценность Донских земель», «улучшилась земледельческая культура», «развилась каменно-угольная промышленность», «усилилось торговое движение» и все это «отразилось на улучшении благосостояния народных масс»²⁰. И Военное министерство, достигнув запланированных экономических целей, постепенно начало менять политику, допустив при этом, на наш взгляд, едва ли не фатальную ошибку.

Современник тех событий, донской общественный деятель П.Г. Мордвинцев писал: «Трудно указать год более роковой для казака, как год 1870. В этом году народилась мысль и получила нижеследующее выражение в журнале войскового правления, от 24 июля 1870 г. Вследствие естественно увеличивающихся расходов, войсковой бюджет становится в затруднительное положение; войсковое начальство ищет выхода и находит его в переложении на силы станичных обществ расходов по станичному управлению, а впоследствии и дело снаряжения бедного казака на службу перелажается с войскового капитала на силы того же общества»²¹. Далее Мордвинцев привел выписку из журнала войскового правления, главная мысль которой состояла в следующем: «Имея в виду крайне неудовлетворительное состояние войсковых финансов, а рядом с этим несомненную зажиточность станичных обществ, большее еще развитие которой несомненно, представляется возможным возложить на общества эти расходы, еще более потому, что уменьшение пособий из войскового капитала не может принести никакого ущерба сим последним»²².

Формально, соглашаясь с подобной мерой, предложенной донским войсковым правлением, Военное министерство все еще оставалось в рамках политики устранения экономических потерь государства от существования казачества. Эпизодически незначительные войсковые и государственные расходы возлагались на станичные общества и в 1860-х гг. (например, были прекращены ассигнования в размере 3 600 руб. на «ремонтное кордонных постов в Кубанской и Терской областях с отнесением расходов их на обязанность станиц»²³). Однако тогда речь шла о незначительных суммах, а в 1870 г. в Донской области произошло переложение на станичные общества одной из основных статей войсковых расходов, что наглядно показывало: благосостояние казачьих хозяйств

не имеет прежнего значения для Военного министерства, и правительственная политика постепенно начинает меняться. Эти перемены можно связать с тем, что Милютин больше не считал казачество неэффективным институтом. В 1871 г. генерал посетил Новочеркасск, причем в ходе этой поездки сильно изменил свои взгляды о боевой ценности донских казаков (а, возможно, и вообще казаков «внутренних», не пограничных казачьих войск): «Я был приятно удивлен, увидев пред собой вместо ожидаемых неловких юношей, только что посаженных на коней, отличных наездников, которые не только проделали полковое учение, но почти все проскакали мимо меня с джигитовкой, не хуже знаменитых “линейных” казаков кубанских и терских. Вообще я вынес заключение, что принятые в последнее время меры для обучения молодых казаков принесли заметные плоды и поддержали в донских казаках воинственную выправку, привычку к коню и молодцеватость»²⁴. Понятно, что в таких условиях конечная цель реформ 1860-х гг. — «слияние казачества с прочим населением» — утратила всякую актуальность, а чисто экономическая цель этих реформ — ускорение экономического развития казачьих территорий — была достигнута. Между тем возврат к более традиционной политике, в рамках которой казачьи войска рассматривались как важная для государства военная сила, а не только как досадный тормоз в экономическом развитии целых регионов, который необходимо постепенно уничтожить, быстро потребовал серьезного увеличения финансирования этих войск. Только в 1875 г., в рамках военной реформы одного Донского войска, рост ежегодных расходов на его содержание составил более чем 650 000 рублей²⁵. Новой экономической задачей казачьих войск стало обеспечение своей высокой боеспособности как за счет переноса войсковых и государственных расходов на самих казаков, так и за счет ужесточения требований к выходящим на службу новобранцам.

В итоге растущие требования к боеспособности казаков потребовали многократного увеличения их затрат при выходе на службу: даже если не брать лошадь, стоимость которой зависела от конкретного войска, цена амуниции с 1860 до 1890 г. выросла в три раза, с 30—40 до 122 рублей²⁶. При этом, как показал выше Мордвинцев, даже в тех войсках, где прежде обязательная помощь неисправным казакам возлагалась на войсковой бюджет, она постепенно была переложена на станичные общества. Уже к середине 1870-х гг. Военное министерство окончательно отказалось от пережитков прежней политики, отменив конскрипционную реформу на основании ее «совершенной чуждостью» казачьим традициям²⁷. Но настоящего апофеоза принцип переложения на рядовое казачество финансовых расходов, связанных с военной службой, достиг с принятием в 1891 г. нового «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск». В рамках этого документа во всех казачьих войсках в случае неисправного выхода казака на службу, станичное общество было обязано оказать ему финансовую помощь без участия войскового и государственного бюджетов²⁸. Более того, станичные правления получили для оказания такой «помощи» крайне специфический источник: теперь они могли в счет долга распродавать имущество неисправного казака и сдавать в аренду его пай, перечисляя доход в станичные суммы²⁹. Маслаковец, к 1890 г. ставший убежденным консерватором и видным чиновником

Военного министерства, жаловался, что подобная мера дает «ничтожный материальный результат», в то время как ее «стеснительность для казаков граничит с их конечным разорением»³⁰. И действительно, например, на Дону средняя годовая арендная стоимость пая составляла 19 руб.³¹, а выход на службу обходился в 300 рублей³². Таким образом, проблема сокращения государственных расходов оказалась решена крайне оригинальным образом: с 1892 г. ни государственная, ни войсковая казна не несли потерь из-за неисправных новобранцев, нуждавшихся в материальной помощи, но зато сами эти новобранцы на годы лишались своей земли, что загоняло их еще глубже в нищету. К 1898 г. сумма долгов неисправных казаков за купленное им станицами снаряжение в Донском войске составляла уже 833 640 руб. и продолжала расти³³.

Возможно, наиболее хлесткую и емкую характеристику подобной правительственной политики дал другой донской общественный деятель, В. Я. Бирюков, член донского Войскового Круга в 1917 году. Он писал о том, что правительство, по сути, требовало от казаков «добровольного саморазорения на выполнение требований воинского устава»³⁴. Согласные с ним голоса, утверждавшие, что на казачьи хозяйства возложено слишком тяжелое экономическое бремя, начали звучать уже к концу 1870-х годов. В 1880 г. донские земцы призвали облегчить казачью службу и оказать финансовую помощь станичным администрациям, которым не хватало денег для уплаты земских повинностей³⁵. Однако пока подобные идеи исходили от общественных деятелей, в рамках консервативного курса имперского правительства эпохи Александра III они не встречали поддержки. Но к концу 1880-х гг. наиболее прозорливые чиновники начали говорить о надвигающейся катастрофе: так, Маслаковец в 1889 г., будучи оренбургским атаманом, писал в Военное министерство, что из-за разорения казачьих хозяйств «прежняя служебная деятельность казаков в сфере боевых сил Империи вскоре станет невозможной»³⁶. При этом атаман подчеркивал, что выйти из подобной ситуации поможет только «более или менее серьезная помощь извне» или «облегчение Оренбургского войска в лежащих на нем личных и имущественных повинностях»³⁷.

Таким образом, жесткая политика Военного министерства по переложению все большей части военных и административных расходов на самих казаков вела к постепенной потере казачьими войсками дееспособности. А принятие «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск», безнадежно разорявшее бедные казачьи хозяйства, окончательно усугубило ситуацию. Во всяком случае, на Дону в 1890-х гг. обнищание казачьего населения резко ускорилося: если в 1894 г. только 5% призывников в казачьи части имели право на льготу по имущественному или семейному положению, то в 1895—1897 гг. это право имели уже 10—11%, в 1898 г. — 15%, а в 1899 г. — 26%³⁸. К 1899 г. финансовая помощь при выходе на службу требовалась каждому шестому донскому казаку³⁹. В Оренбургском войске ситуация стала критической даже раньше, в конце 1880-х гг., когда Маслаковец написал следующее: «Население положительно голодает, скот гибнет от бескормицы! Рядом с этим казачье население обременено массой долгов и недоимок в войсковые земские и общественные суммы, чины же общественного управления, особенно

учителя народных казачьих школ, не только по месяцам, но иногда по целым годам не получают следующего им содержания»⁴⁰. Даже «Столетие Военного Министерства» признавало, что к началу 1890-х гг. в казачьих войсках «стал обнаруживаться упадок хозяйственного благосостояния»⁴¹. Убийственность для казачества избранного правительством курса становилась все более очевидной.

В самом конце XIX в. Военное министерство было вынуждено кардинально пересмотреть свою экономическую политику в казачьих войсках. Можно снова выделить этапное в этом отношении решение, подобное решению о «переложении на силы станичных обществ расходов по станичному управлению» 1870 года. Речь идет о деятельности на Дону «Высочайше утвержденной комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния» в 1899 году. Эта комиссия, председателем которой был Маслаковец, подготовила обстоятельный доклад, самыми мрачными красками рисуящий экономическое положение донского казачества и призывающий немедленно принять меры к исправлению ситуации⁴².

Снова обратимся к «Столетию Военного Министерства» за официальной трактовкой событий. «Уже в конце царствования Александра III возникли опасения за исправность снаряжения и вообще боевой готовности льготных полков... Собранные затем комиссии: на Дону под председательством генерала Маслаковца и в Санкт-Петербурге под председательством генерала Газенкампа, проектировали целый ряд мер, направленных к улучшению экономического положения казаков и облегчению тягостей военной службы. Большинство этих мер было осуществлено»⁴³. Таким образом, теперь курс Военного министерства был направлен на стабилизацию экономической ситуации в казачьих войсках, необходимую для продолжения их военной службы, а важнейшей экономической задачей самих войск стало поддержание отдельных казачьих хозяйств, недопущение их дальнейшего разорения. Однако истощенные прежней политикой хозяйства, например, Донского войска, уже не могли справиться и с этой задачей без посторонней помощи. По итогам работы правительственных комиссий было решено, помимо прочих мер, выделять им 100 руб. для снаряжения на службу, а чтобы это стало возможным, государственная казна дополнительно ассигновала войску 538 000 руб. и увеличила суммы компенсации за винный откуп⁴⁴.

В других войсках, помимо Донского, Военное министерство также было вынуждено перейти к политике прямых денежных ассигнований: так, на Кубани и Тереке только в 1901—1902 гг. на скупку частных земель для увеличения казачьих наделов был выделен 1 200 000 руб.⁴⁵, а Оренбургскому войску в эти же годы было решено выплачивать 91 000 руб. ежегодного пособия⁴⁶.

Эта официальная трактовка хотя и соответствует действительности, однако маскирует важные детали. Дело в том, что комиссия Маслаковца, состоявшая в основном из депутатов от донских дворян и станичных обществ⁴⁷, резко раскритиковала правительственную политику и пришла к выводу о том, что причинами разорения казачества были не только «малоземелье» и «непомерная тяжесть воинской повинности» (в которой

тоже было отчасти виновато правительство), но и «не соответствующее интересам казачьего населения местное управление»⁴⁸. Остановимся только на двух примерах. Крайнее недовольство членов комиссии вызывало объединение в руках окружного атамана (промежуточной управленческой инстанции между наказным атаманом и станицами) военной и гражданской властей. Вот что говорил по этому поводу один из влиятельнейших членов комиссии А. А. Донецкий, в будущем член Государственного совета от донских землевладельцев: «Трудно было ожидать, чтобы все многообразные виды служебной деятельности окружного атамана могли в должной мере пользоваться его вниманием и получить соответствующее своему значению развитие... Подчиняясь требованиям необходимости, он должен был из обширного круга дел, ему вверенных, выделить дела особой важности, и на них сосредоточить почти все свое внимание. Такими делами оказались все дела военного управления... К потребностям гражданского управления и земского хозяйства окружной атаман мог относиться с тем лишь вниманием, какое обыкновенно оказывается делам, имеющим второстепенное значение. В силу этого очень важные в округах отрасли управления должны были отойти на задний план и очутиться в незавидном положении пасынков окружной администрации»⁴⁹. Во время голосования по этому вопросу даже Маслаковец и представитель Военного министерства И. М. Жеромский согласились с данными доводами⁵⁰. Более того, большинством голосов, включая Жеромского, было рекомендовано максимально ускорить создание земств на Дону, чтобы казачество, «при помощи земских учреждений», быстрее преуспело «в образовании, в развитии гражданского благоустройства и в улучшении своего экономического положения»⁵¹. Однако как раз подобные меры, рекомендованные комиссией Маслаковца, меры, касающиеся управления Донским войском, осуществлены не были, в отличие от мер, снижающих стоимость казачьего снаряжения, облегчающих службу и предполагающих прямую финансовую помощь⁵².

Таким образом, Военное министерство, накануне XX в. коренным образом пересмотрев свою экономическую политику по отношению к казачьим войскам, в то же время продолжало традиционный курс в политической и социальной сферах. Оно все так же рассматривало казачество преимущественно как военную силу и не желало ослаблять военные элементы в устройстве казачьих войск, хотя местные общественные деятели и настаивали на этом, напрямую связывая возрастающую милитаризацию казачества с падением уровня его благосостояния. Разумеется, сразу же зазвучали голоса, критиковавшие новую правительственную политику за ее внутреннюю противоречивость. Так, Бирюков в 1899 г. писал, что решить экономические проблемы донского казачества может «только личный, постоянный и свободный труд казака и усовершенствование этого труда, но с этим несовместимы ни двадцатилетняя воинская служба, ни колоссальные затраты на нее»⁵³. А новочеркасский прокурор А. А. Чигринцев тогда же высказал следующую сентенцию: «... пока Донская область будет военным станом, до тех пор о серьезном поднятии ее материального благополучия можно говорить, но достигнуть его нельзя»⁵⁴.

Остается констатировать, что в 1860—1890 гг. экономическая политика Военного министерства в казачьих войсках и те экономические за-

дачи, которые ставились перед этими войсками, неоднократно менялись. Более того, эти изменения носили кардинальный характер, и, фактически, то, чего удавалось добиться в предыдущий период, разрушалось в период последующий. В 1860-х гг. Военное министерство рассматривало казачьи войска как экономически неразвитые территории, от одного существования которых государство несет серьезные финансовые потери. Соответственно, в этот период была предпринята попытка ускорить экономическое развитие казачьих войск за счет облегчения казачьей службы и роста благосостояния самих казаков, а также свободного доступа на их территорию иногородних. Однако, несмотря на достигнутые успехи, в 1870-х гг. подобный курс был свернут. Военное Министерство изменило свое отношение к казачеству, начав заметно более высоко ценить его, как социальный, военный и экономический институт на службе государству, но это, парадоксальным образом, обернулось катастрофой для простых казаков. Военное министерство вернулось к традиционной политике развития казачьих войск как военной силы, пытаясь обеспечить их наибольшую военную эффективность, и в рамках этой политики переложило часть расходов, которые прежде несли войсковые и государственные власти, на рядовое казачество. В результате начал быстро увеличиваться финансовый пресс, давивший на казачьи хозяйства, что стало одной из причин массового разорения казаков. Уже в 1880-х гг. наиболее прозорливые государственные чиновники и общественные деятели отмечали, что если ситуация и дальше будет развиваться в том же направлении, то скоро казачьи войска утратят дееспособность и не смогут больше обеспечивать несение казачьими частями военной службы. Но правительственный курс начал снова меняться только в конце 1890-х годов. На новом этапе главной экономической задачей казачьих войск стала защита своих хозяйств от дальнейшего разорения. Однако при этом Военное министерство пыталось сохранить военную доминанту в развитии казачества и не шло на увеличение роли гражданских институтов на территории казачьих областей. Вместо этого начали обильно выделяться ассигнования и кредиты, призванные поправить подорванные предыдущими десятилетиями казачьи хозяйства.

Очевидно, что ошибочная экономическая политика Военного министерства была важной причиной кризиса российского казачества в начале XX века. Отход от политики 1860-х гг., когда приоритетными для казачьих войск были экономические задачи, и местные администрации понимали, что «домашнее благосостояние казаков должно составлять главнейшую заботу войскового начальства, не только в видах чисто экономических, но и в видах исправного отбывания воинской повинности», был ошибкой Военного министерства, причем, возможно, фатальной. Ради достижения краткосрочной экономии бюджета военные власти сами ускорили разрушение социально-экономической базы казачьего сословия. Безусловно, кризис казачества был обусловлен и объективными факторами, такими, как постепенное обезземеливание казаков и рост стоимости казачьего снаряжения, однако как раз когда закладывались предпосылки этого кризиса, в 1870—1890 гг., Военное министерство не только не пыталось ослабить влияние этих факторов, но и, напротив, усилило их. Политика 1860-х гг., направленная на экономический рост казачьих войск и их

постепенное слияние с остальной Россией, и политика 1900-х гг., когда, по крайней мере, правительство пыталось остановить обнищание казачества финансовыми субсидиями, были гораздо разумнее и несколько ослабили и затормозили бы нарастание кризиса. Однако в 1870 г. Военным министерством был сделан неправильный выбор, и казачеству пришлось в прямом смысле слова расплачиваться за него.

Примечания

Работа выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18—39—00009).

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 330 (Главное управление казачьих войск), оп. 61, д. 1937, л. 23об.
2. Там же, ф. 330, оп. 10, д. 290, л. 122.
3. Там же, л. 116об. —117.
4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 748 (Стрелковский И.Н.), ед. хр. 3, л. 1.
5. Там же.
6. РГВИА, ф. 330, оп. 10, д. 290, л. 1—5.
7. ОР РНБ, ф. 748, ед. хр. 3, л. 1.
8. ВОЛВЕНКО А.А. Концепция войскового (неслужилого) гражданина: замыслы и практика (1860—1870-е гг.). — *Primo Aspectu*. 2016, № 4 (28), с. 69; КРАСНОВ Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб. 1864, с. 199.
9. МИЛЮТИН Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860—1862. М. 1999, с. 262.
10. Там же.
11. Государственный архив Краснодарского края (ГА КК), ф. 252 (Войсковое хозяйственное правление Кубанского казачьего войска), оп. 2, д. 575, л. 2.
12. КАРАСЁВ А.А. Бунт на Дону в 1862—1863 годах. — *Исторический вестник*. 1900, № 80, с. 169.
13. Столетие военного министерства. 1802—1902. Т. XI. Ч. 4. СПб. 1911, с. 76.
14. ВОЛВЕНКО А.А. Ук. соч., с. 70.
15. Там же, с. 70—71.
16. Столетие военного министерства. 1802—1902, т. XI, ч. 4, с. 90.
17. Там же, с. 77—78.
18. РГВИА, ф. 330, оп. 61, д. 1938, л. 3. Оговорим, что вопрос о том, насколько в действительности было выгодно существование казачьих войск Российской империи в финансовом отношении, приносили они убыток или, напротив, сэкономили бюджетные средства, заслуживает отдельного исследования. Цифры Д.А. Милютина, Н.А. Маслаковца и Н.И. Краснова явно противоречат друг другу и представляют собой их мнения на этот счет, далеко не достаточно обоснованные.
19. НОМИКОСОВ С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск. 1884, с. 50—51.
20. Там же, с. 49.
21. Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Новочеркасск. 1899, с. 104.
22. Там же.
23. ГА КК, ф. 252, оп. 2, д. 575, л. 34.
24. VOLVENKO A.A. D. A. Milyutin and Cossacks. — *Bylye Gody*. 2016, vol. 40, is. 2, p. 406.
25. РГВИА, ф. 330, оп. 61, д. 1937, л. 41об.
26. Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области, с. 104; МАСЛАКОВЕЦ Н.А. О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб. 1899, с. 13—15.

27. Столетие военного министерства. 1802—1902. Т. XI. Ч. 3. СПб. 1907, с. 113—114.
28. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года. Новочеркасск. 1891, с. 47—48.
29. Там же.
30. МАСЛАКОВЕЦ Н. А. Ук. соч., с. 43.
31. Там же.
32. Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области, с. 110.
33. МАСЛАКОВЕЦ Н. А. Ук. соч., с. 43.
34. Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области, с. 118.
35. МАСЛАКОВЕЦ Н. А. Объяснительная записка к вопросу о применении к области войска Донского земской реформы на основаниях, соответствующих местным условиям края и бытовым особенностям главной (казачьей) массы ее населения. Новочеркасск. 1880, с. 8.
36. ОР РНБ, ф. 1055 (Н. А. Маслаковец), ед. хр. 104, л. 7об. —8.
37. Там же, л. 10об. —11.
38. МАСЛАКОВЕЦ Н. А. О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии..., с. 11.
39. ОР РНБ, ф. 1055, ед. хр. 24, л. 13об. —14.
40. Там же, ед. хр. 104, л. 9—9об.
41. Столетие военного министерства. 1802—1902, т. XI, ч. 4, с. 315.
42. Детальный доклад о выводах этой комиссии был опубликован для внутреннего пользования Военного министерства. См.: МАСЛАКОВЕЦ Н. А. О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии...
43. Столетие военного министерства. 1802—1902, т. XI, ч. 4, с. 82. Мы выделяем как этапную именно комиссию Н. А. Маслаковца потому, что она была хронологически первой из двух комиссий, упомянутых в этом отрывке.
44. Столетие военного министерства. 1802—1902, т. XI, ч. 4, с. 83.
45. Там же, с. 224.
46. Там же, с. 282.
47. ОР РНБ, ф. 1055, ед. хр. 18, л. 3—3об.
48. Там же, ед. хр. 24, л. 6.
49. Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области, с. 133.
50. МАСЛАКОВЕЦ Н. А. О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии..., с. 112.
51. Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области, с. 183—185.
52. Столетие военного министерства. 1802—1902, т. XI, с. 82—83.
53. БИРЮКОВ В. Я. Доклад члена Комиссии В. Я. Бирюкова о влиянии воинской службы донских казаков на их хозяйственный быт. Новочеркасск. 1899, с. 13.
54. ОР РНБ, ф. 1055, ед. хр. 24, л. 2об.

СССР и Афганистан в период войны 1979—1989 гг.: экономическое и гуманитарное сотрудничество

В. С. Брачев, М. Ф. Полюнов

Аннотация. В публикации подчеркивается, что в период войны между Советским Союзом и Афганистаном осуществлялось крупномасштабное сотрудничество. Оно охватывало сферы промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения, образования и т. д. Это сотрудничество в большей степени было односторонним. СССР оказывал большую помощь в модернизации фабрично-заводской, электроэнергетической, нефтегазовой промышленности. В социально-гуманитарной сфере — строились новые больницы и поликлиники, которые оснащались советским медицинским оборудованием. В сфере образования серьезное внимание уделялось развитию технических училищ, в которых готовились профессиональные кадры для различных отраслей экономики. В указанный период СССР являлся также главным кредитором и торговым партнером Афганистана.

Ключевые слова: СССР, Афганистан, договор, соглашение, экономика, безвозмездная помощь, здравоохранение, образование, подготовка кадров, кредиты.

Abstract. The publication emphasizes that during the war between the Soviet Union and Afghanistan was carried out large-scale cooperation. It covered the areas of industry, agriculture, health, education, etc. This cooperation was mostly one-sided. The USSR provided great assistance in the modernization of the factory, electric power, oil and gas industry. In the social and humanitarian sphere were constructed new hospitals and polyclinics, which were equipped with soviet medical equipment. In the field of education serious attention was paid to the development of technical schools, which trained professional staff for various sectors of the economy. During this period, the USSR was also the main creditor and trading partner of Afghanistan.

Key words: USSR, Afghanistan, contract, agreement, economy, free aid, health care, education, preparation of national staff, credits.

Афганская война занимает особое место. Она продолжалась более 9 лет, затронув судьбы сотен тысяч людей и оказав серьезное влияние на

Брачев Виктор Степанович — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: v.brachev@spbu.ru; *Полюнов Матвей Фёдорович* — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: m.polynov@spbu.ru.

Brachev Victor S. — doctor of historical sciences, professor at the St. Petersburg State University. E-mail: v.brachev@spbu.ru; *Polynov Matvei F.* — doctor of historical sciences, professor at the St. Petersburg State University. E-mail: m.polynov@spbu.ru.

будущее нашей страны. В данной публикации предпринята попытка раскрыть помощь СССР Афганистану в экономической и социальной сферах в период 1979—1989 годов. Рассмотрение этой проблемы связано не только с тем, что она исследована совершенно недостаточно, но и с тем, что на Западе сформирован устойчивый образ СССР как завоевателя и оккупанта Афганистана, а его огромная созидательная деятельность в указанный период сознательно замалчивается. Данная работа будет способствовать разрушению этого тенденциозного мифа.

Отношения между СССР и Афганистаном в XX в. имели богатую историю. С представителями этой страны встречались В.И. Ленин, И.В. Сталин, Н.С. Хрущёв, Л.И. Брежнев. В декабре 1955 г. Первый секретарь ЦК КПСС Хрущёв и Председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин осуществили официальный визит в Кабул ¹, а в октябре 1963 г. страну посетил Председатель Президиума Верховного Совета СССР Брежнев ². Советский Союз превратился для Афганистана в главного торгового партнера. С 1954 г. СССР занимал первое место в его внешней торговле ³.

О масштабах сотрудничества говорит тот факт, что некоторые зарубежные исследователи считали, что с 1960 г. Афганистан находился в полной зависимости от Москвы ⁴. Действительно, масштабы сотрудничества были впечатляющими. К 1978 г. при непосредственном участии СССР было построено и введено в эксплуатацию 70 промышленных и транспортных объектов, подготовлено до 60 тыс. специалистов различного профиля. СССР обеспечивал около 40% внешнеторгового оборота Афганистана, занимал первое место по объему предоставленной ему иностранной экономической помощи. Его доля составляла 54% общего объема внешних займов и кредитов (для сравнения — доля США составляла 15%) ⁵.

Приход к власти Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) во главе с Нур Мухаммедом Тараки в результате военного переворота 27 апреля 1978 г. стал поворотным событием в отношениях между двумя государствами. Советский Союз первым в мире признал новое афганское правительство, о чем советский посол А.М. Пузанов уведомил Тараки уже 30 апреля ⁶, а 3 мая 1978 г. Брежнев и А.Н. Косыгин направили ему официальное поздравление, в котором выразили «надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество» ⁷.

На события в Афганистане в СССР смотрели оптимистично. «Когда переворот стал свершившимся фактом, наши партийные идеологи и международники в лице, прежде всего М.А. Сулова и В.Н. Пономарёва, сразу стали рассматривать Афганистан как еще одну социалистическую — в ближайшей перспективе — страну» ⁸.

Подобным пафосом было пронизано совещание в ЦК КПСС в середине мая 1978 г., на котором обсуждались события в Афганистане. Дух совещания передает его участник, первый заместитель министра иностранных дел Г.М. Корниенко. На его вопрос: «Неужели можно всерьез считать Афганистан созревшим для социализма?» — заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Р.А. Ульяновский ответил: «Сейчас в мире нет такой страны, которая не созрела бы для социализма» ⁹.

Стремление видеть ДРА в перспективе страной социалистической ориентации во многом предопределило содержание политики СССР в отношении этой страны в последующий период. В концентрированном виде данный подход получил закрепление на июньском (1980 г.) пленуме ЦК КПСС, на котором были рассмотрены вопросы о международном положении и внешней политике Советского Союза. В докладе А. А. Громыко, в частности, отмечалось: «В лагерь социализма были включены Вьетнам, Лаос, Кампучия. С социалистическим путем развития связывают свое будущее Ангола, Эфиопия, Южный Йемен, Афганистан, Никарагуа...»¹⁰ Отдельно затронув вопрос об Афганистане, Громыко заметил: «Дело находится на верном пути. К прежнему Афганистану возврата нет»¹¹.

Новый режим в Афганистане нуждался в серьезной помощи. В лице СССР Тараки и его сторонники видели главную внешнеполитическую и военную опору, понимая, что без северного соседа долго находиться у власти им не удастся. В свою очередь, в СССР стремились превратить эту страну не только в надежного и подконтрольного союзника, но и способствовать НДПА в строительстве нового афганского общества. Эти стратегические установки предопределили формы и масштабы помощи Афганистану. Первоначально она оказывалась в виде отправки партийных советников, первая группа которых прибыла в страну уже летом 1978 г. во главе с заведующим сектором международного отдела ЦК КПСС Н. Н. Симоненко. Тогда же сюда были направлены и военные советники¹². Их количество возрастало. Только по линии Министерства обороны, до ввода советских войск, их насчитывалось примерно 550 человек¹³. В некоторых секретных американских документах указывалось 5300 советских военных специалистов и 2 тыс. гражданских лиц¹⁴. Советники направлялись также для оказания помощи в экономике и в других областях. Советские специалисты участвовали в разработке пятилетнего плана на 1979—1984 гг. и перспектив развития ДРА на последующие пять лет — до 1989 года. В этих целях на срок до 1 года на безвозмездной основе из СССР командировались 20—25 специалистов-плановиков, 5 референтов-переводчиков и 3 машинистки¹⁵.

После прихода к власти НДПА торговые отношения Афганистана с другими государствами, особенно с капиталистическими, сильно расстроились, объем торговли между ними резко сократился. Главным внешнеторговым партнером стал Советский Союз.

Советско-афганские торговые отношения основывались на Соглашении о торговле и платежах от 1974 г. и долгосрочном Соглашении о товарообороте на 1976—1980 годы. В апреле 1981 г. в Москве было подписано новое соглашение — о товарообороте на 1981—1985 гг. — по которому его предполагалось увеличить в три раза по сравнению с предыдущим пятилетним периодом¹⁶. В последующем подписывались новые соглашения, регулировавшие структуру и динамику торговых связей между двумя странами. В частности, по Протоколу о товарообороте, подписанному в 1984 г., СССР экспортировал автомобили и запчасти к ним, черные металлы, холодильники, обувь, медикаменты и т. д. Афганистан поставлял природный газ (2,4 млрд. куб. м), хлопок-волокно (2 тыс. метро-тонн), карбамид, цитрусовые, орехи грецкие, ковры, шерстяные ткани и т. д.¹⁷ В структуре советского экспорта преобладали промышлен-

ные товары, Афганистан же продавал сырьевые и сельскохозяйственные товары. 13 февраля 1986 г. в Москве было подписано Соглашение о товарообороте между СССР и Афганистаном на 1986—1990 гг. объемом в 4,4 млрд. рублей¹⁸. Объем советского экспорта в соответствии с данным соглашением должен был резко вырасти. Если в 1977 г. он составил 152 млн. руб., то в 1987 г. предполагался в 595 млн. руб.¹⁹, то есть в 3,9 раза больше. Доля Советского Союза во внешней торговле Афганистана в 1987 г. составила около 60%, вместо 28% в 1977 году²⁰.

В 1980 г. было подписано Соглашение о безвозмездной поставке потребительских товаров из СССР в 1980—1984 гг. на сумму до 10 млн. руб. ежегодно. Среди этих товаров значились обувь, трикотаж, товары хозяйственного и культурно-бытового назначения²¹. Они пользовались большим спросом на афганском рынке.

Крупномасштабное экономическое и техническое сотрудничество началось после подписания 1 марта 1979 г. Соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и ДРА во время визита в Кабул заместителя председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова. В соответствии с этим Соглашением, в период 1979—1984 гг. предусматривалось строительство горно-обогатительного комбината «Айнак», завода по переработке нефти в объеме 500 тыс. т в год и последующей его эксплуатации; разработка и обустройство месторождений нефти Ангот (100 тыс. т в год), Акадарья и Кашкари и транспортировка нефти этих месторождений до нефтеперерабатывающего завода; строительство линий электропередачи от советской границы в районе Ширхана до г. Кундуз; реконструкция и расширение Кабульского аэропорта и строительство шести аэропортов местного значения в северо-восточных районах Афганистана; разработка технико-экономического обоснования строительства тепловой электростанции²².

Уже через несколько месяцев после подписания вышеназванного соглашения, Госпланом СССР было подготовлено технико-экономическое обоснование строительства горно-обогатительного и медеплавильного комбината «Айнак». Для его строительства из СССР планировалось командировать 1200—1500 специалистов²³. Медеплавильный завод должен был производить 130 тыс. т меди в год. На введение в строй первой очереди комбината требовался 621 млн. рублей. Проект предусматривал кроме строительства комбината еще и возведение поселка городского типа для работающих на них 29 тыс. жителей, объемом 261 тыс. кв. м жилья на общую сумму 186 млн. рублей²⁴.

СССР был готов к реализации этого проекта. Однако начавшиеся военные действия не позволили приступить к строительству комбината.

Огромное значение для Афганистана имело развитие нефтяной и газовой промышленности, поскольку от этого во многом зависело не только развитие афганской экономики в целом, но и экспортные возможности страны.

В развитии этих отраслей советская помощь была наиболее результативной. В период афганской войны, именно благодаря помощи СССР, продолжалась добыча нефти и газа, в том числе на месторождениях Ходжа-Гугердаг и Джаркудук, которые были открыты при помощи советских специалистов еще в 1967 и 1975 годах. В 1985 г. суммарная добыча газа

здесь составила 2,7 млрд. куб. м, из них 2,4 млрд. было экспортировано в СССР ²⁵.

Однако без создания необходимой инфраструктуры невозможно было осуществлять транспортировку и переработку газа. В 1981 г. была построена дожимная компрессорная станция на газопромысле Ходжа-Гугердаг, а в 1986 г. сдали в эксплуатацию газонаполнительную станцию в Кабуле производительностью 2 тыс. т в год. Подобная инфраструктура создавалась и в других местах. В 1985 г. на газопромысле Джаркудук была запущена установка дожимной компрессорной станции, а в Хайратоне в эксплуатацию ввели газонаполнительную станцию мощностью 2 тыс. т сжиженного газа в год ²⁶.

В 1986—1987 гг. строился газопровод Ходжа-Гугердаг — ЗАУ диаметром 300 мм и протяженностью 100 км, а также газопровод Ходжа-Гугердаг — госграница ДРА — СССР диаметром 800 мм, протяженностью 100 км и вантовый переход газопровода через реку Амударья ²⁷.

Созданная инфраструктура позволила расширить не только потребление газа внутри страны, но и, что особенно важно, увеличить его экспорт. Доля газа в экспорте Афганистана, например, в 1987 г. составляла 57%. Главным покупателем афганского газа был СССР. На 1 февраля 1988 г. объем поставок составил 47 млрд. куб. м на сумму 1,6 млрд. руб., в том числе в 1987 г. — около 1,7 млрд. куб. м. на сумму около 141 млн. рублей. Экспорт природного газа в СССР обеспечивал около 40% доходов госбюджета Афганистана и являлся основным источником погашения советских кредитов ²⁸.

Значительное внимание уделялось развитию нефтяной отрасли. СССР способствовал обустройству месторождений нефти Ангот, Акадаря, Кашкари, а также транспортировке нефти из этих месторождений до нефтеперерабатывающего завода, который также строился при помощи СССР ²⁹. Рост добычи нефти требовал строительства нефтебаз. С помощью СССР в 1981 г. расширили нефтебазу в речном порту Хайратон (провинция Баллах), в 1982 г. в этой же провинции была построена нефтебаза в г. Мазари-Шариф емкостью 12 тыс. куб. м., а в 1983 г. — еще две нефтебазы: в провинции Логар и в г. Пули-Хумри емкостью соответственно 27 тыс. и 6 тыс. куб. м ³⁰.

СССР способствовал развитию не только ресурсодобывающего сектора экономики, но и фабрично-заводского. К моменту Апрельской революции 1978 г. СССР в этой области имел уже немалый опыт сотрудничества. На начало 1988 г. Советский Союз оказывал содействие Афганистану в строительстве и реконструкции 271 объекта. Из них на 130 объектах работы были закончены, а на 105 помощь в строительстве продолжалась. По 36 объектам выполнение договорных обязательств было приостановлено из-за военных действий. Среди сданных в эксплуатацию предприятий можно назвать три автотранспортных предприятия по обслуживанию 300 КАМАЗов и автотранспортное предприятие по обслуживанию бензовозов в Кабуле, вступивших в строй в 1985 г., консервный завод в Джелалабаде, хлебозавод в Кабуле и Мазари-Шарифе, производительностью соответственно 60 и 20 т хлебобулочных изделий в сутки, предприятие по прогрессивной сборке велосипедов мощностью 15 тыс. штук в год в Кабуле (1988 г.) и др. ³¹

Большая помощь Советским Союзом оказывалась в развитии электроэнергетической промышленности. Строились гидро (ГЭС) и тепловые (ТЭС) электростанции и линии электропередач (ЛЭП). Была реконструирована и модернизирована ранее построенная при помощи СССР ГЭС «Наглу», достигшая мощности 100 тыс. кВт/час. Она стабильно обеспечивала электроэнергией промышленные и гражданские объекты, а также население Кабула, Джелалабада, Чарикара и близлежащих населенных пунктов. В городе Мазари-Шариф при заводе азотных удобрений была построена ТЭС, работавшая на природном газе, мощностью 36 тыс. кВт/час, которая в 1982 г. была модернизирована и стала производить 48 тыс. кВт/час. С помощью СССР было создано около 40% энергетических мощностей Афганистана, которые в совокупности давали 2/3 производимой электроэнергии в стране ³².

Помощь СССР Афганистану в промышленной сфере была столь значительна, что позволяет говорить об индустриализации этой страны. Построенные предприятия стали основой фабрично-заводской промышленности страны, их удельный вес в производимой заводской промышленностью продукции составлял более 60% и 75% государственного сектора ³³.

Сотрудничество осуществлялось также в области сельского хозяйства. Помощь СССР в этой сфере выражалась в строительстве ирригационных систем, создании госсектора в сельском хозяйстве, организации машинно-тракторных станций (МТС), элеваторов, поставках семян, сельскохозяйственной техники и т. д.

После 1978 г. в районе г. Джелалабада был сооружен ирригационный комплекс с каналом протяженностью около 70 км, что позволяло орошать более 25 тыс. га новых земель в густонаселенной Мангархарской провинции ³⁴. Этот район был единственным, где климатические условия благоприятствовали выращиванию субтропических культур на орошаемых каналах землях. При содействии СССР были созданы две государственные фермы, специализировавшиеся на выращивании цитрусовых и маслин ³⁵.

СССР стремился расширить материально-техническую базу аграрного сектора. По советскому опыту в ДРА стали строить машинно-тракторные станции. Уже в июле 1979 г. было подписано соглашение, предусматривавшее создание в 1979—1982 гг. семи машинно-тракторных станций (МТС), поставку сельскохозяйственной техники и направление советских специалистов ³⁶. При этом афганским организациям предоставлялись кредиты для приобретения сельхозтехники на очень выгодных условиях: рассрочка платежей сроком до 10 лет под 3% годовых, включая два года льготного периода ³⁷.

К началу 1984 г. в Афганистане было создано и функционировало 5 МТС ³⁸, которые обеспечивались советской сельхозтехникой. Они насчитывали 47 гусеничных тракторов ДТ-75, 222 плуга, 77 зерноуборочных комбайнов СК-5 «Нива», 117 культиваторов, 177 тракторных прицепов, 17 автомобилей, самосвалов и т. д. ³⁹ В общей сложности в 1979—1984 гг. было поставлено более 6 тыс. единиц сельхозтехники на сумму 3,2 млн. рублей ⁴⁰.

Создание МТС требовало обучения местных афганских кадров. В 1979—1983 гг. на курсах механизаторов, открывавшихся при МТС, было подготовлено 183 чел. и 34 обучено индивидуально. Однако МТС

во многом функционировали благодаря советским специалистам, численность которых в начале 1984 г. составляла 423 чел., из которых 192 были механизаторами ⁴¹.

Помощь сельскому хозяйству, в том числе и на безвозмездной основе, осуществлялась также семенами, удобрениями и т.д. По соглашению от 24 декабря 1980 г. в период 1981—1983 гг. СССР поставил: семена пшеницы — 30 тыс. т, сахарная свекла — 90 тыс. т, хлопчатник — 4 тыс. т; фосфатные и сложные удобрения — 29,6 тыс. тонн ⁴². Подобные соглашения подписывались и в последующие годы. Так, по соглашению от 5 июля 1983 г. в 1984—1985 гг. СССР на безвозмездной основе обязывался поставить 20 тыс. т семян пшеницы, 60 тыс. т сахарной свеклы, 2 тыс. т хлопчатника, 20 тыс. т фосфатных и сложных удобрений ⁴³.

Значительное место в отношениях между СССР и ДРА занимало сотрудничество в сфере науки, образования, медицины. В этих областях после прихода к власти НДПА также были достигнуты серьезные результаты. Прежде всего, отметим, что уже в декабре 1978 г. впервые в истории Афганистана была создана Академия наук ⁴⁴.

После Апрельской революции 1978 г. в сложном положении оказался Кабульский университет: 230 опытных и квалифицированных преподавателей уволились, не поддержав «революционные преобразования» ⁴⁵. СССР на безвозмездной основе командировал преподавателей. На начало 1986 г. в университете работало 50 советских специалистов, из них — 4 доктора и 28 кандидатов наук, 18 специалистов без степени (14 преподавателей русского языка, 3 переводчика, 1 зав. лабораторией). Они вели занятия по 61 предмету ⁴⁶. Советские преподаватели работали на восьми факультетах из 13 ⁴⁷. В 1986/87 уч. году здесь работали: доктор философских наук, профессор В. А. Асеев, доктор исторических наук, профессор Б. А. Ширяев, доктор физико-математических наук А. С. Москвин, кандидат биологических наук С. С. Гурин и др. ⁴⁸

При помощи СССР на безвозмездной основе в Кабуле был построен Институт общественных наук ЦК НДПА. Комплекс включал в себя учебный корпус на 300 слушателей с библиотекой, зал Ученого совета, читальный зал, книгохранилище, типографию, фотолабораторию, лингафонный кабинет; общежитие площадью 1800 кв. м на 300 мест; конференц-зал на 400 мест; спортзал размером 18х36 м с раздевалками и душевыми; столовую на 128 посадочных мест с кухней; хозблок, в котором размещалась котельная, мастерская для ремонта машин, прачечная; три корпуса жилых домов на 63 квартиры для преподавателей и сотрудников; склад для хранения материалов. Кроме того, была выполнена в соответствии с проектом прокладка теплотрассы, электрических, телефонных и других наружных и внутренних коммуникаций, а также проведено строительство дорог, благоустройство территории, устройство наружного освещения, строительство КПП, охранных вышек, каменного забора и др. Строительство ИОН было начато в 1982 г. и заняло 3,5 года ⁴⁹.

Серьезное внимание в отношениях между двумя странами занимало сотрудничество в области развития профессионально-технического образования в Афганистане. К середине 1987 г. с помощью СССР были созданы и функционировали 10 из 12 профтехучилищ, в которых обучалось 3500 учащихся по 40 рабочим профессиям ⁵⁰.

Существенная помощь со стороны СССР оказывалась также в области медицины — фактически создавалась новая система здравоохранения, которой в Афганистане никогда не было. До Апрельской революции 1978 г. в 15-миллионной стране насчитывался всего 901 врач (один на 20 тыс. чел.), функционировало 76 больниц (5419 коек: одна на 3 тыс. жителей)⁵¹. СССР оказывал помощь в строительстве больниц и поликлиник, их оснащении оборудованием, безвозмездно передавал медикаменты, готовил медработников, командировал в Афганистан врачей.

Еще в 1976 г. с помощью СССР был введен в действие военный госпиталь на 400 коек в Кабуле, оснащенный советским оборудованием. Госпиталь был передан в дар афганскому народу. В мае 1979 г. при нем открыли поликлинику на 500 посещений в день⁵².

Острая нехватка больниц требовала увеличить их количество. В течение 9 лет — с 1979 по 1988 г. — было построено 35 новых больниц, их общее число достигло 111. Чрезвычайно важной задачей являлась подготовка медицинских кадров. В мае 1979 г. на базе медицинского факультета Кабульского университета был создан самостоятельный медицинский институт Минздрава Афганистана. В медицинские вузы СССР на учебу принимались афганские граждане. В частности, в 1980 г. их было 97⁵³. Численность врачей в стране удалось увеличить в 9 раз, в 1988 г. она составила 7,1 тыс. человек⁵⁴.

Огромное значение для афганской медицины имела безвозмездная поставка медикаментов и оборудования. Уже в 1979 г. было подписано подобное соглашение, предусматривавшее поставки, в частности, гипса медицинского — 2 т, наборов операционных — 10 штук и т.д.⁵⁵ Подобные поставки осуществлялись и в последующем. В отчете о командировке советской медицинской делегации в июне 1980 г. отмечалось: «В порядке оказания безвозмездной медицинской помощи в Афганистан за последние годы направлено 18 млн. доз оспенной вакцины и 11 млн. доз холерной вакцины»⁵⁶. За 10-летний период сотрудничества в сфере здравоохранения были достигнуты серьезные положительные результаты, но, тем не менее, оно еще было развито слабо, особенно в провинциях.

Советский Союз был не только главным торговым партнером Афганистана в период войны, но и главным его кредитором. Причем кредиты предоставлялись на весьма льготных условиях, под 2—3% годовых сроком на 12—15 лет. Первый кредит на экономические цели был выдан 1 марта 1979 г. на сумму 200 млн. руб., в декабре 1980 г. снова был выделен кредит на 200 млн. руб., в 1985 г. — на сумму 168 млн., в 1987 г. — на 50 млн., в марте 1988 г. — на 15 млн., в феврале 1988 г. — на 20 млн. рублей⁵⁷.

По просьбе афганского правительства, для облегчения экономического положения страны СССР нередко соглашался на предоставление отсрочки платежей по государственным кредитам. На начало 1988 г. эта сумма составила 897 млн. руб., в том числе 761 млн. руб. — после прихода к власти НДПА. На середину 1988 г. задолженность Афганистана по государственным кредитам, предоставляемым на экономические цели, составила 1,2 млрд. руб., а с учетом спецкредитов — свыше 2,1 млрд. рублей⁵⁸.

С приходом к власти М.С. Горбачёва политика СССР в отношении Афганистана изменилась. Был взят курс на вывод советских войск из этой страны и ограничение советского политического и идеологического присутствия. Окончательное решение о выводе войск было принято 13 ноября 1986 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС: «Стратегическая цель — в один, максимум два года завершить войну и вывести войска»⁵⁹. На этом же заседании Генсек сделал важный политический вывод, признавшись: «... мы же не социализма там хотим»⁶⁰. Это был резкий отход от прежней стратегической политики КПСС.

Новая стратегия СССР в отношении своего соседа теперь заключалась в сохранении в модифицированном виде политического режима и статуса Афганистана как независимого, нейтрального и дружественно-го государства.

Следует заметить, что приняв решение о выводе войск, тем не менее, руководство СССР не собиралось сворачивать экономическое сотрудничество и помощь Афганистану. В экономической и идеологической стратегии появились качественно новые явления: СССР стал сотрудничать с представителями частного сектора и создавать для его развития более благоприятные условия. Посол в Кабуле Н.Г. Егорычев убеждал членов Комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану в том, чтобы «незамедлительно решать вопрос о сбалансированности нашей торговли с частными афганскими фирмами и купцами, так как вопрос приобретает не только торгово-экономическое, но и политическое звучание»⁶¹.

С целью расширения социальной базы режима Наджибуллы была предпринята попытка создания небольших совместных государственно-частных предприятий. Для этого СССР выделил кредит на сумму 50 млн. рублей. Данные предприятия должны были в основном производить потребительские товары. Были также созданы два совместных советско-афганских торговых акционерных общества: «Афторг» и «Афтен-то», которые занимались вопросами продвижения советских товаров на афганский рынок, а также закупками афганских товаров⁶². Через «Афторг» продавались такие советские товары, как металлическая и фарфоровая посуда, обувь, спортивные, канцелярские товары, хозяйственные изделия и др. Из Афганистана в СССР планировалось поставлять ковры, меховые и трикотажные изделия, сухофрукты, орехи и т.д.⁶³

Важным направлением экономической помощи накануне вывода советских войск стала новая форма сотрудничества — прямые связи между советскими республиками, областями и организациями с провинциями и организациями Афганистана⁶⁴. Предусматривалось сотрудничество в области науки и культуры, обмен производственным опытом, помощь в области подготовки афганских специалистов, поставки товарно-материальных ресурсов за счет резервов республик и регионов СССР⁶⁵. Предполагаемая сумма поставок по прямым связям определялась в 60 млн. рублей. Уже в августе 1988 г. из СССР и союзных республик в Афганистан поступило 32 тыс. т товаров, из которых в афганские провинции было отгружено 24 тыс. тонн⁶⁶.

Устанавливались прямые шефские связи между производственными объединениями. В частности, такой протокол был подписан между ГПО «Средгазпром» и департаментом «Афтогаза», по которому предполага-

лось предоставить производственный опыт в области бурения, добычи газа и газового конденсата, капитального ремонта скважин; передать отдельные виды оборудования и материалов для объектов газовой промышленности Афганистана; подготовить специалистов в области газодобывающей промышленности в количестве 56 человек ⁶⁷.

Третье направление новой экономической стратегии не являлось новым — оно касалось безвозмездной помощи. При этом объем этой помощи не сокращался, а наоборот, увеличивался. В феврале 1987 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление, в котором предусматривалось предоставление безвозмездной гуманитарной помощи в течение 1987 г. на сумму 950 млн. рублей ⁶⁸. Рост безвозмездной помощи подтверждается сравнительными данными. Если с 1978 по 1988 г. ее объем составил более 1,4 млрд. руб., то более 50% этой суммы приходилось на 1987—1988 годы ⁶⁹.

11 сентября 1988 г. президент Афганистана, генеральный секретарь ЦК НДПА Наджибулла направил послание Горбачёву, в котором обрисовал тяжелое положение правящего режима. В частности, отмечалось, что «с началом вывода советских войск значительно ослаб военный потенциал государственной власти, усилился моральный дух контрреволюции». Он также предупреждал советского руководителя о том, что в случае победы моджахедов «Народно-демократическая партия Афганистана не только будет отстранена от власти, но и разгромлена. А тысячи и тысячи ее членов уничтожены. И едва ли те, кто придет к власти на волнах исламского фанатизма в качестве победителей, будут строить свои отношения с Советским Союзом на основах дружбы и сотрудничества» ⁷⁰.

Подобную перспективу в Москве не хотели допускать. Вывод советских войск продолжался, но экономическое сотрудничество пытались расширить. Свидетельством этому является подписание Долгосрочной программы экономического, технического и торгового сотрудничества на период до 2000 г. во время визита в Москву премьер-министра Афганистана М. Х. Шарка 19—20 сентября 1988 года. Кроме того, были подписаны Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве с предоставлением 300 млн. руб. на проведение проектно-изыскательских и первоочередных работ по объектам, предусмотренным Долгосрочной программой, и Протокол о продолжении в 1989—1993 гг. приема на обучение в вузы и техникумы СССР 1500 афганцев ежегодно ⁷¹. Помимо этого, СССР дал согласие осуществлять безвозмездную поставку товаров в течение 5 лет, предоставить на 1989 г. дополнительно безвозмездную товарную помощь в объеме 120 млн. руб., а также заявил о готовности оказать в этом же году товарную помощь на 150 млн. руб. в рамках разрабатываемой ООН Программы чрезвычайной помощи Афганистану — всего на 270 млн. рублей. Немаловажным для Афганистана было и то, что СССР предоставил отсрочку платежей на 10 лет по советским государственным кредитам, кроме того предусматривалось предоставление кредита для сбалансирования клиринговых расчетов между СССР и Афганистаном на 12 лет под 2% годовых ⁷².

Однако реализация столь амбициозной программы, какой являлась «Долгосрочная программа ...», после вывода советских войск становилась маловероятной. Афганские провинции захватывались моджахедами,

многие хозяйственные объекты ими либо уничтожались, либо разрывались и закрывались. В этих условиях советская сторона вынуждена была корректировать объемы экономической и финансовой помощи. Министр внешнеэкономических связей СССР К.Ф. Катушев информировал соответствующие инстанции: «Планом на 1989 год предусмотрено оказание технического содействия Афганистану в объеме 82 млн. рублей. В связи с приостановкой сотрудничества по ряду объектов, связанной с военно-политической обстановкой в Демократической Республике Афганистан, МВЭС предлагает уменьшить плановые задания на 53 млн. рублей (в т. ч. 45 млн. рублей — госкредит, 4 млн. рублей — коммерческий кредит, 4 млн. рублей — наличный расчет)»⁷³.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что Советский Союз в период войны оказывал значительную помощь в различных сферах экономики Афганистана. Политическим мотивом, которым при этом руководствовался СССР, была поддержка дружественного режима, провозгласившего курс на строительство социализма. Но объективно эта помощь способствовала развитию как экономики, так и некоторых важных социальных сфер афганского общества, особенно здравоохранения и образования. В современном афганском обществе существует такое понимание, именно поэтому образ «шурави» приобретает положительный смысл.

Примечания

1. Известия. 1955. 16—18, 20 декабря.
2. Известия. 1963. 12—13, 15—16, 18, 20 октября.
3. История дипломатии. Т. 5. Кн. 1. М. 1974, с. 528.
4. АЛЛАН П., КЛЕЙ Д. Афганский капкан. Правда о советском вторжении. М. 1999, с. 53.
5. Демократическая Республика Афганистан. М. 1981, с. 9, 67, 73.
6. АЛЛАН П., КЛЕЙ Д. Ук. соч., с. 69.
7. Правда. 4.V.1978.
8. КОРНИЕНКО Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М. 2001, с. 238.
9. Цит. по: Там же, с. 238.
10. Выступление А. А. Громыко на пленуме ЦК КПСС. 23 июня 1980 года. Российский государственный архив научной информации (РГАНИ), ф. 89, оп. 14, д. 40, л. 1.
11. Там же, л. 6.
12. Красная звезда. 18.XI.1989.
13. РУБЦОВ Ю.В. Советский Союз в «необъявленной» войне в Афганистане (1979—1989 годы): осмысление прошлого. — Новая и новейшая история. 2009, № 1, с. 50.
14. Позиция руководства США в связи с вводом советских войск в Афганистане в 1979 г. Документы. — Там же. 1997, № 3, с. 116.
15. Советник по экономическим вопросам посольства СССР в ДРА Б.А. Титов господину Асилю — президенту департамента производства Министерства планирования Демократической Республики Афганистан. 17 января 1979 г. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 365, оп. 9, д. 2703, л. 6.
16. Внешняя торговля СССР. 1983, № 4, с. 28.
17. Протокол о товарообороте между Союзом Советских Социалистических Республик и Демократической Республики Афганистан в 1984 году. 27 декабря 1984 г. РГАЭ, ф. 413, оп. 13, д. 7560, л. 122—125.
18. Справка о советско-афганских торговых отношениях. 17 февраля 1988 г. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 797, оп. 1, д. 27, л. 64.

19. Там же.
20. Там же.
21. Соглашение о безвозмездной поставке товаров из СССР в Демократическую Республику Афганистан в 1980—1984 гг. РГАЭ, ф. 413, оп. 13, д. 7560, л. 45.
22. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Демократической Республики Афганистан об экономическом и техническом сотрудничестве. 1 марта 1979 г. Там же, ф. 365, оп. 9, д. 2703, л. 13—19.
23. Горно-обогатительный комбинат и медеплавильный комбинат «Айнак» в Демократической Республике Афганистан. Техничко-экономическое обоснование строительства (ТЭО). Там же, ф. 4372, оп. 67, д. 3289, л. 89.
24. Там же, л. 85.
25. Справка о сотрудничестве с Демократической Республикой Афганистан в области газовой промышленности. 20.04. 1986 г. Там же, ф. 458, оп. 1, д. 9039, л. 2.
26. Там же, л. 1, 3.
27. Там же, л. 2.
28. Справка об экономическом и техническом сотрудничестве Советского Союза и Республики Афганистан. Февраль 1988 г. РГАСПИ, ф. 797, оп. 1, д. 27, л. 89.
29. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Демократической Республикой Афганистан об экономическом и техническом сотрудничестве. 1 марта 1979 г. РГАЭ, ф. 365, оп. 9, д. 2703, л. 13.
30. БОНДАРЕНКО И.Н. Как мы строили в Афганистане. М. 2009, с. 33.
31. Справка об экономическом и техническом сотрудничестве Советского Союза и Республики Афганистан. Февраль 1988 г. РГАСПИ, ф. 797, оп. 1, д. 27, л. 88; БОНДАРЕНКО И.Н. Ук. соч., с. 34, 37—40.
32. Справка об экономическом и техническом сотрудничестве Советского Союза и Республики Афганистан. Февраль 1988 г. РГАСПИ. ф. 797, оп. 1, д. 27, л. 88; Внешняя торговля СССР. 1988, № 4, с. 34.
33. Экономическое положение Республики Афганистан; Торгово-экономическое сотрудничество между СССР и Афганистаном. РГАНИ, ф. 797, оп. 1, д. 33, л. 30.
34. Внешняя торговля СССР. 1983, № 4, с. 26.
35. Там же, 1980, № 5, с. 17—18.
36. Соглашение об оказании Демократической Республике Афганистан технического содействия в создании машинно-тракторных станций. 30 августа 1979 г. РГАЭ, ф. 365, оп. 9, д. 2703, л. 96.
37. Там же, л. 98.
38. О техническом содействии ДРА в создании машинно-тракторных станций. Там же, ф. 446, оп. 1, д. 3795, л. 1.
39. Наличие сельскохозяйственной техники в машинно-тракторных станциях в ДРА на 01.01.1984 г. (советского производства). Там же, л. 17.
40. О техническом содействии ДРА в создании машинно-тракторных станций. Там же, л. 1.
41. Справка о деятельности машинно-тракторных станций в ДРА в 1979—1983 гг. Там же, д. 3651, л. 19, 24.
42. Соглашение о поставке безвозмездной помощи семян и удобрений из СССР в ДРА в 1981—1983 гг. 24 декабря 1980 г. Там же, оп. 13, д. 7560, л. 61—62.
43. Соглашение о безвозмездной поставке семян и удобрений из СССР в Демократическую Республику Афганистан в 1984—1985 гг. 5 июля 1983 г. Там же, оп. 13, д. 7560, л. 113—115.
44. АРИСТОВА Л.Б. Социальная инфраструктура Афганистана (система просвещения и здравоохранения в конце 70-х — середине 80-х годов). В кн.: Афганистан: история, экономика, культура. Сб. статей. М. 1989, с. 100.
45. Отчет о работе советских специалистов Кабульского университета в 1984 году. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 9606, оп. 11, д. 323, л. 4—10.
46. Отчет о работе советских специалистов Кабульского университета в 1985 году. Там же, д. 354, л. 11.
47. Там же, л. 10.
48. Кабульский университет. Краткая справка. Там же, л. 36—37.
49. БОНДАРЕНКО И.Н. Ук. соч., с. 82, 93.

50. Отчет об итогах поездки делегации Госпрофобра СССР в Демократическую Республику Афганистан. ГА РФ, ф. 9507, оп. 6, д. 2791, л. 11.
51. Демократическая Республика Афганистан: Справочник. М. 1981, с. 151.
52. Отчет о командировке в Демократическую Республику Афганистан с 11 по 18 июня 1980 года. ГА РФ, ф. 8009, оп. 50, д. 8855, л. 131.
53. Там же, л. 132.
54. Экономическое положение Республики Афганистан; Торгово-экономическое сотрудничество между СССР и Афганистаном. РГАСПИ, ф. 797, оп. 1, Д. 33, л. 14.
55. Соглашение о безвозмездной поставке некоторых товаров из Союза Советских Социалистических Республик в Демократическую Республику Афганистан в 1979 году. 20 декабря 1979 г. РГАЭ, ф. 413, оп. 32, д. 117, л. 2—4.
56. Отчет о командировке в Демократическую Республику Афганистан с 11 июня по 18 июня 1980 года. ГА РФ, ф. 8009, оп. 50, д. 8855, л. 132.
57. Экономическое положение Республики Афганистан; Торгово-экономическое сотрудничество между СССР и Афганистаном. РГАСПИ, ф. 797, оп. 1, д. 33, л. 34.
58. Там же, л. 65.
59. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985—1991). М. 2008, с. 104.
60. Там же, с. 106.
61. Материалы Егорычева Н.Г. к Комиссии Политбюро ЦК КПСС. 6 мая, 27 июня 1988 г. РГАСПИ, ф. 797, оп. 1, д. 31, л. 25.
62. Справка о советско-афганских торговых отношениях. 17 февраля 1988 г. Там же, д. 27, л. 67.
63. Советско-афганское торговое общество «Афторг». — Внешняя торговля СССР. 1988, № 10, с. 33.
64. НАБАТ М.М. Стратегия экономической помощи СССР Афганистану накануне вывода советских войск. — Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2018, т. 10, вып. 1, с. 124.
65. О прямых связях с Афганистаном (сентябрь 1988 г.). РГАСПИ, ф. 797, оп. 1, д. 33, л. 67.
66. Там же, л. 70.
67. Протокол об установлении прямых шефских связей между ГПО «Средазгазпром» Министерства газовой промышленности СССР и департаментом «Афгангаз» Министерства горных дел и промышленности Республики Афганистан. 26 февраля 1988 г. РГАЭ, ф. 458, оп. 1, д. 9868, л. 1, 5.
68. О расширении безвозмездной помощи СССР и товаров, поступающих в Республику Афганистан по линии прямых шефских связей. РГАСПИ, ф. 797, оп. 1, д. 27, л. 129.
69. Справка о ходе оказания Республике Афганистан безвозмездной помощи. РГАНИ, ф. 797, оп. 1, д. 33, л. 84.
70. Письмо Президента Республики Афганистан Наджибуллы М. Горбачёву М.С. РГАСПИ, ф. 797, оп. 1, д. 33, л. 120—132.
71. ЕГОРЫЧЕВ Н.Г. Солдат. Политик. Дипломат. Воспоминания об очень разном. М. 2017, с. 334.
72. Там же, с. 334; НАБАТ М.М. Ук. соч., с. 127; Внешняя торговля СССР. 1989, № 1, с. 26.
73. Министр внешнеэкономических связей Катусhev К.Ф. Председателю Государственной внешнеэкономической комиссии Совета Министров СССР т. Каменцеву В.М. Об уточнении лимитов экспорта и объемов оказания технического содействия на 1989 год. 13 июля 1989 г. ГА РФ, ф. 5446, оп. 150, д. 1876, л. 74.

Подпольная адвокатура Области войска Донского во второй половине XIX в.

И. В. Ростовщиков, Я. В. Трофимов

Аннотация. Публикация содержит исследование такого явления, как подпольная адвокатура на территории Области войска Донского во второй половине XIX века. Для работы авторы привлекли значительное количество материалов периодической печати исследуемого временного промежутка. Были выявлены причины возникновения и функционирования подпольной адвокатуры, отношение к ней современников. По итогам исследования сделаны выводы и определены последствия существования подпольной адвокатуры для реальной правовой жизни конца XIX века.

Ключевые слова: присяжные поверенные, подпольные адвокаты, периодическая печать, история России.

Abstract. The publication contains a study of such a phenomenon as an underground advocacy on the territory of the Oblast' vojska Donskogo in the second half of the 19th century. For work, the authors involve a considerable number of periodic printing materials of the time interval under study. The causes of the emergence and functioning of the underground bar, the attitude of contemporaries to it are revealed. Based on the results of the research, scientific conclusions were drawn and the consequences of the existence of an underground legal profession for the real legal life of the end of the XIX century were revealed.

Key words: sworn attorneys, clandestine lawyers, periodical press, history of Russia.

Многие научные исследования в области истории права, как нам представляется, имеют один традиционный недостаток. Он состоит в том, что объектом исследований выступают исключительно нормы официального законодательства, регулировавшие различные общественные отношения. В результате учеными анализируется история законодательства в отрыве от действительной правовой жизни осуществлявших нормы права людей. В то же время не менее значительный научный интерес имеют сложив-

Ростовщиков Игорь Викторович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой Института права Волгоградского государственного университета. E-mail: rostovschikov@volsu.ru; *Трофимов Ярослав Валерьевич* — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Института права Волгоградского государственного университета. E-mail: trofimov@volsu.ru.

Rostovschikov Igor V. — PhD (Law), professor, head of the department at the Institute of the Law, Volgograd State University. E-mail: rostovschikov@volsu.ru; *Trofimov Yaroslav V.* — PhD (Law), associate professor, head of the department at the Institute of the Law, Volgograd State University. E-mail: trofimov@volsu.ru.

шиеся на практике в определенный временной промежуток общественные отношения, регламентированные нормами права. Таким образом, из области формально должного исследователь может переместиться в область сущего или, если говорить в прошедшем времени, в область жизненно сложившегося.

Разумеется, само по себе исследование норм законодательства несомненно важно. Но оно не всегда дает полное понимание картины прошлого. В результате получается, условно говоря, «лубок» явления жизни, имеющий такое же отношение к действительности, как идеальная восковая фигура к живому человеку и его поведению.

Картину правовых и псевдоправовых явлений в пределах вековой или двухвековой давности, прежде всего, дает периодическая печать, охватывавшая повседневную жизнь в определенный временной промежуток. Авторы публикаций, безусловно, несли немалую ответственность за достоверность печатающихся сведений, которая обеспечивалась и контролировалась наиболее заинтересованными лицами — теми, кому были посвящены печатные материалы.

Научный анализ периодических изданий второй половины XIX в. Области войска Донского позволяет исследовать в частности такое явление правовой жизни, как подпольная адвокатура, и увидеть отношение к нему со стороны современников. Сразу оговоримся, что подпольная адвокатура была присуща не только Области войска Донского, но и другим территориальным образованиям Российской империи ¹.

Авторы умышленно заостряют внимание на содержании материалов периодических изданий, поскольку они наиболее точно, комплексно и детально позволяют осмыслить это явление, сделать выводы о его роли для значительного числа населения Области войска Донского, при этом, мы не ставим себе заведомо невыполнимой сверхзадачи — анализа и осмысления материалов всех периодических изданий, существовавших в губерниях Российской империи второй половины XIX в., ограничившись территориальными рамками Области войска Донского, имевшей свою целостность и самобытность.

Временной промежуток в статье, применительно к проблеме подпольной адвокатуры, также выбран не случайно. Вторая половина XIX в. — период становления института адвокатуры в том виде, в котором мы можем наблюдать его и сегодня, разумеется, с известными отличиями. Формирование данного института явилось следствием судебной реформы 1864 г. Александра II.

По существу, до второй половины XIX в. можно вести речь о судебном представительстве ², аудиторах при военных судах ³, институте депутатства от сословий, то есть о стряпчих, ходатаях, заступниках и прочих, но не об адвокатах в современном понимании этого слова.

После судебной реформы 1864 г. в качестве правозащитников, защитников по уголовным делам, представителей по гражданским делам появляются присяжные поверенные (в том числе, частные поверенные), в которых легко узнать современных адвокатов. Однако наряду с легально действовавшими присяжными поверенными в правовой жизни Области войска Донского второй половины XIX в. принимали участие и подпольные адвокаты, порождая такое явление, как подпольная адвокатура.

Вот как описывает это явление один из его современников: «Помимо законом установленной адвокатуры, существует еще адвокатура нелегальная или, проще говоря, подпольная. История подпольной адвокатуры — в далеком прошлом. Тогда она играла видную роль — в эпоху письменного процесса, когда возможно было строчить безконечное число бумаг и затягивать дело на самое продолжительное время. Если новый процесс ввел устность, то он однако оставил еще значительно много места и для письменности, так что почва для всякаго рода прошений во всяком случае есть и в новом процессе. Много говорят об адвокатуре присяжной, много порой грязи бросают в нее, часто и часто не основательно; кричат громко и именно кричат люди более или менее состоятельные. Но совершенно не слышно того стона, который раздается от тех бедняков, которые несут последние гроши на пошрины, марки и т.д. и вдобавок приплачивают за написание подпольными адвокатами прошений... Стоит пойти с утра к зданию присутственных мест и побыть на тротуаре, на стороне, где расположен суд, как сейчас же можно заметить несколько человек, разгуливающих взад и вперед и поджидающих “жертвы”. Ведь это-то — и подпольные адвокаты. Они с 7 или 8 часов утра неотлучно находятся на тротуаре. Это — пауки, которые раскинули паутину и ждут, пока муха попадет к ним, чтобы высосать из нея все соки»⁴.

Характерно описание подпольных адвокатов, приведенное другим современником, проживавшим в г. Новочеркасске в 1889 г.: «В Новочеркасске, как и вообще во всех местностях Руси святой, “аблакатов” — масса. Пойдите вы, напр., в окружной суд или в камеру любого из городских судей, или в съезд, присмотритесь вы к личностям, шмыгающим по коридорам и в иных побочных местах: говорят эти личности или таинственно и глубокомысленно, или торопко, скороговоркой; одеты в штатское платье, но в большинстве случаев носят фуражки с чиновничьей кокардой (для престижа); на лице отпечаток лисьей пронырливости, лукавства и склонности к объегориванию; нос обыкновенно с багрово-фиолетовым отливом; глаза — вечно бегающие с одного предмета на другой. Таков в общем тип этих личностей. Нос, свидетельствующий о спиртовом воздействии на него, является одною из характерных особенностей их. Подобное обстоятельство имеет свое основание. В “аблакатуру” пускаются обыкновенно лица, обладающие известною бойкостью и знанием ходов жизни. “Аблакатура” все-таки дает порядочный доход, и трезвый “аблакат” постепенно теряет свою специфическую окраску, обращаясь понемногу в “поверенного”, более или менее чистаго. Но если аблакат склонен к хлебному вину, тогда он так и остается вечным аблакатом, перенося свою деятельность, по мере увеличения водочной потребности, из своей квартиры в гостиницы, в трактиры и грязные кабаки...»⁵

Иллюстративна печатная хроника г. Ростова-на-Дону. «Говоря о частной адвокатуре в Ростове, мы оставим в покое ту часть ея, которая имеет на то установленныя разрешения, а поговорим исключительно о частной подпольной адвокатуре, которая, с каждым днем размножаясь, все более опутывает своими сетями, главным образом, не интеллигентную часть населения. Всегда в любую пору дня и даже ночи, вы можете встретить в каждом трактире, в каждом кабаке гг. “аблакатов”; вооруженные пером (за ухом), чернильницей и бумагой, они избирают для своей деятельности

только те места, где сосредотачивается простой народ, где обыкновенно съезжается крестьянский люд, которому часто приходится иметь дело с разными “наделами” и “разделами”. Попадаясь в руки этих тунеядцев, нередко мужики доверяют им разные необходимые для дел бумаги и при этом вручают им “задаточные” деньги, а сами остаются без документов и без денег. Многие из этих сомнительных юристов не имеют определенного жилья; день их выгоняет на добычу, а ночью они, как и паразиты ютятся по разным трущобам и подозрительным притонам. Нередко приходится потом встречать простака-поселянина, который, выражаясь языком малороссов, “шука вітра в полі” — ищет своего благодетеля-адвоката, наобещавшего ему разных благ и блестящих последствий, а в конце концов лишь безбожно ограбившего его»⁶.

Следует заметить, что подпольных адвокатов отличал крайне низкий уровень правовых знаний, зачастую полное отсутствие юридического образования и абсолютное пренебрежение к интересам лица, нуждавшегося в судебной защите. Во главе всего стоял имущественный интерес, который, как водится, у разных людей разный: от довольно значительных денежных сумм, до стакана спиртного. Вмешательство подпольного адвоката зачастую приводило к непоправимым неблагоприятным последствиям для лица, доверившегося ему.

Приведенные примеры из жизни говорят о достаточно широкой распространенности подпольной адвокатуры. Не менее интересно проанализировать в научном плане мнение современников о качестве и результативности услуг подпольных адвокатов.

«Масса дел ведется неизвестно для чего и по самым неосновательным поводам, при чем большая часть их обуславливается невежеством просителей и жалобщиков. Нет сомнения, что много помогают возникновению таких дел и подпольные ходатаи, которые, будучи вне контроля, пишут всякие жалобы и “вчинают” всевозможные иски, лишь бы получить что-нибудь, хотя бы даже стакан водки»⁷.

«Какое активное участие может принять адвокат, напр., в окружном суде? Непосредственно — никакого; единственно, что он может сделать, это написать все тоже прошение. Оно пишется не только, когда нужно, но и тогда, когда совсем не нужно. Так, проситель утвержден в правах наследства; ему нужно получить из суда копию определения. Это он может получить, обратившись в канцелярию с словесной просьбой, и канцелярия обязана исполнить эту просьбу. Подпольный адвокат однако напишет прошение, возьмет за написание да на марки, обыкновенно больше, чем это нужно, приведет кожуха в суд с прошением и окажет еще любезность, показав комнату, где дежурный член принимает прошения. Мне рассказывали случай, как одна женщина уплатила адвокату, помимо нескольких марок, и наследственные пошлины, а когда пришла получать уже “готовое”, то оказалось, что нужно было платить еще раз пошлины»⁸.

«Один из наших новочеркасских аблакатов, еще не так давно имевший широковещательную вывеску о том, каких дела он ведет и какие советы дает, взял на днях с простого, доверчивого мужика несколько рублей с целью выхлопотать ему право — на что бы думали? ... — на производство раскопок курганов и розыск кладов... Помешавшийся на кладах му-

жик ходил к своему доверенному, кланялся, просил и давал “на марки”; в заключение, конечно, пиковый интерес и потеря денег...

Другой поверенный подобного же типа в одной из окружных станиц нашей области недавно подал мировому судье прошение, в котором просил привлечь к уголовной ответственности казака Н-ва за убиение кобеля у его доверителя. “И как кобель был борзой и при том редких внутренних качеств, а потому прошу привлечь казака Н-ва в суд и наказать по уголовным законам, так как такое действие строго воспрещено покровительством животным (?)”. Так гласило прошение...»⁹

«... Присудили исковую сумму; остается ждать, когда решение войдет в законную силу, чтобы получить исполнительный лист. Нет, истец на этом не успокоится; он будет требовать копию решения, совсем ему не нужную, — требовать по совету адвоката для того, чтобы получить от старшего нотариуса крепостной акт, если иск был о недвижимом имении (?!). Мне рассказывали как факт, что крестьяне однажды ходатайствовали о вводе их во владение тем недвижимым имением, какое у них было в залоге, и, как акт укрепления представили закладную крепость.

Не перечислишь той массы случаев, когда подпольные адвокаты находят возможность писать прошения, ответы, заявления. Правила гражданского судопроизводства для них не существуют, равно как и нормы материального права»¹⁰.

«Некая казачка, по фамилии Щепетнова, поручила ему дело и выдала на расходы денег. Щепетнову вызывают в суд; но адвокат не является и требует еще денег. Щепетнова дает; но адвокат требует еще и еще. Тогда Щепетнова просит отдать ей обратно документы; но адвокат требует и за это денег. Не зная что делать и, подсмотрев, куда адвокат положил ее документы (он их складывал в корзину под кроватью), Щепетнова идет к местному мировому судье и спрашивает его: какому она подвергнется наказанию, если сворует у своего адвоката свои документы? Не знаем, что ответил на этот вопрос судья; но Щепетнова добыла таки свои документы»¹¹.

Приведенные примеры являются демонстрацией деловых качеств подпольных адвокатов в гражданском судопроизводстве. Однако подобное можно обнаружить и при рассмотрении уголовных дел.

«27 ноября, прошлаго года (1886 г. — *И.Р. Я.Т.*) Урюпинский станичный суд, рассмотрев дело по обвинению кзачки Пелагеи Просвировой в краже картофеля у казака Мушкетова, приговорил ее к трех-дневному аресту и 3-х рублевому взысканию в пользу Мушкетова за украденный картофель. Имея в виду, что Просвирова действительно совершила кражу и что наказание определено ей ничтожное, следовало бы подчиниться такому приговору станичного суда; но как на беду Просвирова обратилась к адвокату, который перенес дело в кассационном порядке в съезд мировых судей и ссылаясь на то, что кража, по объяснению потерпевшего, произведена ночью, т. е. при увеличивающих вину обстоятельствах и что, следовательно, дело о краже подсудно мировым учреждениям, просил отменить решение суда. Съезд уважил ходатайство Просвировой, передал дело мировому судье, а этот последний взял да и приговорил ее ни больше ни меньше, как трех-месячному тюремному заключению. Как вам это нравится? Три дня ареста при станичном правлении и три месяца (около

100 дней) тюремного заключения. Вот так выиграл! Не менее выиграл и другой адвокат по делу казака Митрофана Саломатина. Последний тоже приговорен был Добринским станичным судом за кражу быка у казака Михаила Щербакова к трех-дневному аресту и к уплате Щербакову 13 руб. убытков. Решение суда состоялось 18 января сего года. Адвокат, основываясь на том, что кража скота ни в каком случае не подсудна станичному суду, кассировал вышеприведенное решение, при чем в результате получился приговор мирового судьи, которым Саломатин приговорен к четырех-месячному тюремному заключению и к уплате Щербакову 35 руб. Таким образом, адвокат выиграл своему клиенту в замене трех-дневного ареста 120-ти дневное тюремное заключение и вместо 13 руб. — 35 руб. платежа, не считая других издержек и гонорара самому адвокату, который ни в каком случае не возмет ниже рубля и полквартиры водки при написании и двух-трех полквартир по отмене решения до постановления судьейю своего приговора.

Вот деятельность подпольных адвокатов. Пусть попробует поступить так патентованный»¹².

Разумеется, с течением времени подпольная адвокатура изменялась. При этом она не теряла своих основных признаков. Речь идет о ее широком распространении среди простого населения, низком уровне правовых знаний и пренебрежении подпольных адвокатов к интересам лиц, нуждавшихся в судебной защите.

Вот как описывается динамика распространения подпольной адвокатуры современником: «Ранее практиковалось все это в кабаках. Там за бутылкой водки каким-нибудь “босяком” писалась ябеда. Теперь не то: теперь подпольный адвокат не босяк, а живущий “канцелярским трудом”; теперь он пишет не за бутылку водки, а берет от 1 р. до 5 р. и более за прошение. Его консультация не в кабаке, а у дверей суда или в гостинице. На прежнего адвоката смотрели, как на босяка; так к нему и относились. Современный подпольный адвокат гордо поднимает голову: с ним нельзя так обходиться, как обходились с прежним адвокатом; иначе он потянет к мировому судье, ибо знает законы, сравнительно грамотен, служил “в сих же судах и канцеляриях” (выражение подпольных адвокатов, в подавляющем большинстве случаев не соответствующее действительности, применяющееся ими для демонстрации своей мнимой компетентности. — *И.Р., Я.Т.*)»¹³.

«Адвокат и пишет, а что из этого писания получится, ему нет никакого дела; если же упрекнут его за бесполезность написанного, то виновных он найдет: служащие в суде, так как они у самого дела. Новая формация подпольного адвоката пишет прошения, как и сказал выше, не в кабаке, а в гостиницах, и не за бутылкой водки, а за приличной выпивкой и закуской. На клиента своего он смотрит, как на человека, который без него, адвоката, не может обойтись; он назначает плату с подробным мотивом ее размера и всякому торгующемуся даст острастку.

Раньше писали только прошения; современный (подпольный. — *И.Р., Я.Т.*) адвокат берется вести дело, обещая клиенту прислать и исполнительный лист»¹⁴.

Приведенные цитаты очевидцев свидетельствуют о том, что подпольная адвокатура была неэффективной, неквалифицированной, однако,

в отсутствие правовой грамотности населения острота жизненной ситуации толкала людей на обращение к подпольным адвокатам. Это была благодатная почва, на которой возможно было успешно паразитировать. Отчаявшиеся люди в сложной жизненной ситуации верили подпольным адвокатам, как верят в магов, провидцев, гадалок и прочих. Живое описание очевидцев весьма существенно для исследования этого явления. Между тем, не менее важным является выявление причин появления подпольной адвокатуры, ее популярности, веры в ее действенность в качестве средства правовой защиты.

Дело в том, что количество присяжных поверенных было крайне невелико. Это было связано с условием наличия высшего юридического образования и необходимостью сдачи квалификационного экзамена этой категорией лиц. В то же время в середине второй половины XIX в. в Российской империи было всего десять университетов: Московский (с 1755 г.), Дерптский или Юрьевский (1802), Казанский (1804), Харьковский (1804), Санкт-Петербургский (1819), Александровский в Гельсингфорсе (1827), Св. Владимира в Киеве (1833), Новороссийский в Одессе (1864), Варшавский (1869), Томский (1888). Примечательно, что к 1894 г., то есть к концу XIX в., был зафиксирован всего 47 571 выпускник университетов на факультетах: юридических наук, медицинских, физико-математических, историко-филологических и богословских ¹⁵.

Недостаток патентованных адвокатов и присяжных поверенных при судах сказывался во всех округах Области войска Донского, как впрочем, и на других территориях Российской империи. Вот как сетовал на это житель Хопёрского округа: «Потребность в сельской адвокатуре вообще образовалась в уездах вскоре после того, когда в судах частными поверенными допущены были только лица, выдержавшие установленный экзамен и получившие на ходатайство по чужим делам известныя свидетельства. С учреждением такого типа адвокатов, стороны на суде ограничены были в выборе поверенных: им предоставлено право избирать только патентованных судом адвокатов или присяжных поверенных. Не так давно по делам охранительного производства допускались поверенными всякия частныя лица, чего, конечно, теперь уже не практикуется. Но так как частных поверенных по свидетельству и присяжных поверенных на практике оказалось слишком мало в судах, находящихся в городах уездных, то само собой возникла крайняя нужда в провинции в сельских адвокатах — нужда в учреждении института таких поверенных, которые удовлетворяли бы требованиям суда и были бы в уездах под руками жителей деревни.

К числу таких мест, нуждающихся в сельских адвокатах, принадлежит и наш Хопёрский округ. У нас, по округу, при окружном суде имеется только один частный поверенный; присяжных же поверенных совсем нет. Между тем по делам исковым, спорным обеим сторонам необходима правильная защита своих интересов на суде. Как же быть при наличности в округе одного поверенного?» ¹⁶

Современник сообщает, что в соседнем — Усть-Медведицком округе практикуют два адвоката на весь округ, а «практикующий в Хопёрском округе, единственный частный поверенный и то сетует на недостаток у нас адвокатов и ставит на вид физическую невозможность

одному поверенному удовлетворить всем требованиям массы клиентов нашего края»¹⁷.

Не менее важно, что количество присяжных поверенных регулировалось, в том числе, и ограничением в приеме в корпорацию присяжных поверенных по национальному признаку. В прессе отмечалось: «Ограничение числа евреев признано необходимым, говорит “Сын От”, и для корпорации присяжных поверенных. По полученным одесскими газетами из достоверных источников сведениям, министерством юстиции будет вскоре опубликован циркуляр в этом смысле. На общее число всех присяжных поверенных в Российской империи, присяжных поверенных евреев будет не более 5%. К достижению такой “пропорции” будут употребляться следующие меры: в корпорацию присяжных поверенных при окружных судах и судебных палатах будут зачисляться помощники присяжных поверенных евреи только по выбытии из состава присяжных поверенных какого-либо лица за смертью, выходом в отставку и пр., пр. Вакансия будет замещаться кандидатом, состоящим на очереди»¹⁸.

Еще одной немаловажной причиной распространенности подпольных адвокатов являлась дороговизна услуг патентованных адвокатов.

Вот выдержка из газеты «Донская речь», посвященная адвокатским гонорарам: «Присяжный поверенный Н.И. Холева, защищавший вдову потом. почет. Гражданина Александру Максименко, получил гонорар в 6,000 руб.»¹⁹.

Заметим, что дело было даже не только в желании патентованных адвокатов получить побольше денег за свои услуги. Вопрос в том, что их недостаточное число, прежде всего в сельской местности, приводило к значительным сопутствовавшим расходам, связанным с обращением к присяжному поверенному, а затем и с судебным разбирательством.

Вот как об этом пишет житель Хопёрского округа Николай Фролов: «... У нас, по округу, при окружном суде имеется только один частный поверенный; присяжных же поверенных совсем нет. Между тем по делам исковым, спорным обеим сторонам необходима правильная защита своих интересов на суде. Как же быть при наличности в округе одного поверенного? В этом случае у нас выигрывает скорее истец, чем ответчик. Истец, желая предъявить иск, прежде всего заручится нашим поверенным, а отсюда следует: та сторона воспользуется большими шансами на выигрыш дела, понесет сравнительно меньшие денежные затраты, которая успеет вперед обезопасить себя поверенным, нежели та, которая, оставаясь беззащитной по недостатку поверенных, рискнет на собственных страх и на удачу вести свое дело лично. Если же ей представится возможность нанять поверенного, положим в станции Усть-Медведицкой, где практикуют два адвоката, то эта возможность обойдется крайне дорого: сначала тратятся деньги на поездки в Усть-Медведицу (или соседние города), в погоне за адвокатом; затем тратятся на те же поездки уже к избранному патрону для переговоров с ним по обстоятельствам, вытекающим из производства начатаго дела. В этих долгих разъездах вознаградимо теряются деньги, безповоротно убивается время, особенно для судящегося земледельца в рабочую пору, когда ему совсем не до тяжёбных волокит, к которым привлекает его противная сторона»²⁰.

Выход из сложившейся ситуации, связанной с дороговизной и труднодоступностью услуг патентованных адвокатов, современники видели в учреждении самодеятельных юридических консультаций или юридических консультаций при окружных судах, где малоимущие граждане могли бы за небольшую плату или совсем бесплатно получить юридическую помощь.

Так, в Ростове корреспонденты сетовали на то, что «в гор. Ростове большое количество юристов, которым нельзя пожаловаться на то, что у них нет дел. Никто из них, говорит “Лист. Об.», все-таки не поднял вопроса о том, чтобы, подобно врачам, устроить общество юристов с приемами, где за незначительную входную плату могли бы получать юридические советы лица, которые не имеют средств для того, чтобы брать себе адвокатов. По мнению “Лист. Об.», это было бы выгодно не только для неимущих клиентов, а даже и для юристов, так как много дел не поднимается только потому, что лица, которые имеют надобность в юристе, не имеет для этого средств»²¹.

Этому мнению созвучно и мнение жителей Усть-Медведицкой станции: «... почему бы нашим патентованным адвокатам, в особенности в Усть-Медведице, не учредить при окружном суде консультацию, которая бы в известные дни недели (положим 2—3 дня) давала нуждающимся юридические советы и, если возможно, составляла необходимые для них бумаги, в роде духовных завещаний, прошений о признании в правах наследства, о вводе, об утверждении духовных завещаний и проч. Без сомнения, консультация эта явилась бы грозным противником всех трактирных и кабацких завсегдатаев — “аблакатов”, вводящих нуждающихся в юридической помощи в заблуждение только потому, что бедным людям (а их масса) решительно негде и не с кем посоветоваться. Патентованных адвокатов сравнительно крайне немного (например, на весь Усть-Медведицкий округ 6 человек), вследствие чего они не могут удовлетворить всех нуждающихся в них, чем и пользуются подпольные адвокаты, ловя этих нуждающихся на улицах, площадях, под лестницами судов и проч. Иное дело, если бы существовала консультация. Прежде всего знали бы место и время, где можно получить разумный совет и при этом без рублей, водки и проч. Затем, в эту консультацию нуждающиеся могли бы обращаться и письменно, внося за это небольшую плату, что для них было бы гораздо выгоднее, чем поездки, вызывающие значительные труды и потерю времени. В свою очередь, члены консультации могли бы сами собираться, разсуждать, иметь свою хорошую юридическую библиотеку, выписывать газеты и проч. Словом, консультация поверенных сослужила бы хорошую службу не только для публики, но и для самих же поверенных, так как не все же они одинаково опытные и сведущи. Понятно, что такие консультации могли бы учредить поверенные и при съездах»²².

Было и предложение организовать адвокатские бюро, оказывающие юридическую помощь по принципу нотариальных контор: «Тысячи беспомощных просителей толкнутся у дверей судов; все они имеют самые смутные представления о законе, о судебных порядках и т. д. Их окружает плеяда голодных ртов с волчьими зубами и желанием урвать кусок каким бы то ни было образом, не стесняясь ничем. И попадают просители

в эти рты потому, что нуждаются в грамотном человеке. Это — с одной стороны. С другой, — масса образованных адвокатов, которые произносят громкие слова о труде, о помощи меньшему брату и в то же время не хотят сделать для этого последняго хотя бы что-нибудь, ограничиваясь удобствами собственной жизни. Прийти на помощь просителю и вырвать его из рук подпольнаго адвоката — задача не так трудная, было бы желание. Отчего бы, напр., не организовать нечто в роде бюро, где бесплатно или за самую умеренную плату давались бы бедному люду юридические советы и писались бы всякого рода прошения. Писать прошения даже за небольшую плату согласилось бы не мало людей. У нас много ищущих мест писцов в канцеляриях; эти лица имели бы возможность зарабатывать кусок хлеба. Такое бюро принесло бы несомненную пользу, ибо много безнадежных или неосновательных исков не появилось бы на свет; с другой стороны, достоверные иски поправлены были бы как следует. Действуя даже несколько часов в сутки, бюро могло бы удовлетворить многих. Для такого бюро есть даже образец — нотариальные конторы, которые отчасти выполняют роль бюро, давая советы; но попасть в контору может только тот, кому нужно совершать там договор, заемное письмо и т. п., следов., советом не могут воспользоваться не имеющие непосредственной надобности к нотариусу. Соединение бюро с какой-нибудь нотариальной конторой очень выгодно для этой последней, ибо круг ее клиентов значительно увеличился бы.

Для молодых юристов бюро юридических советов создало бы огромную практику, увеличило бы их популярность и установило за ними прочную репутацию честных работников. Оно было бы кроме того, для них тем же, чем больница для врачей. Разрешение самых разнообразных казусов дало бы возможность изучить основательно законы. Но самое главное, эта конкуренция с подпольной адвокатурой убила бы всякую деятельность последней, так как бюро удовлетворяло бы самые главные надобности в грамотном человеке, ради которых кожух попадает в сети дельцов. Каких-либо материальных затрат на бюро почти не нужно. Сведующие люди найдутся, охотно пожертвуют часом времени для нуждающихся в их знаниях и тем самым уплатят хотя бы часть лежащаго на них долга»²³.

Однако причинами обращения к «услугам» подпольных адвокатов населения Области войска Донского были не только недостаток патентованных адвокатов и дороговизна их услуг, но и общий низкий уровень правовой культуры общества. Характерен следующий пример: «.. Адвокат (патентованный адвокат. — *И.Р., Я.Т.*) объявил казачке, что он дела принять не может и защиту считает совершенно бесполезной. При этом он случайно заглянул в поданный ему вместе с другими бумагами клочек и прочитал на нем следующее (буквально): “Итсус Христос настал Июда на цыне кто Июду разбудит тот раба божова имя суд разсудит Амин. Отчи 3 рас амин, богородицу 3 рас амин, подряд молитвы читать дарогой говорить амин в присутствии амин не говорить”. Затем на обороте клочка было написано: “благослови владыка раба божива имя на суть и ити судия сидит на престоли А июда подстолом лежит спит почивает А кто его разбудит тот меня раба божива имя асудит”. Прочитав вышеприведенную бессмыслицу, адвокат обратился к казачке с вопросом: откуда у нея это?

Из разспросов оказалось, что это молитвы, которые дали ей мужу “для оправдания” и с которыми он и она должны идти на суд.

— Напрасно не хочешь, сказала в заключение казачка; — потому ежели ты с своими словами, а мы, значит, с этими молитвами, так они не могут засудить.

— Но если молитвы имеют такую силу, так для чего тратить же вам защитника? для чего тратить деньги? спросил адвокат.

— А кто его знает?! Должно, чтобы силы было больше»²⁴.

Таким образом, подводя итог сказанному, необходимо выделить следующие причины существования подпольной адвокатуры в Области войска Донского во второй половине XIX века.

Во-первых, недостаточное количество присяжных поверенных. Это, как уже отмечалось, в целом являлось следствием реального количества лиц, получивших высшее юридическое образование в Российской империи и уровня образованности вообще в обществе того времени; кроме того, необходимо учесть и имевшиеся ограничения по национальному признаку.

Во-вторых, труднодоступность услуг присяжных поверенных для населения. Особенно это касалось сельских районов Области войска Донского, что было связано с дороговизной услуг патентованных адвокатов и территориальной протяженностью Области войска Донского.

В-третьих, крайне низкий уровень правовой культуры жителей Области войска Донского, как впрочем, и подавляющего большинства простого населения царской России второй половины XIX века.

Можно выделить и последствия существования подпольной адвокатуры: во-первых, она снижала качество и результативность судебной защиты, не способствовала решению задач восстановления нарушенных прав населения; во-вторых, перегружала суды безнадежными исками, надуманными прошениями и жалобами; в-третьих, подрывала авторитет института присяжных поверенных и, в-четвертых, снижала авторитет судебной системы путем распространения подпольными адвокатами слухов о коррумпированности и некомпетентности судебных чиновников, чем они обычно объясняли вынесение решений не в пользу своих доверителей.

Между тем, подпольные адвокаты занимали ту «нишу», которую должны были занимать государство и его служащие. Подпольная адвокатура также свидетельствовала о природном стремлении человека использовать все доступные ему способы защиты, когда рассмотрение того или иного вопроса становится прерогативой суда и затрагивает существенные жизненные интересы гражданина.

Примечания

1. СМИРНОВ В.Н. Адвокатура Пермского края, XVII—XXI век. Пермь. 2014, с. 48—50.

2. Псковская и Новгородская судные грамоты, Судебники 1497 и 1550 гг., ст. 108 Соборного уложения 1649 г.: если к установленному отсроченному сроку рассмотрения тяжбы в суде истец или ответчик забо-

леет и не сможет явиться в суд, то вместо него в суде может участвовать лицо, которому он доверяет, то есть представитель. Адвокат упоминался в 1715 г., но его положение ничем не отличалось от судебного представителя.

3. Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 г., март. Пункт 7 главы 1 «О Суде и Судиях». <http://pandia.ru/text/77/496/872760761>.

4. N. Подпольные адвокаты. — Донская речь. 1891, № 14 (31 января), с. 2.

5. МИРНЫЙ ОБЫВАТЕЛЬ. Дневник обывателя. — Там же. 1889, № 13 (29 января), с. 2.

6. Ростовская хроника. Частная адвокатура. — Там же. 1889, № 7 (15 января), с. 3.

7. ОМИКРОН. О том, о сем. — Там же. 1893, № 146, с. 3.

8. N. Подпольные адвокаты. — Там же. 1891, № 15 (3 февраля), с. 2.

9. МИРНЫЙ ОБЫВАТЕЛЬ. Дневник обывателя. — Там же. 1889, № 13 (29 января), с. 2.

10. N. Подпольные адвокаты. — Там же. 1891, № 15 (3 февраля), с. 3.

11. ОМИКРОН. Письма из Урюпина. — Там же. 1887, № 75 (30 июня), с. 2.

12. Там же.

13. N. Подпольные адвокаты, с. 3.

14. Там же.

15. Университеты Российской империи. <http://encyclopaedia.bid>.

16. ФРОЛОВ Н. Наши нужды (Из Хопёрского округа). — Донская речь. 1890, № 30, с. 2.

17. Там же.

18. По России. — Донская речь. 1887, № 83, с. 1, 2.

19. Адвокатский гонорар. — Там же. 1891, № 40, с. 4.

20. ФРОЛОВ Н. Ук. соч., с. 2.

21. Юристы в Ростове. — Донская речь. 1887, № 130, с. 4.

22. ОМИКРОН. О том, о сем, с. 3.

23. N. Подпольные адвокаты. — Донская речь. 1891, № 16 (5 февраля), с. 2.

24. ОМИ-ОН. Урюпинские записки. — Там же. 1889, № 55, с. 2.

Отчеты инспекторов народных училищ в дореволюционной Сибири (1900—1910 гг.)

В. Д. Камынин, А. Б. Храмцов

Аннотация. В данной публикации исследованы отчеты инспекторов народных училищ в Западной Сибири (Тобольская и Томская губернии) за 1900—1910 гг., дан состав отчетности и ее содержательно-функциональный анализ. Большинство отчетов не подвергались специальному изучению и впервые вводятся в научный оборот. По отчетам следует, что за прошедшее десятилетие заметно возросли показатели по числу училищ и учащихся в них, но в учебно-воспитательной работе начальных школ наблюдался ряд трудностей, среди них: недостаточное финансирование, низкий уровень оплаты труда и квалификации учителей, особенно в сельских школах.

Ключевые слова: отчеты, ведомость, инспектор народных училищ, дирекция народных училищ, начальное училище, частные учебные заведения.

Abstract. In this article reports of inspectors of national schools in Western Siberia (The Tobolsk and Tomsk provinces) for 1900—1910 are investigated, the structure of the reporting and its substantial and functional analysis is given. The majority of reports weren't exposed to special studying and are for the first time introduced for scientific use. According to reports follows that for last decade indicators on number of schools and pupils have considerably increased in them, but in teaching and educational work of elementary schools a number of difficulties, among them was observed: insufficient financing, low level of compensation and qualification of teachers, especially at rural schools.

Key words: reports, sheet, inspector of national schools, directorate of national schools, initial school, private educational institutions.

С 1 января 1900 г. управление начальными школами Западно-Сибирского учебного округа перешло в ведение учрежденных дирекций народных училищ. В сибирских губерниях появились должности инспекторов народных училищ и было осуществлено разделение уездов на инспекторские районы. Томская губерния изначально подразделялась на два участка: 1) Томский, Мариинский, Каинский и Нарымский; 2) Барнаульский,

Камынин Владимир Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина. Екатеринбург. E-mail: kamyninv@yandex.ru; *Храмцов Александр Борисович* — кандидат исторических наук, доцент Тюменского индустриального университета. E-mail: khramtsov_ab@bk.ru.

Kamynin Vladimir D. — doctor of historical sciences, professor at the Ural Federal University named after the first Russian President B. N. Yeltsin. Ekaterinburg. E-mail: kamyninv@yandex.ru; *Khramtsov Alexander B.* — candidate of historical sciences, associate professor at the Tyumen Industrial University. E-mail: khramtsov_ab@bk.ru.

Бийский, Кузнецкий и Змеиногорский уезды. Тобольская губерния была поделена на 3 района: 1) Тобольский, Тюменский, Туринский и Сургутский; 2) Курганский, Ялуторовский и 5-й крестьянский участок Ишимского уезда и 3) Тюкалинский, Ишимский (кроме 5-го участка) и Тарский уезды. К 1911 г. число инспекторских районов возросло и в Томской, и в Тобольской губерниях — до шести ¹.

Дирекции народных училищ были введены для проведения единой образовательной политики и унификации системы управления начальными учебными заведениями, подведомственными Министерству народного просвещения (МНП) ². Инспектор осуществлял надзор за учебно-воспитательной работой и успеваемостью учащихся в школах вверенного ему района. Ежегодно он представлял директору народных училищ отчет о состоянии начальных училищ своего участка. Большая часть отчетов инспекторов специальному изучению не подвергалась и в научный оборот вводится впервые.

Сравнение отчетных данных позволяет определить особенности развития начального образования в городских и сельских поселениях Западной Сибири. Для выявления трудностей в развитии начального образования в регионе использован проблемный метод. Информационную основу исследования составили документы архивных фондов Государственного архива Томской области (ф. 100. Дирекция народных училищ Томской губернии и ф. 126. Управление Западно-Сибирского учебного округа) и Государственного архива в г. Тобольске (ф. И-5. Тобольская дирекция народных училищ).

Отчеты инспекторов — массовый исторический источник сводного характера с унифицированным (однотипным) формуляром (табличная форма), включавший отдельные тематические ведомости. Основные из них:

- № 86 О числе начальных училищ разных типов в году;
- № 87 О помещениях начальных училищ разных типов в году;
- № 88 О числе учащихся [учителей] в начальных училищах разных типов и распределении их по полу и образовательному цензу в году;
- № 89 О размере содержания, получавшегося учащими в начальных училищах;
- № 90 О числе учащихся в начальных училищах и распределении их по полу и вероисповеданиям в году;
- № 91 О числе окончивших курс начальных училищ и выбывших до окончания такового в году;
- № 92 О расходах на содержание начальных училищ в году;
- № 102 О частных учебных заведениях, числе учащихся, числе держателей и числе учащихся в сих учебных заведениях;
- № 103 О числе еврейских училищ, числе учащихся и числе учащихся в них в году;
- № 104 О числе еврейских училищ разных типов в году;
- № 105 Об организации врачебно-санитарного надзора за учебными заведениями Западно-Сибирского учебного округа в году;
- № 106 О зданиях учебных заведений в санитарном отношении и о школьной мебели Западно-Сибирского учебного округа к 1 января года;

— № 107 О состоянии здоровья, заболеваемости и смертности учащихся Западно-Сибирского учебного округа в году и др.³

Данные ведомости печатались типографским способом (трафарет), куда от руки вносились, а в редких случаях впечатывались переменные данные. Ряд отчетов инспекторов полностью составлен рукописно.

Инспекторские отчеты еще в дореволюционное время частично использовались современниками, заложившими основы изучения проблем развития начального образования в России в конце XIX — начале XX в., в том числе на территории Западной Сибири⁴. Так, в работе П. Т. Виноградова (инспектор по делам печати в Томске) представлен ряд отчетов по начальной школе Томской губернии за 1908 год⁵.

В последнее время наблюдается значительный рост научного интереса к фондам дирекций народных училищ, позволяющим всесторонне исследовать историю развития народного образования и культуры в регионах⁶. Различные данные отчетов анализируются в диссертациях, монографиях и статьях, например, посредством отчетов исследуется реализация принципов управления начальными учебными заведениями в крае⁷; рассматривается деятельность Томской дирекции народных училищ⁸; выделяются этапы развития народного образования в сибирских городах⁹.

Однако содержательный и сравнительный анализ отчетов инспекторов по сибирским губерниям, городам и селам еще не проводился. В данной работе предпринята попытка частично восполнить этот пробел и показать информационный потенциал данных источников.

В инспекторских отчетах представлены разнообразные статистические сведения по состоянию развития начального образования в городах и селах Западной Сибири в начале XX века. Согласно отчетам, в сельских пунктах региона действовали одноклассные и двухклассные училища, в городах — двухклассные, трехклассные и четырехклассные училища, причем разных типов (министерские, приходские, земские, по особым уставам). Согласно отчетам за 1900—1908 гг., практически повсеместно наблюдался заметный рост числа народных училищ: к 1 января 1900 г. в Томской губернии их было 299 (городских — 36), а на 1 января 1909 г. — 542 (городских — 60); в Тобольской — 347 (городских — 25) и 564 (городских — 38) соответственно¹⁰.

По количеству начальных училищ (сельских МНП и городских), согласно отчетам, в 1907—1908 гг. в Тобольской губернии лидировал Тюкалинский уезд (одно городское и 91 сельское); в Томской губернии первую позицию занимал Барнаульский уезд — 132 (включая 11 городских) начальные школы¹¹. Наиболее низкий показатель по числу начальных училищ имели северные уезды региона: Березовский, Нарымский и Сургутский: на 1909 г. всего 9 училищ (из них 3 в уездных городах). Следует обратить внимание на большое количество в уездах детей обоего пола, не посещавших школу. Согласно отчету о количестве сельских училищ, учащихся и детей вне школы в Томской губернии за 1908 г., в Томском уезде находилось 106 училищ МНП, а детей вне школы было 27 824; в Барнаульском уезде — 121 училище и 74 855 детей; в Бийском уезде — 33 училища и 20 926 детей; в Мариинском уезде — 72 школы и 23 220 детей; в Каинском уезде — 64 училища и 19 657 детей и в Кузнецком уезде — 21 и 12 084 соответственно¹².

Отчетная ведомость № 87 свидетельствует, что большинство училищ размещалось в собственных помещениях и малая часть — в наемных. В Томской губернии 72,5% школ имели свои помещения и 26,5% — наемные¹³. При этом помимо количественных (цифровых) данных, в отчетах важно обращать внимание на примечания (текстовую часть). Например, из отчета инспектора народных училищ 4-го района Тобольской губернии за 1907 г. следует, что наемные помещения училищ «отличаются теснотой и неудобствами», в нем также приведен список училищ с «самыми худшими помещениями»¹⁴.

В отчетах содержатся характеристики учащихся школ: их количество, распределение по полу, сословной принадлежности и вероисповеданию. Ведомость № 90 свидетельствует о том, что во всех сибирских уездах мальчиков ходило в школы в разы больше, чем девочек. Например, на 1900 г. в сельских школах обучалось: Тобольский уезд — 707 мальчиков и 153 девочки; Тюменский уезд — 774 и 215; Курганский уезд — 2185 и 713; Томский уезд — 1603 и 602; Барнаульский — 1202 и 333; Бийский — 603 и 101 соответственно. В частности, в Тюкалинском городском приходском училище к 1 января 1908 г. обучалось 119 девочек, из них 109 православной, 1 римско-католической и 9 иной веры. В сельских училищах — 2929 мальчиков и 906 девочек, из них православных 2871 и 892 соответственно; в Тарском уезде: в городских училищах — 156 мальчиков и 47 девочек, из них 138 и 44 православных; в сельских — 1177 мальчиков и 420 девочек, православных — 1137 и 409; в селах Ишимского уезда все школьники были православными: 127 мальчиков и 53 девочки¹⁵.

Весьма интересны сведения отчетов о распределении учащихся по сословиям. Подавляющее большинство в начальных школах составляли сельские сословия (крестьяне). В частности, в 1907 г. в городском училище Тюкалинского уезда училось: детей дворян и чиновников — 8, духовного звания — 2, городских сословий (купцов и мещан) — 70, сельских сословий — 39; в сельских школах: детей дворян и чиновников — 12, духовного звания — 25, городских сословий — 10 и сельских — 3788. В городских училищах Тарского уезда обучалось: детей дворян и чиновников — 4, духовного звания — 0, городских сословий — 178, сельских сословий — 21; в сельских школах: детей дворян и чиновников — 4, духовного звания — 8, городских сословий — 16 и сельских сословий — 1569¹⁶.

Наряду с этим, из отчетных ведомостей можно узнать о состоянии здоровья, заболеваемости и смертности учеников. Так, в 1907 г. в Тюменском уезде из 2119 учащихся ходили на осмотр к врачу (фельдшеру) — 55 и зафиксировано 2 смертельных случая за год; в Туринском уезде из 1745 учеников к врачу обращался 101 и 1 умер¹⁷. Согласно примечаниям к ведомостям, среди заболеваний школьников наблюдались оспа, дифтерит, скарлатина, брюшной тиф и чесотка. Больше всего случаев приходилось на оспу и чесотку.

При этом ряд таких ведомостей по отдельным районам сдавались пустыми (скажем, нет данных по Березовскому, Нарымскому и Сургутскому уездам), что можно объяснить отсутствием (или нехваткой) врачебного персонала. Согласно отчету инспектора 2-го района Тобольской губернии за 1905 г., «врачебно-санитарный надзор в сельских школах можно ска-

зять отсутствует... за все время существования этих школ, их ни разу не посетил ни врач, ни фельдшер»¹⁸.

Отчетная ведомость № 91 содержит данные о числе окончивших курс начальных училищ и выбывших до их окончания. В частности, в Томской губернии, по отчету за 1908 г., выпускники школ составляли около 8% от общего числа учащихся. Причем редки были случаи, когда в течении учебного года никто из учеников не выбывал. Например, в 1907 г. окончил курс в Тюкалинском городском училище 21 ученик, никто не выбыл. Противная ситуация наблюдалась в сельских училищах Тюкалинского уезда, которые окончили 377 учеников, но за учебный год выбыло 488; в Тарском уезде: в городских училищах окончили курс 39 школьников, а выбыло 19, в сельских школах 173 окончили и 228 выбыли; Тюменский уезд: городские училища окончили 143 ученика, а выбыл 101; в сельских школах — 155 окончили и выбыли 132; в Туринском уезде: городское училище окончили 17, а выбыли 8, а в сельских школах выпускников было 192, а выбыло 152; в Курганском уезде: городские училища, согласно отчету за 1906 г., окончили 16 учеников, а выбыли 30; сельские школы уезда окончили 47 и выбыло 117. В Ялуторовском уезде сельские училища окончили 42 и 221 ученик выбыл¹⁹.

Высокий процент выбытия учащихся из учебных заведений один из инспекторов в отчете прокомментировал так: «везде от преподавателей приходится слышать, что многие поучатся год-два, а потом остаются в семье для работы. Особенно трудно собрать учеников осенью и весной, когда крестьянские работы в полном разгаре. Преподавателям приходится ходить по домам и уговаривать родителей отпустить учеников в школу. Этим и объясняется малое число окончивших курс сравнительно с общим количеством учащихся»²⁰.

Инспекторские отчеты содержат важные сведения по вопросам организации учебно-воспитательной работы в начальных училищах, позволяющие оценить качество образовательного процесса. В большинстве отчетов указано, что преподавание «ведется удовлетворительно, а местами даже хорошо», а по воспитательной части — «дети опрятны и учтивы», «дисциплина в училище чувствуется образцовая», «шалости бывают, но чисто детские»²¹. В отчетах можно встретить «особые замечания» инспекторов по учебной части. Например, по грамматике: «учащиеся после имени существительного начали изучать имя прилагательное»; «диктант некоторые учащиеся пишут удовлетворительно»²².

Инспекторы отмечали и позитивные факторы в преподавании предметов, скажем, во многих начальных училищах занимались гимнастикой, военным делом, а также пением. Уроки пения вели учителя, псаломщики или дьяки, причем бесплатно. Также в отчетах можно обнаружить конкретные предложения инспекторов по улучшению образовательного процесса, в частности: «ввести круговые тетради»; «обратить внимание на незначительное количество пройденного материала», «диктанты предупредительные производить чаще, читать в классе и дома вслух как можно больше», «необходимо завести книгу для записи книг, выдаваемых из библиотеки, библиотеку привести в порядок, полы мыть чаще» и др.²³

Согласно отчетам, общая успеваемость учащихся была средней. Более высокие показатели отмечались в городских училищах. В Тобольском

городском училище, по отчету за 1906 г., обучался 141 ученик, а успевали 99 (70%). Успеваемость в этом училище была такой: Закон Божий сдали 96%, русский язык — 90,5%, арифметику — 83,7%, геометрию — 79,5%, естествознание и физику — 86,4%, историю — 93% и географию — 94,5%²⁴.

В то же время инспекторы регулярно сообщали о недочетах и упущениях в постановке учебной работы в городских и сельских школах. В частности, согласно отчету по Курганскому городскому училищу за 1906 г., в преподавании учебных предметов были допущены некоторые отступления, в том числе по вине самих преподавателей, не придерживавшихся учебных программ, а также вследствие использования учебников, не соответствовавших курсу городских училищ, в особенности по русскому языку и геометрии²⁵.

В отчетах инспекторов указаны причины недостаточной организации учебного процесса, главная из них — плохое финансирование. Средств не хватало ни на закупку учебных пособий, ни на школьную мебель, ни на отопление и освещение. Согласно отчетам, сельские училища Томской губернии содержались главным образом на средства губернского земского сбора, с ежегодным расходом на каждое училище по 310 руб., из которых 200 руб. составляло жалование учителя, 60 руб. содержание законоучителя и 50 руб. оставалось на приобретение учебников²⁶. К 1910 г. расходы на закупку книг, учебных пособий и письменных принадлежностей возросли до 75 руб. в год.

К тому же на организации учебного процесса так или иначе сказывался низкий уровень оплаты труда преподавателей. В отчетной ведомости № 89 содержатся данные о размерах содержания учителей в начальных училищах. Например, в Тюменском уезде в городских училищах жалование у 8 учителей составляло от 150 до 200 руб. в год, а у 17 — более 200 руб. в год; в сельских школах этого уезда 27 учителей получали 50—100 руб. в год и 47 — более 200 руб.; в Туринском городском училище два учителя получали до 200 руб. и трое — более 200 руб.; в сельских школах уезда жалование у 26 учителей составляло 50—100 руб. и у 50 учителей более 200 руб. в год. Вследствие этого, педагоги высокой квалификации в таких учебных заведениях не работали. Из примечания к ведомости № 88 следует, что в Тюкалинском уезде учителей со специальной подготовкой (педагогической) было всего 17%, со средним и начальным образованием — 83%; в Тарском уезде учителей со специальным образованием было 33%, а со средним и начальным — 67%²⁷. Зачастую должности учителей в начальных школах оставались вакантными.

Отчеты инспекторов по другим районам также указывают на невысокий уровень подготовки учительского персонала в городских и сельских школах. Согласно отчету за 1908 г., в Томской губернии из 888 учителей начальных школ со специальной подготовкой было 152 (17%), со средним и начальным образованием — 141, а из учительниц: с высшим — 1, со средним и начальным образованием — 593²⁸. В Тобольской губернии, согласно отчетной ведомости за 1907 г., специальную подготовку имели около 10% учителей²⁹.

Согласно отчетам, в отдельных районах до 70% учителей начальных школ были женского пола. По образовательному цензу преподаватели

распределялись следующим образом: в Тюменском уезде законоучителей, окончивших духовную семинарию, было 34 чел., не окончивших духовную семинарию, — 7 и окончивших учительскую семинарию, — 2; в Туринском уезде: законоучителей, окончивших духовную семинарию, — 18 чел., не окончивших духовную семинарию, — 15, а окончивших учительскую семинарию, — 1 ³⁰. Директор народных училищ Тобольской губернии признавал «заслуживающей внимания» проблему малочисленности учителей со специальным образованием. В этой связи он предлагал открыть в губерниях учительские семинарии и организовать педагогические курсы ³¹.

Сравнительный анализ инспекторских отчетов за разные годы показывает, что расходы на содержание начальных училищ в городах и селах региона росли, но не теми темпами, как этого требовала практика. По отчету за 1907 г., общий расход по Тюкалинскому и Тарскому уездам составил 82 337 руб., а в 1906 г. — 73 207 руб., то есть рост — 11%. По ведомости № 92 можно проследить соотношение разных источников финансирования учебных заведений. Так, общий расход в Тюменском и Туринском уездах составил всего 60 403 руб., из них государственных средств (из казны) — 19 178 руб., земских — 23 155 руб. и городских средств — 11 422 рубля. При этом ряд инспекторов не обладали точными данными о размерах содержания начальных школ. В примечаниях к ведомостям можно встретить указание на то, что расходы по содержанию сельских училищ представляют «случайную цифру», на самом деле расходы значительно больше ³².

Кроме того, в отчетах инспекторов содержатся данные о частных учебных заведениях и числе учащихся в них. При этом в городах и селах Тюкалинского, Тарского, Нарымского, Березовского и Сургутского уездов таких училищ не было. По числу частных школ лидировали Томск (14), Тюмень (6) и Тобольск (5). Среди частных училищ в отчетах инспекторов отмечались училища Колмогоровых и Колокольниковых в Тюмени, где обучение велось на бесплатной основе. Оба училища имели хорошие помещения и учебные пособия в достаточном объеме. С другой стороны, по отчету инспектора, частное училище при Тюменском Владимирском сиротопитательном заведении за неимением у управляющего комитета средств было «обставлено очень бедно... библиотека тоже бедна» ³³.

Отдельная ведомость № 103 содержит сведения о числе еврейских училищ в уездах. Однако таких заведений практически не существовало в регионе, ведомости сдавались пустыми, за исключением еврейских школ в Томске и Мариинске ³⁴.

В отчетах имеются данные об училищных советах и почетных блюстителях учебных заведений. Училищные советы были учреждены в Томской (губернский и 7 уездных) и Тобольской (губернский и 8 уездных) губерниях в 1904 году ³⁵. Например, в Тюменском уезде за 1907 г. состоялось 8 заседаний уездного училищного совета, в Туринском — 10. Деятельность советов ограничивалась рассмотрением текущих дел и выпускных экзаменов. Из почетных попечителей отмечалась деятельность тюменского купца А. И. Текутьева, в доме которого помещались 2 училища, тюменского купца С. П. Гилева, который ежегодно производил ремонт за свой счет порученного ему училища, и тюменского купца П. А. Андре-

ева, попечителя нескольких училищ. С другой стороны, инспектор в отчете по Гуровскому одноклассному сельскому училищу Тарского уезда утверждал, что его почетный блюститель, крестьянин Я. А. Васьков, «не делает ничего для училища»³⁶.

Подробно в отчетах представлены данные о состоянии учебно-вспомогательных учреждений (библиотек, читален, музеев) в школах. Училищные библиотеки действовали во всех начальных училищах. Снабжение книгами, учебными пособиями и письменными принадлежностями осуществлялось централизованно с книжных складов в губернских городах (Томск и Тобольск), подведомственных дирекциям народных училищ. Недостаток книг ощущался в сельских и вновь открытых училищах, содержавшихся на средства губернского земского сбора. Библиотеками заведовали учителя за отдельное, скудное, вознаграждение — 36 руб. в год³⁷.

Из отчетных ведомостей можно узнать о состоянии зданий учебных заведений в санитарном отношении и о школьной мебели. Здесь указывались следующие данные: число учебных заведений, площадь пола в кв. саж. на одно лицо, содержание воздуха в классах на одно лицо, тип освещения (керосиновое, газовое, электрическое), отопление (местное, центральное), вентиляция (естественная — форточки, фрамуги; искусственная), отхожие места (теплые, холодные — во дворе), расстановка парт. Так, по отчетам, фактически во всех городских и сельских начальных училищах освещение было керосиновым, отопление — местным³⁸.

В процессе работы с источниками оказывается, что нередко разные документы дают несопоставимые данные, поэтому необходимым условием исследования является критический подход к проверке фактов, отбор наиболее достоверных. Критика строится на сравнении одного документа с другим, оригинала и копии. Скажем, отчеты инспекторов (их разделы) можно обнаружить в нескольких вариантах: 1) первичный, утвержденный и подшитый в соответствующее архивное дело; 2) включенный в сводный отчет дирекции за год; 3) опубликованный в книгах, брошюрах и статистических сборниках и пр. Пожалуй, в первом случае с большей степенью уверенности можно утверждать, что отчет не подвергался изменениям и дополнениям.

Анализ отчетов позволяет сделать вывод, что нагрузка на инспекторов была колоссальной. В отдельных районах на инспектора приходилось более 150 школ. Скажем, по отчетам за 1910 г., в Томской губернии 1-й инспекторский район (Томск, Новониколаевск, Колывань, Нарым и Томский уезд) охватывал 197, а 2-й район (Барнаул с уездом) — 170 училищ. Кроме большого числа школ, к осложнявшим их работу факторам причисляли: обширность районов, разбросанность школ, суровые климатические условия, отсутствие удобных путей сообщения, трудоемкость работ по сбору сведений и составлению отчетности и т. д.

Повсеместно признавалась нехватка инспекторских должностей для правильной организации надзора за школами. Так, инспектор 3-го района Тобольской губернии В. Ф. Ивченко в отчете за 1910 г. отмечал огромность своего участка (600—700 верст во все стороны), в котором по двум уездам разбросаны 160 училищ. Он предлагал разделить район на два (Тарский и Тюкалинский), что освободило бы его от массы дел, дало воз-

возможность чаще общаться с учащимися. Инспектор 4-го района Тобольской губернии (Тюменский и Туринский уезды) А. Н. Тиховский 10 июня 1910 г. представил в дирекцию отчет по ревизии училищ за 1909—1910 уч. год, в котором обследовал 54 сельских, 11 тюменских городских училищ, два частных и железнодорожное. Причем он вел их осмотр периодически, от двух до пяти раз каждое ³⁹.

Из отчетов за 1910 г. следует, что в Томской губернии общее количество начальных училищ возросло до 746 (+40% к 1900 г.), учащихся — до 49 915 и общий расход составил 779 171 руб. в год (на одного ученика 15,6 руб.); в Тобольской губернии всех начальных школ 803 (+43% к 1900 г.), учащихся — 37 460 и общий расход — 604 873 руб. в год (на одного ученика 16 руб.) ⁴⁰.

Несмотря на позитивные показатели, достигнутые за предшествующее десятилетие, внутреннее устройство школ во всех отношениях нуждалось в улучшении. Училища были переполнены и не могли принять всех желающих детей школьного возраста ⁴¹.

В целом, отчеты инспекторов народных училищ — ценный первичный и информационно емкий источник, позволяющий реконструировать процесс развития начального образования в регионах. К сожалению, инспекторские отчеты в архивных фондах сохранились лишь за отдельные годы, что лишает возможности их комплексного исследования. Тем не менее, они содержат богатый фактический материал, всесторонний анализ которого позволяет добиться более объективных и взвешенных оценок, выявить те трудности, с которыми сталкивались дирекции в организации учебно-воспитательной работы в начальных школах. По данным отчетов можно утверждать, что система управления начальными училищами в дореволюционной Сибири не могла удовлетворить усиливавшийся спрос населения на образование.

Примечания

1. Государственный архив Томской области (ГАТомО), ф. 100, оп. 1, д. 319, л. 1—2; ф. 126, оп. 1, д. 1130, л. 28—31 об.; Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске). ф. И-5, оп. 1, д. 45, л. 7 об.
2. БЛИНОВ А. В., ГОЛИКОВА О. А. Деятельность Томской дирекции народных училищ в конце XIX — начале XX вв. — Вестник Кемеровского государственного университета. 2008, № 2 (34), с. 21.
3. ГА в г. Тобольске. ф. И-5, оп. 1, д. 17, л. 1—151; ГАТомО, ф. 100, оп. 1, д. 270, л. 1—469.
4. КУЛОМЗИН А. Н. Потребности начального образования в России. Всеподданнейший доклад статс-секретаря Куломзина по поездкам в Сибирь. 1896—1897 гг. СПб. 1898; Томская дирекция народных училищ. Краткие сведения об училищах, подведомственных Дирекции народных училищ Томской губернии, 1900—1911 гг. Томск. 1911; МАЛЯРЕВСКИЙ Г. Я. Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири. СПб. 1896.
5. ВИНОГРАДОВ П. Т. Начальное образование в Томской губернии в 1908 году сравнительно с земскими губерниями и культурными странами всего мира. Томск. 1910.
6. ГУРКИНА Н. К. Материалы фондов директоров и инспекторов народных училищ как исторический источник. — Научный вестник Крыма. 2017, № 5 (10), с. 1—7; ИШМУХАМЕДОВА Р. И. Документы Дирекции народных училищ как источник по истории татарских школ (на материалах Государственного архива Саратовской области). — Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер.: Документоведение

- и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2017, № 3 (9), с. 98—104.
7. БЛИНОВ А.В. Реализация принципов положений 1864 г. и 1874 гт. по управлению начальными училищами в рамках Западно-Сибирского учебного округа. — Известия Алтайского государственного университета. 2012, № 41 (76), с. 27—33.
 8. БЛИНОВ А.В., ГОЛИКОВА О.А. Ук. соч., с. 21—23.
 9. KHRAMTSOV A.V. Development of National Education in the Cities of Western Siberia: From Initial to General Education (1880—1917). — *Bylye Gody*. 2018, vol. 47, is. 1, p. 349—359.
 10. ГАТомО, ф. 126, оп. 1, д. 2214, л. 31—32; ф. 100, оп. 1, д. 13, л. 2—12.
 11. ГА в г. Тобольске, ф. И-5, оп. 1, д. 17, л. 3.
 12. ВИНОГРАДОВ П.Т. Ук. соч., с. 13, 15, 17, 19, 20.
 13. Там же, с. 4.
 14. ГА в г. Тобольске, ф. И-5, оп. 1, д. 17, л. 28.
 15. Там же, л. 6.
 16. Там же, л. 113.
 17. Там же, л. 53.
 18. ГА в г. Тобольске, ф. И-5, оп. 1, д. 11, л. 23об.
 19. Там же, д. 17, л. 8, 40.
 20. Там же, д. 11, л. 48об.
 21. Томская дирекция народных училищ. Краткие сведения об училищах, подведомственных Дирекции народных училищ Томской губернии, 1900—1911 гг. Томск. 1911, с. 11; ГА в г. Тобольске, ф. И-5, оп. 1, д. 17, л. 59; д. 37, л. 106, 110.
 22. ГА в г. Тобольске, ф. И-5, оп. 1, д. 17, л. 58об.
 23. Там же, д. 37, л. 106об., 108об.
 24. Там же, д. 11, л. 33.
 25. Там же, л. 82—83об.
 26. ГАТомО, ф. 100, оп. 1, д. 13, л. 5.
 27. ГА в г. Тобольске, ф. И-5, оп. 1, д. 17, л. 123об.
 28. ВИНОГРАДОВ П.Т. Ук. соч., с. 4.
 29. ГА в г. Тобольске, ф. И-5, оп. 1, д. 17, л. 75.
 30. Там же, л. 34—35, 75.
 31. ГА в г. Тобольске, ф. И-5, оп. 1, д. 45, л. 2—3.
 32. Там же, д. 17, л. 49об.
 33. Там же, л. 56—57.
 34. МИСЮРЕВ А.И. Краткие сведения по истории дирекции училищ Томской губернии. Томск. 1913, с. 72.
 35. БЛИНОВ А.В. Ук. соч., с. 32.
 36. ГА в г. Тобольске, ф. И-5, оп. 1, д. 17, л. 58.
 37. Там же, д. 45, л. 4—4об.
 38. Там же, д. 17, л. 52, 129об.
 39. Там же, д. 37, л. 2—11об., 20.
 40. Томская дирекция народных училищ. Краткие сведения..., с. 20; ГА в г. Тобольске, ф. И-5, оп. 1, д. 45, л. 1, 7.
 41. KHRAMTSOV F.V. *Op. cit.*, p. 356.

Эфиопия: национальный вопрос и национальная политика (1875—1974 гг.)

Р.Н. Исмагилова

Аннотация. В статье впервые дается детальный анализ национальной политики в Эфиопии в имперский период — с последней четверти XIX в., когда в результате завоеваний Менеликом II западных и южных регионов было создано государство в его современных границах, — до свержения в 1974 г. в результате военного переворота императора Хайле Селассие I. Политика амхаризации, проводившаяся Хайле Селассие I с целью создания унитарного государства, подавляла культуру и языки многочисленных неамхарских народов. Поэтому и поныне оромо, нуэр, гураге, сидама и другие народы считают амхара «колонизаторами», «угнетателями», что оказывает существенное влияние на современную этнополитическую ситуацию в стране.

Ключевые слова: Эфиопия, Менелик II, Хайле Селассие I, амхара, оромо, амхаризация, межэтнические отношения и конфликты, национальная политика.

Abstract. The publication for the first time analyses ethno-political situation, interethnic relations and conflicts and nationalities policy in Ethiopia in the imperial period from 1875 up to 1974 and their impact on the contemporary ethnic problems in Ethiopia. At the last quarter of the XIX century western and southern regions were incorporated by Menelik II in the Abyssinian state. Native peoples were subjugated and assimilated. That is why many ethnic groups among them Oromo, Gurage, Nuer, Sidama, etc. name Amhara who were soldiers of the Menelik's II army "the colonizers" and "oppressors". The policy of the amharization in the period of Haile Selassie I aimed to create a unitary state. Culture and languages of other Ethiopian peoples were put down. There were deep ethnic and religious inequality. The past greatly influences the current ethno-political situation in Ethiopia and is used by some ethnic political elites in their anti-amhara propaganda.

Key words: Ethiopia, Menelik II, Haile Selassie I, Amhara, Oromo, amharization, interethnic relations and conflicts, nationalities policy.

Итальянский ученый Карло Росси справедливо назвал Эфиопию «музеем народов». Согласно переписи 2007 г., в стране насчитывается 85 этнических групп со своими языками, культурой, обычаями и традициями. В 2019 г. общая численность населения страны составляла более 108 млн. человек. Помимо таких многомиллионных народов, как оро-

Исмагилова Роза Нургалиевна — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: rozaismagilova@gmail.com.

Ismagilova Roza N. — doctor of historical sciences, professor, honored scholar of the Russian Federation, principal of the Institute for African Studies RAS. E-mail: rozaismagilova@gmail.com.

мо (39 млн. чел.), амхара (30 млн), сомали (6,9 млн), тиграй (6,8 млн) ¹ и др. имеется огромное количество меньшинств. Как в любом полиэтничном государстве, этнический фактор всегда играл большую роль во всех сферах жизни и значительно усложнял этнополитическую ситуацию в стране. Поэтому национальный вопрос и национальная политика были в центре внимания властей. Современная Эфиопия в нынешних границах сложилась в конце XIX — начале XX в. благодаря завоеваниям Менелика II. Поскольку основной контингент его войск составляли амхара, население и сегодня считает этот народ «угнетателями». Политика амхаризации в период правления Хайле Селассие I еще больше добавила негативного отношения к амхара. Далекое прошлое оказывает существенное влияние на современные этнополитические процессы в стране и требует их изучения.

В Эфиопии важную роль в привлечении внимания к национальному вопросу сыграли студенты университета Хайле Селассие I (ныне Аддис-Абебский университет), открытого в 1961 году. В 1964 г. они создали полулегальное «Общество крокодила». Вдохновленные марксистско-ленинской теорией решения национального вопроса ², в том же году они вышли на улицы с лозунгами «Земля тем, кто ее обрабатывает!» ³

Многие годы национальный вопрос являлся табу (впрочем, и ныне, в эпоху этнического федерализма, все, что связано с этническими проблемами, — слишком болезненная тема, даже этническую принадлежность членов правительства узнать невозможно). «Эфиопское правительство избегало любого упоминания разделения населения по этническому, языковому или религиозному признаку и... также активно препятствовало неофициальным полевым исследованиям в этой области», — писал Дж. Маркакис ⁴.

Даже в Университете Хайле Селассие было запрещено спрашивать об этнической принадлежности студента ⁵.

Для эфиопских студентов абиссинская природа эфиопского национализма казалась само собой разумеющейся. В их работах по национализму ничего не говорилось о преобладании амхарского и пренебрежении к другим языкам или идентификации Эфиопии с христианством ⁶. В 1960-е гг. студенты писали о необходимости воссоединения Эритреи с матерью-родиной и поддерживали войну против Сомали 1964 года.

Проблемы национальностей начали обсуждаться после публикации в 1966—1967 гг. нескольких статей, касающихся эфиопонизма (чувства принадлежности к эфиопскому государству, иными словами — гражданской идентичности). С 1967 г. национальный вопрос стал предметом серьезных дискуссий. Этому способствовало несколько причин: растущий интерес среди студенчества к марксизму-ленинизму; усиливавшаяся критика отсутствия предмета эфиопская культура в учебных программах; обсуждение диаспорой национального вопроса; активизация эритрейских националистов после 1960 года ⁷.

Более того, в конце 1960-х гг. этничность стала заметным фактором: студенты одной этнической группы предпочитали селиться в общежитии вместе, чего не было раньше. В кампусах стали говорить на языках тигринья, оромифа и гурагинья ⁸. Временами возникали напряженные отношения между тиграй, оромо и амхара, вызывавшие различные стычки.

Растущее самосознание оромо привело к созданию ассоциации Меча-Тулеме. В университете формировались группировки оромо, была создана ассоциация тиграй.

Одной из серьезных публикаций по национальному вопросу, оказавшей большое влияние на дальнейшее изучение данной проблематики, была статья Валлелина Меконена, студента из Уолло, «О вопросе национальностей в Эфиопии», опубликованная в 1969 г. в университетском студенческом печатном органе «Struggle»⁹. Автор писал: «Эфиопия не является одной нацией. В ней до дюжины национальностей со своими собственными языками, манерой одеваться, историей, социальной организацией и территорией. А что еще — нация? Разве она не состоит из людей со своим особым языком, особой манерой одеваться, особой историей, особыми социальной и экономической организациями? Тогда я могу сделать вывод, что в Эфиопии есть нация оромо, нация тиграй, нация амхара, нация гураге, нация сидама, нация уолламо, нация адере, и даже если это вам может не понравиться, — нация сомали»¹⁰. Чтобы изменить сложившуюся ситуацию (угнетение южных народов амхара-тиграй), «... мы должны построить подлинно национальное государство, в котором все национальности наравне принимают участие в делах государства, ... где всем национальностям даны равные возможности сохранять и развивать свой язык, свою музыку, свою историю... государство, где ни одна нация не господствует над другой, будь это экономика или культура»¹¹. Автор считал, что это должно быть сделано не путем военного переворота, и был не против сепаратистских движений. Через 30 лет его статья станет проектом идеологической программы Народного фронта освобождения тиграй (Tigray People's Liberation Front) — ТПЛФ, составной части ныне правящей партии Революционно-демократический фронт эфиопских народов (Ethiopian Peoples' Revolutionary Democratic Front) — ИПРДФ.

По мнению английской исследовательницы С. Воган, работа Валлелина Меконена сыграла значительную роль в трансформации отношения студентов к национальным проблемам и способствовала созданию студенческих организаций, выступавших за равенство и автономию национальностей, помогла сформулировать задачу: «что мы должны делать» и «как это мы должны делать»¹².

Эфиопское студенческое движение (The Ethiopian Student Movement) в середине 1960-х гг. всерьез занялось изучением национального вопроса, опираясь на марксистскую теорию, в основе которой лежал принцип «право наций на самоопределения вплоть до отделения». Студенты считали, что «национальный вопрос — не что иное, как скрытая форма классового угнетения»¹³. По их мнению, в южных районах, некогда покоренных Менеликом II, достаточно покончить с эксплуатацией амхара, и национальный вопрос будет решен.

Что же касается права на самоопределение, то одни придерживались мнения, что достаточно региональной автономии, другие допускали отделение от государства, третьи полагали, что данную проблему надо решать в рамках всей Эфиопии. К 1971 г. эта доктрина (право наций на самоопределение) была принята Движением как в Эфиопии, так и диаспорой, заменив прежнюю пан-эфиопскую идеологию. Созданная им

в 1968 г. марксистско-ленинская партия Всеэфиопское социалистическое движение (All Ethiopia Socialist Movement — MEISON), а в 1975 г. и Революционная партия эфиопского народа (Ethiopian People's Revolutionary Party) приняли эту доктрину.

Марксистский режим Дерга, пришедший к власти в 1974 г. после свержения Хайле Селассие I, уделявший большое внимание марксистско-ленинской теории национального вопроса, сразу отверг право на отделение.

Возникшие в этот период националистические организации (созданные прежними студентами) — Фронт освобождения оромо (Oromo Liberation Front) и Народный фронт освобождения тиграй — сделали принцип «право наций на самоопределение вплоть до отделения» главным. Он был принят и пришедшим к власти в 1991 г. Революционно-демократическим фронтом эфиопских народов.

История национального вопроса в Эфиопии делится на три периода: имперский (последняя четверть XIX в. — 1974 г.), период нахождения у власти Дерга (1974—1991 гг.) и современный (с мая 1991 г.). Имперский период в свою очередь можно подразделить на период Менелика II (последняя четверть XIX — 1916 г.) и Хайле Селассие I (1916—1974 гг.).

Имперский период.

Эпоха Менелика II и его преемников (1875—1930 гг.)

История современной гетерогенной Эфиопии берет свое начало с последней четверти XIX в., когда в результате походов Менелика II к центральной части (Абиссиния) были присоединены западные и юго-западные, южные и юго-восточные периферийные территории (название «Абиссиния» происходит от «хабеша» — одного из племен, переселившихся из Аравии и населявших Эфиопию в дохристианскую эру).

Эфиопский ученый Мохаммед Али считает, что «Эфиопия была искусственно созданной колониальной системой, состоящей из господствующих наций /этнических групп амхара и большой группы покоренных наций /этнических групп, таких как афар, даресса, гураге, хадийя, оромо, сидама, сомали и уолайта»¹⁴.

Абиссинцы подчеркивали свое ближневосточное происхождение, отрицая африканские корни. Менелик II и его ближайшее окружение изображались почетными носителями «бремени белого человека» в Африке¹⁵. Как христиане и члены социально стратифицированного общества, возглавляемого монархами, население Шоа представлялось более цивилизованным, чем члены «примитивных» демократий и рудиментарных государств оромо.

Основным населением Абиссинии были предки современных амхара и тиграй/тигре. Амхара позже разделились на региональные области Уолло, Гондэр (Гондар), Годжам и Шоа /Шева. Их правители ведут свое происхождение от царства Аксум. Позже возникли христианские государства Хамасен, Нара, Дамот¹⁶. В южных районах в XV в. существовали царства/королевства, наиболее значимыми из которых были Каффа (Кэффа), Уолайта и Джанджеро, а на юге и юго-востоке — мусульманские султанаты Йифат, Дауро, Хадийя, Адал и Бали.

Первая попытка объединения регионов и создания единой Абиссинии — унитарного государства — была предпринята Теводросом II в 1855 году. Однако излишняя централизация и стремление покончить с автономией регионов закончились восстанием населения.

Его наследник Йоханнес IV избрал другую тактику: он признал региональных наследственных правителей при условии принятия ими его верховной власти¹⁷. Им были даны титулы Рас и даже Negus (царь). Сам он звался Negusa Negast — Царь царей. Однако и ему пришлось смириться с автономией регионов после неудачной войны с правителем Шоа Менеликом II.

Смерть Йоханнеса IV в 1889 г. в войне против суданской армии и приход к власти Менелика II в корне изменили ситуацию. Благодаря завоевательным походам он подчинил периферию и с 1875 по 1889 г. увеличил свою империю в 4—5 раз. В северных районах власть после смерти Йоханнеса перешла от тиграй к амхара.

При Йоханнесе амхарский язык был официальным языком при дворе императора¹⁸. Со временем (некоторые авторы считают, что после битвы под Адуа) он стал языком администрации шоанских правителей¹⁹.

Соперничество между двумя такими правителями, как Менелик II из Шоа и Текле Хайманот из Годжама (особенно за контроль над выгодными, приносящими большой доход торговыми путями на юг), было важным фактором, определившим экспансию и затем завоевание южной периферии. Победа Менелика II в сражении в Эмбабо в середине 1882 г. и разгром соперника открыли его войскам дорогу на юг.

До этого он занял районы, населенные гураге. Между 1882 и 1886 гг. были покорены Гамбелла (Некемпте Келлам), Джимма, Гибе, а также Иллубабор и Арси. В 1887 г. подчинен Харар, в 1894 г. — королевства уолайта, в 1897 г. — каффа, консо, народы бенишангул; на востоке — Бале и Огаден, на юго-западе — маджи, на юге — борана, на северо-востоке — султанат Афар. К 1913 г., когда Менелик II умер, под его властью находилась огромная территория. С тех пор границы Эфиопии остались теми же.

После Йоханнеса IV власть от тиграй на севере перешла к шоа-амхара.

Во времена Менелика II в Эфиопии существовало множество царств («государств»): Ваг, Бегэмдыр, Йеджу (Yeju), Годжам, Шоа, Агаме, Аксум, Тембен, Райя, пять «государств» Гибе, Келем (Qeleem), Уоллега, Борана, Харар, Хадийя, Уолайта, небольшие политические образования оромо в центральной и южной частях страны и др. И хотя они были покорены, часть из них сохранила автономию.

Регионализм играл существенную роль в Эфиопии в имперский период. Это относилось в первую очередь к северным регионам, населенным амхара и тиграй. Годжам, Гондэр, Бегэмдыр, Шоа были по существу мини-государствами. Подобный регионализм сохраняется и в наши дни. Хотя все население и правители были амхара, они не рассматривали себя как единую этническую общность²⁰, были разделены региональными границами и воевали друг с другом за трон.

Некоторые эфиопские авторы считают, что в XIX в. амхара и тиграй представляли собой скорее политические, а не этнические категории. По

мнению эфиопского ученого Алемсегеда Абба, этнический «аромат» они приобрели, когда политическое господство амхара стало сопровождаться культурным²¹.

Другой эфиопский исследователь — Тешале Тибебу — утверждает, что амхара и галла — не этнонимы. Амхара означает «власть» (это могло относиться и к оромо, и к гураге, и к тиграй), галла — «отсутствие власти» (равнозначно «другие»). Для мусульман слово «амхара» означало «человек с ружьем»²². Как бы то ни было, но корни напряженности между тиграй и амхара находятся в далеком XIX в. и связаны с правлением Менелика II. То же можно сказать и об оромо и других народах.

Ядром эфиопского государства является регион Шоа. До XIX в. это был периферийный район. Амхара, жившие там, в результате миграций оромо были отрезаны от тогдашних центральных районов Гондэр, Тиграй и Уолло. Император Менелик II разместил свою столицу Аддис-Абебу на землях оромо, что привело к значительным экономическим и политическим изменениям. Возник новый класс чиновников, в большинстве своем шоанцев.

Основное население в Шоа — оромо, большой процент составляют те, кого называют шоанскими амхара. По своему происхождению они являются полностью или частично оромо²³. Но любой, кто имеет амхарское имя, говорит по-амхарски, является приверженцем ортодоксального христианства, считается амхара и всецело принимается другими амхара. Для этого не требуется никакой генеалогии, мифической или реальной, что совершенно невозможно во многих африканских странах, где любой видный политический деятель известен не только принадлежностью к определенной этнической группе, но и как член клана или линиджа. Для Эфиопии это не имеет значения²⁴.

Поскольку в Эфиопии принято было (раньше насильно) давать амхарские имена, этническую принадлежность далеко не всегда можно определить. Многие завоеванные Менеликом II народы охотно называли себя амхара. Это было выгодно во всех смыслах, если учесть, что многие амхара (особенно элита) с предубеждением относились к коренному населению. Если Абиссиния была гомогенным государством, то Эфиопия — сложная мозаика этнических групп. В результате завоеваний Менелика политический юг был инкорпорирован в большое, моноэтническое исторически влиятельное государство. Для обеих частей началась новая история.

Этническое многообразие населения проявлялось во всем: языке, культуре, экономике. В стране насчитывалось около дюжины семитских языков, 22 кушитских, 18 омотских и 18 нило-сахарских²⁵. Многообразие касалось и религии: помимо традиционных верований и культов, население исповедовало христианство, ислам, иудаизм. Английский ученый Дж. Тримингем назвал это «регионом религиозной неразберихи»²⁶.

Некоторые южные и западные земли, в том числе и часть оромо, населявшие Уоллега, подчинились Менелику II легко. Их правителям удалось сохранить свои земли и власть, и они сотрудничали с новой администрацией. Однако арси-оромо к югу от Шоа оказали упорное сопротивление, и война здесь продолжалась четыре года (1882—1886 гг.). Потребовались

большие усилия, чтобы подчинить Гураге, Харар, царство Уолайта и Кэффа. То же относится и к Огадену.

Отношение к покоренным народам было разным. Тем, кто добровольно подчинился Менелику, было позволено сохранить своих правителей и некоторую долю автономии. Те, кто оказал сопротивление, лишились скота и имущества и заплатились жизнью. Как писал эфиопский ученый и политический деятель Мерера Гудина, они «почувствовали сильные шоанские военные мускулы»²⁷.

Что касается региональных правителей амхара — в регионах Тиграй, Гондэр, Годжам, Уолло — они согласились с экспансионистской политикой Менелика. Неамхара также присоединились. Видный генерал в армии Менелика Рас Гобана был оромо по своей этнической принадлежности.

После завоевания основной заботой имперского государства стали сбор доходов и обеспечение безопасности²⁸. Была создана специфическая форма поселения — Кетернас (гарнизонные города). В них размещались официальные органы управления, полиция, суды, медицинские пункты, церкви, военные учреждения и др. Они были населены в основном северянами — членами местной администрации или судьями. В них также проживало большое число поселенцев (в основном амхара и амхаризированные оромо) и гражданские служащие с семьями.

Администраторы чаще всего назначались из числа военных командиров и знати (преимущественно из Шоа). Иногда ими становились и представители местной этнической элиты. Более низкие звенья администрации, как правило, составляли так называемые балаббат (balabbat) — прежние правители, либо представители этнической элиты. Они же превратились в новый класс землевладельцев, донныне неизвестный в этих обществах, где земля традиционно принадлежала общине. Поэтому местное население считало их амхара. Прежние правители никогда не имели абсолютной власти, в основном, выполняли духовные функции, проводя ритуалы и разрешая конфликты²⁹. В новых условиях балаббат осуществляли контроль на местах и собирали дань для администрации и государства.

Была введена новая иерархическая политическая система, совершенно чуждая эгалитарному обществу покоренных народов. Возникла так называемая система нефтэга (в переводе «человек с ружьем»), с помощью которой северяне-военные осуществляли политический и экономический контроль над южным регионом.

По существовавшей в Абиссинии традиции, вся завоеванная земля считалась собственностью государства, а право распоряжаться ею всецело принадлежало императору. В результате завоеваний Менелика II народы южных районов лишились двух третей земель, которые были переданы северянам — шоа-амхара, представителям власти и военачальникам — нефтэнья. Последние распределяли земли в зависимости от ранга среди своих офицеров, солдат и обслуги. Огромные земельные участки были предоставлены императору и членам его семьи. Остальная треть земли была распределена между населением и традиционными властями. Последние за содействие освобождались от налогов или платили их в уменьшенном размере. Местные жители превратились в арендаторов.

В районах, оказавших сопротивление, была введена принятая в Абиссинии система габбар-малканья (gabbar-malkanya). Земли были распределены между генералами, офицерами и солдатами, а местное население превращено в арендаторов. Новые владельцы получили в свое распоряжение рабочую силу (от 5 до 100) и рабов³⁰. Малканья (патрон, представитель) на юге становились солдаты-северяне.

По мнению М. Али, первая волна иммиграции из северных районов и Шоа включала значительное число профессионалов, гражданских служащих и простой народ. По этнической принадлежности это были амхара и частично ассимилированные оромо. Вторую волну составили преимущественно тиграй³¹.

Новые лендлорды в завоеванных районах были заинтересованы в развитии экспортных культур, таких как кофе. Местное население поставляло рабочую силу. Со временем северные и центральные районы, где не было товарного производства, становились все более экономически отсталыми, что привело к уменьшению их политического влияния. Экономические и политические факторы усиливали позиции региона Шоа, который все больше становился сердцевинной государства. Южные районы инкорпорировались в него, а северными экономически и политически власти пренебрегали³².

В экономически важных районах, где можно было развивать товарное земледелие (Арси, Сидамаленд, Бале), земля была отнята у местных жителей, которые стали крепостными и геббар (люди, платившие дань).

Завоеванные народы были обложены высокими налогами, штрафами и т.д. Они испытывали политический, экономический и культурный гнет и рассматривались как граждане второго сорта. Большое число людей из покоренных этнических общностей было продано в рабство³³. Император Менелик II и его генералы владели большим количеством рабов.

Одновременно на юге возник новый господствующий класс. Его составляла элита этнических групп, принявшая христианство и амхарский язык и полностью зависевшая от новых правителей. Так создавалась опора имперскому режиму. Амхаризация повышала социальный статус местной элиты.

В отличие от южных покоренных народов, у северян — крестьян амхара, тиграй — существовала совершенно другая система наследственного землевладения (рист или рыст). У них землю не отняли, и они должны были платить налог пропорционально доходам³⁴.

Другой формой господства было господство культурное и политическое. Амхарский язык стал официальным на юге, где насчитывалось более 70 различных языков³⁵, которые презирались и всячески очернялись. По словам эфиопского историка Бахру Зевде, «патерналистски настроенные и высокомерные абиссинцы смотрели свысока и относились к коренному населению как к отсталым язычникам, грязным, лживым, ленивым и даже глупым, — стереотипы, обычно применяемые европейскими колонизаторами к своим подданным». Южан презирали. Они стали предметом насмешек³⁶.

Покоренные народы амхара часто называли шанкелла/шанкала, что значит «рабы». Кроме того, в южных районах издавна процветала работорговля, и охота за рабами приносила немалый доход. Большинство кре-

стьян, как уже говорилось, превратилось в арендаторов, по сути крепостных новых владельцев.

Завоевания Менелика II и включение в состав моноэтнической или двуэтнической Абиссинии огромной территории со множеством народов, языков, религий создало существенно новую ситуацию, посеяв семена будущих конфликтов. Более того, отчуждение земель у коренного населения и передача их новым владельцам, преимущественно амхара, создали напряженность в южных районах уже в конце XIX века. Пришлые солдаты, а позже чиновники были не только другой этнической группы и другой культуры, но исповедовали другую религию — христианство, в то время как покоренные народы либо сохраняли свои традиционные верования и культы (их было, по-видимому, большинство), либо исповедовали ислам. Те, кто не являлись христианами, не могли занимать официальные должности, а мусульманам отказывали в праве иметь землю. Среди местных народов возникла собственная этническая элита, инкорпорированная в новую систему. Происходило порабощение местного населения, ассимиляция, деэтнизация и создание системы непрямого управления.

Районы (и правители), которые добровольно подчинились Менелику, получили известную долю автономии, и элита сохранила свою власть в обмен на выплату ежегодной фиксированной дани императору. К ним относились: королевства и султанаты Джимма Некемпте Келлам (Гамбелла), Асоса и Бенишангул, Ауса, а также часть Годжама³⁷.

В восточных районах — в местах расселения афар и сомали — присутствие государства в эпоху Менелика II и позднее было мало заметным. Будучи мусульманами, эти народы были отрезаны от христианского центра. Что же касается мусульман оромо в восточном Уолло и Тиграй, то они в течение двух веков были вовлечены в дела государства. То же относится к адере, живущим в Харар. В Уоллега распространение протестантизма среди оромо способствовало образованию и приобщению к властным структурам.

В административном отношении Эфиопская империя первоначально была разделена на 12 провинций. Их границы разрезали этнические общности. Так, например, провинция Харарге включала часть этнотерриторий афар, оромо и сомали; провинция Сидамо — уолайта, содо, сидама и часть оромо; провинция Уолло состояла из части территорий афар, амхара и оромо. В результате афар входили в состав трех провинций, а оромо — в десять³⁸. Позднее Харарге была разделена на две провинции: Бале и Харар, а большая часть провинции Арси передана Шоа, что расширило этнотерриторию амхара. Перекраивая границы, власти специально дробили этнические общности, опасаясь их сопротивления. Это был один из видов территориального манипулирования, считает Мохаммед Али. Другой вид заключался в изгнании населения с земель своих предков.

Американский эфиопист Э. Келлер подчеркивает существование социальной стратификации в завоеванных районах и выделяет пять категорий: к высшей относились губернаторы/администраторы и крупные землевладельцы, преимущественно знать амхара и тиграй — священнослужители и высшие военные чины; ко второй — в основном крупные землевладельцы из местной элиты и их потомки; к третьей — землевладельцы небольшого ранга — солдаты амхара и тиграй и служащие адми-

нистрации; к четвертой — поселенцы амхара и тиграй и небольшая часть местных крестьян, наделенных наследуемыми земельными участками; и, наконец, к пятой — самой низшей — местные крестьяне-арендаторы ³⁹.

Все это составляло основу для формирования этнического самосознания: все, относящиеся к высшим категориям, а также поселенцы и интегрированная местная элита считались амхара. Маркерами служили социальный статус, язык, религия и культура.

Различия в методах управления покоренными народами вызвали разную реакцию. Больше всего это коснулось многочисленных субэтносов оромо. Произошла их дифференциация. Оромо Уолло и Тиграй, населявшие буферные зоны нагорий между амхара-тиграй и афар, веками были изолированы от населения южных районов. Шоанские оромо, многие из которых являлись ортодоксальными христианами, благодаря тому, что жили в центре эфиопского государства, были более тесно связаны с центральной властью и занимали нередко более высокое положение, чем амхара из северных регионов. Многие шоанские поселенцы на юге были по своей этнической принадлежности оромо, как и местное население. Поскольку они пришли из Шоа с армией Менелика, говорили на амхарском языке и были христианами, местное, покоренное ими население воспринимало их как амхара ⁴⁰. С другой стороны, для завоеванных народов, особенно для Харарге — центра ислама в Эфиопии — религия, эксплуатация и этничность были причиной сопротивления ассимиляции. Исламизированные оромо на юго-востоке, имевшие некогда свои государства, стремились сохранить свою идентичность. То же относится к оромо в Уоллега. Больше всего сохранили традиционные социально-политические, религиозные и культурные институты борана — субэтнос оромо.

По мнению английского ученого Х. Клахэма, именно опыт инкорпорирования оромо в Эфиопию препятствует попыткам мобилизации их идентичности, предпринимаемым Фронтом освобождения оромо ⁴¹.

Отношение эфиопских ученых к завоевательным походам Менелика II различно: одни считают это объединением, поскольку данные территории были частью Аксума, другие — имперским завоеванием, третьи — колонизацией ⁴². Сам Менелик видел в них возвращение средневековых границ Абиссинии. С ним согласны некоторые эфиопские историки ⁴³.

Период Хайле Селассие I (1930—1974 гг.)

В 1930 г. Хайле Селассие короновался как *Negusa Negast* ⁴⁴. В 1931 г. была принята первая в истории Эфиопии конституция, заложившая основы абсолютизма ⁴⁵. Одной из целей ее принятия была ликвидация феодального сепаратизма в виде политической власти и привилегий знати и создание единообразной для всей страны системы управления. Конституция предоставляла императору абсолютную власть назначать и смещать аристократию, вершить суд и наделять землей. Знать лишилась права заниматься международными делами. Ограничение автономии региональной элиты продолжалось и в послевоенные годы. Чтобы уменьшить ее влияние, император постоянно «тасовал» кадры, переводя на новые места.

С принятием конституции впервые в истории страны был введен парламент, создана современная система образования, уничтожено рабство. Хайле Селассие I продолжил курс на амхаризацию, проводившийся его предшественником Менеликом II. Сохранилась политика отчуждения земель у южных народов. В администрации по-прежнему доминировали амхара и аристократия Шоа. Политика централизации привела к ликвидации автономии регионов. Это касалось не только юга, но и северных регионов: традиционные правители Годжама, Гондэра, Уолла и Тиграй были заменены на шоа-амхара.

В период итальянской оккупации (1935—1941 гг.) началась кампания деамхаризации. Основной темой итальянской пропаганды стало угнетение оромо со стороны амхара. Амхарский язык перестал быть официальным, в школах языками обучения стали арабский, оромифа/ороминья и кэффинья⁴⁶. Запрещалось использование амхарского языка в неамхарских районах, амхара не принимались в административные органы.

Оромо остались достаточно равнодушны к итальянской пропаганде, а мусульманские народы были благодарны новому режиму за возврат религии и традиционных институтов⁴⁷. Строились новые мечети, в прежде недоступные районы были проложены дороги, налаживалось водоснабжение в местах проживания скотоводческих народов — преимущественно сомали-огаден. Сидама получили обратно свои земли, был уменьшен размер дани (итальянцы собирали налоги, но в разумных пределах, и требовали только однодневных принудительных работ). По сравнению с абиссинцами, они считались более дружелюбными⁴⁸.

Страна была разделена на шесть административных районов (governorships): Амхара, Оромо, Сидама, Харар (включая Арси), Сомали и Эритрея (включая Тиграй и Данакаль) с учетом норм обычного права, традиционных обычаев, религии и языка. На практике создание единых этнических районов оказалось трудновыполнимым: границы разрезали этнические общности. Однако это был опыт альтернативного устройства государства с учетом этнического фактора.

Поститальянская британская военная администрация в Эритрее ведала делами региона Тиграй из Амхары. Вынашивались планы объединения Тиграй с Эритреей и создания региона «Большой Тиграй»⁴⁹.

Возвращение к власти Хайле Селассие I в 1941 г. после ухода итальянцев не было легким: некоторые народы (сидама, тиграй), оказали сопротивление, но с помощью британской администрации оно было подавлено⁵⁰.

Хайле Селассие стремился создать современное государство. Была осуществлена широкая модернизация во всех областях: введены система налогообложения вместо дани, экономическая либерализация, современное образование, урбанизация, бюрократизация государства, коммерциализация, индустриализация, гомогенизация (интеграция)⁵¹. В то же время основная цель Хайле Селассие I заключалась в формировании единой эфиопской нации из множества населяющих страну этнических общностей под лозунгом: «Одна эфиопская нация, одна судьба».

Для этого необходима была централизация государства. Это касалось не только южных и восточных районов, но и привыкших к региональной автономии этнических элит севера — амхара и тиграй. В соответствии

с новой административной системой страна была разделена на 14 провинций, 100 ауреджа и 600 воред. Регионы становились все более зависимыми от центра. Хайле Селассие I удалось уменьшить центробежные тенденции во всех регионах за исключением Тиграй. После возвращения к власти он уничтожил и автономию Тиграй.

Политика модернизации требовала нового подхода и к управлению. Нужны были образованные администраторы. Поэтому большое внимание уделялось системе образования. Открывались новые университет и колледжи. Многие молодые люди уезжали за границу, в том числе в Советский Союз, для получения образования. Формировалась новая образованная элита, занимавшаяся проблемами управления государственными делами.

В южных районах император назначал губернаторов преимущественно из Шоа. Он был нетерпим к оппозиционным движениям и партиям и сопротивлялся нажиму со стороны тех, кто требовал создания демократического общества. Стремясь модернизировать страну, он в то же время поощрял автократию и исключал из этого процесса большинство неамхара и нетиграй. К тому же, в 1960-х — начале 1970-х гг. в южных завоеванных районах началось массовое отчуждение земли. Провозгласив политику модернизации сельского хозяйства, правительство насильно сгоняло крестьян с их земель, которые передавало агрохолдингам и частным землевладельцам.

Огромные земельные массивы в долине р. Аваш были отняты у афар и отданы иностранным и местным предпринимателям под сахарные плантации и строительство плотин. Возникали огромные агрохолдинги, владельцами которых были амхара, особенно пострадали арси-оромо и афар. Большие массивы удобных для земледелия территорий были также отняты у скотоводов афар и части сомали. На них создавались так называемые проекты для поселенцев-амхара под руководством чиновников шоанской администрации. Земли в кофепроизводящих районах (Сидама, Кэффа) были переданы крупным землевладельцам амхара. В районах, пригодных для выращивания зерновых культур, владельцами земель также становились амхара и тиграй⁵².

В 1952 г. по решению ООН Эритрея была включена в состав Эфиопии на правах автономии в рамках федерации. Вскоре жители Эритреи столкнулись с этноконфессиональной и языковой дискриминацией со стороны центрального правительства. Она сочеталась с постепенным упразднением демократических институтов, а также политических организаций.

В ноябре 1955 г. была принята новая конституция, провозгласившая страну конституционной монархией. Она юридически закрепила утверждение абсолютизма в Эфиопии. Конституция признавала равенство всех граждан империи независимо от вероисповедания, этнической и языковой принадлежности. Однако объявление эфиопской церкви и амхарского языка государственными свидетельствовало об узаконении ряда дискриминационных мер в отношении значительной части населения: по официальным данным, почти треть жителей страны не исповедовала христианство, а амхарский язык в те годы был родным предположительно для 5—8 млн. чел. из около 22 млн. жителей империи⁵³.

В Конституции закреплялся централизованный характер государства. Было определено превращение эфиопской церкви в прочную основу абсолютизма, в придаток государственного механизма. В стране все больше назревало недовольство существовавшим режимом. Засилье в органах власти амхара вызывало возмущение многих народов, в первую очередь тиграй и оромо.

Выше уже отмечалось, что антиамхарские настроения в регионе Тиграй появились еще при правлении Менелика II. При Хайле Селассие I они усилились. Причем это касалось не только правящей элиты и интеллигенции, но и простых общинников. Этому способствовал рост этнического самосознания тиграй. Они считали себя создателями Аксума, свой язык — близким к геэз, а культуру — истинно эфиопской. Все, что располагалось к югу от Такказе, было ниже их по уровню. Они нередко презрительно называли амхара полугалла ⁵⁴.

Междоусобицы среди элиты тиграй еще более ослабили единство этнической группы. К тому же шоанские правители, неспособные навязать им свою власть, разжигали соперничество ⁵⁵, проводя политику «разделяй и властвуй». Среди тиграй все более сильным становился протест против господства амхара-шоа. Этому способствовали чувство гордости как этнической группы, партикуляризм, воспоминания о золотом прошлом, величие Йоаннеса IV, ксенофобия и религиозный консерватизм ⁵⁶.

В 1943 г. вспыхнуло массовое восстание всех слоев общества тиграй, однако оно было подавлено. Ныне тиграй очень гордятся этим восстанием, считая его началом этнонационализма.

В последний период правления Хайле Селассие I, по мнению видных деятелей Народного фронта освобождения тиграй (ТПДФ), все более усиливалась дискриминация этого народа. Это проявлялось в системе образования, при устройстве на работу, в недоброжелательном отношении со стороны амхара в целом. Все это вызывало недовольство образованной части общества и молодежи и привело в конечном счете к возникновению национального движения ⁵⁷.

В Аддис-Абебском университете была создана ассоциация студентов-тиграй с целью изучения проблем собственного народа, возрождения и развития экономики, культуры и языка. Все большее недовольство вызывало пренебрежительное отношение к их языку, который презрительно называли «птичий».

Наряду с другими факторами этнополитический курс правительства Хайле Селассие усиливал недовольство и других неамхарских народов. В 1948 г. в Харэрге требовали предоставления региональной автономии провинции, в результате чего произошло несколько вооруженных столкновений с властями ⁵⁸. В том же 1948 г. (и вновь в 1953 г.) произошли волнения в ряде районов, населенных оромо. В 1949 г. восстали жители северных районов страны ⁵⁹. По мнению эфиопского ученого, профессора Ныгусие Касае Микаэля, в конце 1960-х гг. императору пришлось вести борьбу с движением, целью которого было освобождение оромо от «ига и эксплуатации амхара» ⁶⁰. Проводя свою национальную политику, Хайле Селассие I пытался создать межнациональный альянс с политической элитой оромо. Этот альянс сохранялся до 1965 г., когда на основе двух кланов оромо была создана ассоциация «Меча-Тулема». Она сыграла

большую роль в развитии самосознания оромо, в сохранении и развитии их языка и культуры. Особой популярностью она пользовалась в южных провинциях, некогда завоеванных Менеликом II.

Достижение многими африканскими странами независимости в 1960-е гг. не могло не оказать влияния и на общественное мнение в Эфиопии.

К середине 1970-х гг. возросла активность сил, недовольных абсолютной властью императора и требовавших глубоких социально-экономических и политических преобразований. Властям постоянно приходилось иметь дело с крестьянскими восстаниями, волнениями городской бедноты, широкими движениями на этноконфессиональной основе, а также антиправительственными выступлениями армейских кругов, профессоров и студенчества. Брожение охватило все слои общества⁶¹. Сложные отношения существовали и в окружении императора — в среде традиционной аристократии.

О трудности межэтнических отношений и остроте национального вопроса свидетельствуют следующие данные. В середине XX в. страну потрясли выступления разных этнических групп против режима шоа-амхара: в 1943 г. — восстание в восточном Тиграй; в 1963—1970 гг. — в Бале; в 1968 г. — в Годжам; в 1948 и 1970 гг. — в Уолло; в 1960 г. — в Гедео. Их причины были разными: коррупция (Тиграй), отчуждение земли и новые налоги, конфликты мусульман с поселенцами-христианами (Бале); возникновение ирредентизма сомали; сопротивление увеличению налогов (Годжам и Гедео).

Одним из самых продолжительных восстаний было выступление в 1963—1970 гг. крестьян-оромо в провинции Бале, выдвинувших идею независимости. Вначале восстание было направлено против налогов. С каждым годом оно охватывало все новые районы Бале. К нему присоединилась местная администрация-оромо, а также часть сомали, проживавших на юге. С помощью армии властям удалось подавить сопротивление. У крестьян-оромо были изъяты десятки тысяч гектаров плодородной земли и переданы поселенцам-амхара⁶².

В это же время произошли крестьянские волнения в Иллубаббор, Уолло, Сидамо и других провинциях. Оромо, сидамо и другие народы протестовали против непомерных налогов, экспроприации земли, этноконфессионального угнетения.

В 1973 г. вновь восстали крестьяне оромо. Ими руководил Элемо Култи, который провозгласил создание Фронта освобождения оромо (Oromo Liberation Front). В то время Фронт выступал против местных феодалов, администрации и крупных владельцев ферм⁶³. В мае 1968 г. восстали крестьяне-амхара в провинции Годжам. Они протестовали против закона 1967 г. о сельскохозяйственном налоге, значительно усилившим и без того тяжкое налоговое бремя. В начале 1970-х гг. против того же закона выступили крестьяне-амхара в провинции Бегэмдыр. Обстановка в стране еще более накалилась в связи с жестокой засухой 1972—1974 годов.

Различные слои населения все больше связывали свое бедственное положение и ситуацию в стране с именем Хайле Селассие I, олицетворявшего абсолютистско-монархическое государство.

Обострилась ситуация в Эритрее. Националисты Фронта освобождения народа Эритреи (Eritrean People's Liberation Front) требовали отделения от Эфиопии, образования самостоятельного государства и объявления его принадлежащим к арабскому миру. Широкое возмущение в Эритрее вызывала не только этнорелигиозная дискриминация населения, но и политика Хайле Селассие, направленная на свертывание деятельности автономных институтов (местного правительства, ассамблей и др.) и их ликвидацию, упразднение конституции Эритреи, введенной еще до воссоединения с Эфиопией. В 1962 г. автономия Эритреи была уничтожена, и она стала обычной провинцией. Все это привело к активизации сепаратистских движений в Эритрее. Однако, несмотря на дискриминацию, большинство населения Эритреи не выступало за отделение от Эфиопии, а требовало создания федерации с предоставлением Эритрее широкого самоуправления⁶⁴.

Недовольство населения вызывало также культурное и языковое притеснение: правительство запретило использовать все языки, кроме амхарского. Чтобы устроиться на работу, знание амхарского языка было обязательным условием. Он же стал языком обучения в школах, университете и колледжах.

Получить место в органах управления и экономики можно было лишь зная амхарский. Все это способствовало естественной амхаризации, прежде всего молодого поколения разных этнических групп и, как результат, развитию интеграционных процессов.

Императора весьма привлекала японская модель модернизации и в прежней (1931 г.) конституции была использована японская концепция Мейджи 1885 года⁶⁵. Однако, как пишет американский эфиопист Э. Келлер, «половинчатая модернизационная политика» не была основана на подлинной стратегии развития, так как стремилась сохранить *status quo* и феодальную элиту⁶⁶. К тому же она испытывала сопротивление в разных провинциях, поскольку модернизация подрывала статус и благосостояние региональных элит. Основное внимание в планах модернизации уделялось центру и Шоа в ущерб другим провинциям⁶⁷.

Недовольство в покоренных районах росло, и еще одной его причиной была религиозная дискриминация. Этническая элита, чтобы сохранить свои позиции, вынуждена была принимать эфиопское ортодоксальное христианство. Религиозная дискриминация объясняет причину того, что приверженцы ислама стали бизнесменами (торговцами и ритейлерами). Они не могли получить землю. К концу 1960-х гг. усилилось их недовольство тем, что их считали второсортными гражданами, а их религию — более низкого уровня по сравнению с христианством.

В ряде районов население (сидама, оромо-арси, оромо-борана и др.) ассоциировало христианство с угнетателями. Некоторые субэтноты оромо (арси) приняли ислам. Так они проявили свое сопротивление⁶⁸.

Эфиопский национализм был тесно связан с ортодоксальным христианством, и только его приверженцы считались «истинными эфиопами». Принятие неортодоксального христианства (католичества и протестантизма) и ислама покоренными этническими общностями было формой их сопротивления режиму.

Жесткая централизация и ликвидация автономии региональных элит амхара в Годжаме, Гондэре, Уолло и тиграй — в провинции Тиграй вызвали большое недовольство. Причиной была все большая «шоанизация» государственного аппарата.

Массовое отчуждение земель у разных народов, превращение крестьян в арендаторов, двойной гнет (со стороны амхара и местных землевладельцев) все больше накаляли этнополитическую ситуацию.

Те, кто получил образование в 1950—1960-е гг., были против феодальных аспектов императорской власти и влияния на нее традиционной аристократии, которую они считали основной причиной отсталости Эфиопии⁶⁹.

Постепенно в стране все более заметными становились политические, этнические, культурные и религиозные разногласия. Недовольство режимом существовало как среди народных масс, особенно на периферии в сельских районах, так и среди аристократии амхара в северных регионах.

В декабре 1960 г. была предпринята попытка государственного переворота демократически настроенными высшими офицерами и генералами императорской гвардии, полиции и службы безопасности, а также рядом гражданских чиновников. Впервые выступление значительной части вооруженных сил было предпринято для осуществления радикальных реформ и социально-экономического и политического преобразования страны.

Происходила политизация армии. С середины 1950-х гг. в ней начали все больше распространяться демократические идеи. Многие образованные офицеры считали необходимым упразднение власти императора.

К середине 1970-х гг. в армии обострились отношения между рядовыми, сержантами и младшими командирами, с одной стороны, и старшими офицерами и генералами — с другой. Армейские низы были недовольны условиями своего существования, жестокостью высших офицеров, коррупцией. Причиной недовольства были и этноконфессиональные противоречия. До 40% армейских низов составляли оромо. Как и другие неамхара они испытывали притеснения и реже продвигались по службе. Так, в 1972 г. армейские офицеры-оромо в ранге подполковника составляли 21%, а амхара — 65%⁷⁰.

Было немало случаев, когда солдаты-оромо отказывались усмирять крестьянские бунты своих соплеменников против помещиков-амхара. Ситуация в стране все более накалялась. Власти уже не могли с помощью армии и жесткого подавления, а также частных уступок справиться с ней. В начале 1974 г. многочисленные бунты охватили армию. Происходили демонстрации молодежи — студентов и учащихся.

В научных и правительственных изданиях появился термин Февральское (1974 г.) общенациональное восстание. Оно началось 18 февраля с забастовки в Аддис-Абебе учителей, требовавших увеличения заработной платы, отмены политики правительства, касающейся школьного образования, и скорейшего проведения аграрной реформы.

Но главной силой сопротивления стала армия (в лице солдат, сержантов и младших офицеров), предъявившая ряд экономических, социальных и политических требований (увеличение жалования на 50%, проведение

радикальной аграрной реформы, пересмотр конституции, предоставление гражданских свобод)⁷¹.

Все это создавало условия для революции, чему способствовал усиливавшийся с 1960-х гг. интерес к национальному вопросу сначала в студенческой среде, а затем и шире. Возникли националистические организации и движения. Образованный класс в этот период можно разделить на три категории: тех, кто поддерживал существующий порядок (в основном получивших образование до 1945 г.); левых и модернистов.

Идеологические конфликты, мятежи, противодействие левых сил режиму, недовольство и требование низов уничтожить систему землевладения и эксплуатацию, единодушный призыв к социальным и политическим изменениям, требования образованных людей модернизации и демократизации страны, сложная экономическая ситуация (голод, бедность, безработица и др.), тяжелые условия жизни в армии — все это привело в феврале 1974 г. к революции и свержению монархии.

Таким образом, подводя итоги, можно отметить, что в период правления Менелика II произошло завоевание народов периферии (нынешние западные, южные и восточные штаты) и образование Эфиопии в ее нынешних границах.

Основным принципом национальной политики в имперский период являлось отрицание этнического разнообразия и создание единой эфиопской общности. Именно эту задачу преследовала политика амхаризации, предусматривавшая деэтнизацию и ассимиляцию.

Деэтнизация имела разные формы: требование отказа от личных имен и перехода на амхарские; презрительное отношение амхара и тиграй к другим народам, что заставляло их стыдиться своей этнической принадлежности и скрывать ее, называя себя амхара, не говорить на родных языках и использовать амхарский, отказываться от традиционных политических и культурных институтов, считая их архаичными и варварскими.

Экономическое угнетение, отчуждение земли, превращение общинников в арендаторов, этноконфессиональная и этнокультурная дискриминация вызывали недовольство и приводили к крестьянским восстаниям разных этнических групп.

Конечной целью политики Хайле Селассие I было создание унитарного централизованного государства на основе амхарского языка и ортодоксального эфиопского христианства.

Общим для рассматриваемых периодов являются проявления этноконфессиональной дискриминации, хрупкость и ослабление национального единства и стабильности, различные формы культурного, экономического и политического неравенства, а также экспроприация земли в широких масштабах у сельского населения и, как уже ранее упоминались, жесткая централизация управления и доминирующее положение в госструктурах одной этнической общности. Ряд исследователей усматривает в качестве главной причины сохраняющейся остроты национальной проблемы — соединение этнократии с авторитаризмом.

1. www.joshuaproject.net/ethiopia
2. ABBINK J. The Ethiopian Revolution after 40 Years (1974—2014). — *Journal of Developing Societies*. 2015, vol. 31, № 3, p. 333—357. Doi: 10.1177/0169796X15590321; FENTAHUN TIRUNEH. The Ethiopian Students: Their Struggle to Articulate in Ethiopian Revolution. Chicago. 1990; BAHRU ZEWDE. The Quest for Socialist Utopia: the Ethiopian Student Movement, 1960—1974. Oxford. 2014.
3. ABBINK J. Op. cit., p. 336.
4. MARKAKIS J. Ethiopia: Anatomy of a Traditional Polity. Oxford. 1974, p. 51.
5. BALSVIK R.R. Haile Selassie's Students: The Intellectual and Social Background to Revolution, 1952—1977. East Lansing. 1985, p. 43.
6. KIFLU TADESSE. The Generation, the Evolution of the Ethiopian People's Revolutionary Party. Part I. From the early beginning to 1975. Trenton. 1993, p. 52. Цит. по: VAUGHAN S. Ethnicity and Power in Ethiopia. Edinburgh. 2003, p. 133. URL: <http://hdl.handle.net/1842/605>.
7. BALSVIK R.R. Op. cit., p. 278.
8. Ibid., p. 279—280.
9. WALLIGNE MEKONEN. On the Question of Nationalities in Ethiopia. — *Struggle*. 17 November 1969.
10. Ibid., p. 4.
11. Ibid., p. 5
12. VAUGHAN S. Ethnicity and Power in Ethiopia. Edinburgh. 2003, p. 137. URL: <http://hdl.handle.net/1842/605>.
13. CLAPHAM Ch. Transformation and Continuity in Revolutionary Ethiopia. Cambridge. 1988, p. 198.
14. ALI. M. Ethnicity, Politics and Society in Northeast Africa. Conflict and Social Change. Lanham-N.Y.-L. 1996, p. 98.
15. BAXTER P. The Creation and Constitution of Oromo Nationality. In: *Ethnicity and Conflict in the Horn of Africa*. James Currey Publishers. 1994, p. 172.
16. FASIL N. Constitution for a Nation of Nations: The Ethiopian Prospect. New York. 1997, p. 7—8.
17. BAHRU ZEWDE. History of Modern Ethiopia 1855—1974. London. 1991, p. 60.
18. ERLICH H. Ras Alula and the Scramble for Africa: a Political Biography, Ethiopia and Eritrea 1875—1897. Lawrenceville-Asmara. 1996, p. 2.
19. YONATAN TESFAYE FESSHA. Institutional Recognition and Accommodation of Ethnic Diversity: Federalism in South Africa and Ethiopia. Cape Town. 2008, p. 335.
20. Ibid., p. 332.
21. ALEMSEGED ABBAY. Identity Jilted or Re-mapping Identity? Lawrenceville-Asmara. 1998, p. 45. Цит. по: VAUGHAN S. Op. cit., p. 109.
22. TESHALE TIBEBU. The Making of Modern Ethiopia, 1896—1974. Lawrenceville. 1995. p. 45.
23. CLAPHAM Ch. Ethnicity and National Question in Ethiopia. In: *Conflict and Peace in the Horn of Africa: federalism and its alternatives*. Aldershot. 1994, p. 29.
24. Ibidem.
25. BENDER M.L. The Languages of Ethiopia. Nilo-Saharan. In: *Languages in Ethiopia*. London. 1976, p. 13.
26. TRIMINGHAM J.S. Islam in Ethiopia. London. 1965, p. 15.
27. MERERA GUDINA. Ethiopia: Competing Ethnic Nationalisms and the Quest for Democracy 1960—2000. Addis Ababa. 2003, p. 61.
28. MARKAKIS J. Ethiopia: An Anatomy of a Traditional Polity. New York. 1974, p. 136.
29. KIFLE WANSAMO. Towards Building Stability in a Multinational/ethnic Society. Conflicts in Sidamaland, Ethiopia. Lancaster. 2007, p. 89.
30. BAHRU ZEWDE. Op. cit., p. 88.
31. ALI M. Op. cit., p. 96.
32. CLAPHAM Ch. Ethnicity and National Question, p. 34.
33. ALI M. Op. cit., p. 98.

34. KIFLE WANSAMO. Op. cit., p. 89.
35. MARKAKIS J. Conflict in prefederal Ethiopia. In: First national conference on federalism, conflict and peace building. Addis Ababa. 2003, p. 12.
36. BAHRU ZEWDE. Op. cit., p. 5.
37. Ibid., p. 86.
38. ALI M. Op. cit., p. 101.
39. KELLER E.J. Revolutionary Ethiopia: From Empire to a People's Republic. Bloomington. 1988, p. 62.
40. CLAPHAM Ch. Op. cit., p. 32—33; BLACKHURST H. Ethnicity in Southern Ethiopia: the general and the particular. — Africa. 1980, vol. 50, N1.
41. CLAPHAM Ch. Ethnicity and National Question, p. 33.
42. YONATAN TESHAYE FESSHA. Op. cit., p. 341; KELLER E.J. Revolutionary Ethiopia, p. 36, 45, 59—64; MARKAKIS J. National and Class Conflict in the Horn of Africa. Cambridge. 1987, p. 28.
43. HENZE P. Layers of Time: a History of Ethiopia. London. 2000, p. 152; ANDERGACHEW TIRUNEH. The Ethiopian Revolution 1974—1987. Cambridge. 1993, p. 4.
44. Хайле Селассие I в переводе с амхарского означает «Сила Святой Троицы». Дедушка Хайле Селассие по отцовской линии был оромо, бабушка — амхара. Дедушка по материнской линии был оромо, а бабушка — гураге. В патрилинейном обществе Хайле Селассие считали бы оромо, в матрилинейном — гураге. А он был амхара. Бабушка была родом из шоанской королевской семьи, что давало ему право претендовать на трон. CLAPHAM Ch. Ethnicity and National Question in Ethiopia. In: Conflict and Peace in the Horn of Africa. Aldershot etc. 1994, p. 29.
45. BAHRU ZEWDE. Op. cit., p. 140.
46. SBACCHI A. Ethiopia under Mussolini: Fascism and the Colonial Experience. London. 1985, p. 159—160. Цит. по: VAUGHAN S. Ethnicity and Power in Ethiopia, p. 119—120.
47. VAUGHAN S. Op. cit., p. 119.
48. KIFLE WANSAMO. Towards Building Stability in a Multinational/ethnic Society, p. 91.
49. VAUGHAN S. Op. cit., p. 121.
50. KIFLE WANSAMO. Op. cit., p. 91.
51. BAHRU ZEWDE. Op. cit., p. 92, 108—110, 207; MARKAKIS J. Ethiopia..., p. 144—323.
52. CLAPHAM Ch. Ethnicity and National Question in Ethiopia, p. 32.
53. ЦЫПКИН Г.В., ЯГЪЯ В.С. История Эфиопии в новое и новейшее время. М. 1989, с. 212.
54. MARKAKIS J. Ethiopia, Anatomy of a Traditional Polity, p. 48.
55. ERLICH H. Ethiopia and the Challenge of Independence. Boulder. 1986, p. 13.
56. GEBRU TAREKE. Ethiopia: Power and Protest. Peasantry Revolt in the Century. Lawrenceville. 1996, p. 116.
57. Цит. по: VAUGHAN S. Op. cit., p. 161.
58. GREENFIELD R. Ethiopia. A New Political History. New York. 1965, p. 287.
59. ЦЫПКИН Г.В., ЯГЪЯ В.С. Ук. соч., с. 216.
60. НЫГУССИЕ КАСАЕ В. МИКАЭЛЬ. Хайле Селассие-I — император Эфиопии. М. 2016, с. 321.
61. ЦЫПКИН Г.В., ЯГЪЯ В.С. Ук. соч., с. 264—265.
62. Там же, с. 281.
63. Там же.
64. OTTAWAY M., OTTAWAY D. Ethiopia. Empire in Revolution. N.Y.-L. 1978, p. 154.
65. BAHRU ZEWDE. Op. cit., p. 110.
66. KELLER E. Revolutionary Ethiopia, p. 132.
67. Ibid., p. 138.
68. KIFLE WANSAMO. Op. cit., p. 93.
69. BAHRU ZEWDE. Op. cit., p. 213; KELLER E. Op. cit., p. 132; MARKAKIS J. Op. cit., 1974, p. 180—191.
70. История Эфиопии в новое и новейшее время. М. 1986, с. 269.
71. Подробнее см.: Там же, с. 287—299.

Национальная Академия наук Азербайджана: история создания (1920—1945 гг.)

Т.С. Керимова

Аннотация. Работа посвящена процессу формирования Академии наук Азербайджана в период 1920—1945 годов. В публикации показаны основные этапы ее создания, раскрыты формы и направления деятельности, обобщен опыт научных учреждений академического типа по содействию и развитию фундаментальных исследований в республике. Создание Академии наук Азербайджана прошло ряд этапов и было тесно связано с общими процессами организации научных исследований в стране.

Ключевые слова: Академия наук, научные учреждения, фундаментальные исследования, общество, научно-исследовательский институт, филиал, война.

Abstract. This research is dedicated to the process of formation of the Azerbaijan National Academy of Sciences in the period of 1920—1945. The paper highlights the main stages of its creation, reveals the forms and main directions of the activities, and summarizes the experience of academic scientific institutions to contribute to the development of fundamental researches in the republic. The establishment of the Azerbaijan National Academy of Sciences went through a number of periods and was highly correlated with the common processes in initiation of scientific research in the country.

Key words: Academy of Sciences, scientific institutions, fundamental research, society, research institute, branch, the War of 1941—1945.

XX столетие стало периодом глобальных перемен в политической, социально-экономической и культурной жизни азербайджанского общества. Прежде всего, оно сыграло огромную роль в становлении, формировании и дальнейшем развитии научной мысли Азербайджана. Одним из важных завоеваний азербайджанского народа в первой половине XX столетия стало учреждение Академии наук — главного научного учреждения республики, ознаменовавшее важнейший поворот в развитии национальной науки и культуры. Национальная Академия наук Азербайджана (НАНА) при всей ее громоздкости и недостатках оказалась единственной структурой, сохранившей научный потенциал республики. Созданная 70 лет назад, она прошла большой и славный путь развития. С деятельностью НАНА неразрывно связаны становление и развитие азербайджанской науки, многие ее выдающиеся научно-технические достижения. Изучение истории ее создания, начальных этапов развития, всей деятельности многочисленных очагов будущего государственного научного центра — это важная часть исследования истории организации азербайджан-

Керимова Тамилла — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории им. А. А. Бакиханова НАН Азербайджана. E-mail: tomakerimova50@gmail.com.

Kerimova T. — candidate of historical sciences, leading researcher at the Institute of History named after A. A. Bakikhanov of ANAS. E-mail: tomakerimova50@gmail.com.

ской науки, отражающей на многих этапах поистине подвижническую деятельность ученых самых разных национальностей во благо народа.

В условиях возрастающего значения науки во всех сферах жизни современного общества проблема изучения предшествующего опыта государственного руководства научной сферой, взаимодействия власти и науки на различных этапах отечественной истории становится все более актуальной задачей.

В апреле 1920 г. Азербайджан вступил в полосу советизации, и в жизни республики наступил новый период. Характерной чертой этого большого, 70-летнего исторического пути были потеря реальной независимости и вхождение республики в систему советско-социалистического административного управления. Тоталитарный большевистский режим в 1920-е гг. постепенно перерос в диктатуру, опирающуюся на сталинский террор, а затем через период административно-приказного стиля управления завершился упрочением власти партийного аппарата. Азербайджанская ССР вместе с другими советскими республиками прошла через все этапы этой системы, выдержав все испытания, и вместе с тем использовала ее возможности. Республика с ее политической жизнью, экономическим богатством, культурным многоцветием превратилась в составную часть союзного государства под названием СССР.

В 70-летней истории советского Азербайджана период 1920—1945 гг. занимает не такое уж большое место. Однако за этот короткий срок в республике произошли важнейшие перемены, сыгравшие важную роль в жизни народа, имела место напряженная борьба, оставившая глубокий след в истории. За первое двадцатилетие советской власти были достигнуты большие успехи в социально-экономическом развитии Азербайджана, которые несправедливо было бы отрицать. За сравнительно короткий исторический период республика превратилась из аграрной в индустриальную республику. Вырос промышленный потенциал, который по отраслевой структуре, техническому оснащению, возможности производства важнейших видов орудий производства находился в основном на уровне показателей, типичных для развитых стран. Ощутимые успехи были достигнуты и в области развития культуры ¹.

В Азербайджане была достигнута всеобщая грамотность населения, введено обязательное среднее образование, создана развитая сеть учебных заведений, вузов, научных учреждений, был подготовлен большой отряд высококвалифицированной научной интеллигенции из коренного населения по различным отраслям знаний. В эти годы начал формироваться богатый интеллектуальный потенциал, благодаря развитию экономики, появлению новых отраслей промышленности, развитию сельского хозяйства, переустройству всей жизни азербайджанского общества и т. д. При всех перипетиях и сложностях этого исторического этапа, одно было очевидно — в эти годы рождалась новая советская культура — реальный исторический феномен, ставший значимым фактом отечественной и мировой культуры XX века ².

Однако история этого периода наполнена и разнообразными негативными последствиями политических и социально-экономических преобразований как в стране в целом, так и на национальных окраинах. На развитие науки известный отпечаток наложили деформации, связанные

с культом личности, гибель выдающихся ученых, распад научных школ, а также многолетнее господство административно-командного управления.

Научная мысль в Азербайджане, безусловно, развивалась как неотъемлемая и, вместе с тем, своеобразная часть истории советской науки. Она имела те же проблемы, направления, тенденции и закономерности. В политике советского государства в сфере науки, в ее организации и системе управления, во взаимоотношениях власти с учеными с 1920 до конца войны 1941—1945 гг. выделяются несколько основных, своеобразных, но взаимосвязанных хронологических этапов. Ученым пришлось пережить: поддержку науки и образования (1920—1929); год «великого перелома» (1929); «культурную революцию» (1929—1933 гг.), которая привела к созданию нового социалистического института — жестоко регламентированной централизованной науки; «большой террор» (1936—1938) и, наконец, период, когда наука обрела беспрецедентно высокое политическое значение, поскольку превратилась в важнейший элемент победы советского государства в Великой Отечественной войне. В дальнейшем пришлось пережить борьбу с космополитизмом (1949—1953) и многое другое. Эта периодизация впервые позволяет увидеть эволюцию большевистского режима, разнообразные попытки советской власти выстроить свои отношения с наукой, смену приоритетов в экономической и социально-культурной политике, различные процессы институциональной и личностной трансформации научного сообщества. Тем не менее, эти тенденции и закономерности развития научной мысли в СССР, в зависимости от особенностей конкретных условий Азербайджана, проявились специфически и имели свои оттенки.

Непростые экономические условия того времени, отсутствие достаточного числа квалифицированных кадров, субъективизм и усиление централизации в сфере организации науки, репрессии в период сталинизма были причиной частых реорганизаций. Не потому ли процесс становления Академии наук Азербайджана был столь длительным во времени, прошел ряд этапов и был тесно связан с общими процессами организации научных исследований в стране? Академия наук Азербайджана, как и большинство академий наук союзных республик, за исключением белорусской и украинской, которые были созданы в начале 1920-х гг., была организована на основе научных обществ, институтов и филиалов.

Первые основы академических учреждений были заложены деятельностью Общества обследования и изучения Азербайджана (1923—1929), Азербайджанского государственного научно-исследовательского института (1929—1932), Азербайджанского отделения Закавказского филиала Академии наук СССР (1932—1935) и Азербайджанского филиала Академии наук СССР (1935—1945). Прослеживая основные этапы развития национальной науки, можно отметить, что каждому из них был присущ свой «характер» построения и управления. Заимствуя опыт, накопленный РСФСР, в него часто вносились необходимые коррективы.

В начале 1920-х гг. широко развернулась работа по всестороннему изучению Азербайджана, его богатой истории. Учитывая то, что в этот период некоторые его районы были абсолютно не обследованы, перед наукой ставились масштабные задачи: при помощи русских ученых

и специалистов ликвидировать эти пробелы и приступить к планомерному освоению неисчерпаемых природных и исторических богатств Азербайджана, обратив особое внимание на реставрацию памятников материальной культуры азербайджанского народа, которые требовали к себе пристального внимания и широкого научного изучения.

По поручению правительства республики, коллегия Народного комиссариата просвещения Азербайджанской ССР приняла 5 мая 1923 г. постановление «Об учреждении Общества обследования и изучения Азербайджана» — первого научного центра республики, целью которого являлось изучение республики в социально-историческом, этнографическом, археологическом, экономическом, геологическом, лингвистическом и общественно-культурном аспектах. Работой Общества руководил писатель А. Ахвердов, который с 1924 г. являлся членом-корреспондентом Краеведческого бюро Академии наук СССР³. Заместителем председателя президиума стал Гамид Султанов, ученым секретарем президиума Общества — А.Р. Зифельдт-Симумяги — член контрольной комиссии ЦК АКП (б).

Благодаря помощи видных русских ученых Общество по обследованию и изучению Азербайджана и Азербайджанский госуниверситет стали главной кузницей первых национальных кадров научных работников в области общественных и естественных наук. Для решения поставленных задач Общество проводило научные экспедиции, организовывало различные командировки, связанные с почвенными, ботаническими, геологическими исследованиями, археологическими раскопками, проводило представительные съезды, конференции, диспуты, заседания, экскурсии, чтения, совещания, публичные лекции, содействовало распространению знаний об Азербайджане, публиковало научные работы, организовывало выставки, музеи, библиотеки. И всей своей деятельностью способствовало зарождению и развитию ряда важнейших отраслей науки в республике, а также вырабатывало научно-аргументированные рекомендации по формированию, развитию и укреплению научного потенциала республики. В соответствии с поставленными целями и задачами Общество первоначально имело в своем составе три секции: историко-этнографическую, экономическую и естественнонаучную. В 1925 г. из историко-этнографической выделилась самостоятельная секция — тюркологическая⁴.

Для проведения глубоких и целенаправленных исследований по конкретным областям знания при секциях были созданы комиссии и подкомиссии: историческая, этнографическая, историко-литературная, лингвистическая, советского строительства, юридическая, словарная, промышленная, инженерно-строительная, сельскохозяйственная, ботаническая, физико-географическая, изучения Каспийского моря, изобразительного искусства, театральная, музыки и другие. Были созданы также и некоторые бюро: Ближнего Востока, изданий и информации, помощи школам, библиотечно-библиографическое. Секции и бюро подразделялись на постоянные и временные комиссии. С каждым годом расширялся диапазон и росли масштабы их исследований.

Общество занималось и издательской деятельностью, приступив с 1925 г. к выпуску специального органа — «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», ставшего одним из самых важных

научных изданий в республике в те годы. За период 1926—1928 гг. вышло 7 номеров этого журнала сначала на русском языке, а с 1928 г. — на азербайджанском. В 1926—1927 гг. началось издание «Материалов по истории Азербайджана». Вышли в свет два номера журнала «Пути изучения Азербайджана». Только за период 1926—1928 гг. членами Общества было издано 10 научных трудов, из них 4 — по истории Азербайджана, 4 — по фольклору, со средним тиражом 1250 экземпляров.

В целях планомерного и всестороннего научного исследования Азербайджана, а также привлечения к этим важным процессам широкой общественности, Общество в 1924 г. организовало местные отделения в уездах республики: Загатальском, Шамахинском, Губинском, Лянкяранском, Нухинском, Гянджинском, Сальянском, Курдистанском (Лачин) и в районах города Баку: Сураханском, Фабрично-заводском, Ленинском, Гала-Маштагинском и Бинагадинском, а также в Нахчыванской и Нагорно-Карабагской автономных областях. Уже к 1924 г. функционировало 16 местных отделений Общества, которое таким образом координировало и направляло всю научно-исследовательскую деятельность в республике, создавая тем самым серьезную научную базу и фактически превращаясь в крупный научный центр. По инициативе Общества и его региональных отделений, были открыты краеведческие музеи в городах Нухе, Лянкяране, Шамахе, Сальяне и др. ⁵

С первых своих шагов Общество установило тесные связи с союзной Академией наук, многими научными и образовательными учреждениями Советского Союза, от которых получало практическую помощь и поддержку. При некоторых из них были созданы отделения Общества, в числе которых особенно выделялись Московское и Ленинградское, созданные в 1923—1924 годах. С ними азербайджанское Общество поддерживало тесные контакты и осуществляло совместные научные исследования, особенно в области разработки природных ресурсов, историко-этнографических и языковых проблем. Общество организовывало научные экспедиции по районам Азербайджана в области почвоведения, геологии и ботаники, различные археологические раскопки. Велась работа с азербайджанскими студентами, обучающимися в вузах столицы. Было организовано 5 отделений, к работе в которых привлекали студентов и другие молодые научные кадры для изучения и исследования Азербайджана. В Московской Горной Академии была организована секция изучения естественных богатств Азербайджана, состоявшая из 13 профессоров ⁶.

В республику систематически приезжали видные деятели науки из Москвы и Ленинграда, а также других крупных научных центров страны: академики В. А. Гордлевский, И. М. Губкин, Н. Я. Марр, А. Крымский, И. И. Мещанинов, В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, профессора: В. И. Смирнов-Логинов, В. Б. Томашевский, А. Н. Самойлович и др. Общество постоянно ощущало помощь и поддержку Академии наук СССР, при которой был создан Комитет по исследованию союзных и автономных республик, возглавляемый А. Е. Ферсманом ⁷.

К концу 1927 г. в состав Общества входило уже более 1000 членов: от видных ученых республики — до представителей уездной и сельской интеллигенции ⁸.

Общество сыграло созидательную роль в сохранении и развитии отечественной науки и культуры. Оно объединило большинство бакинских ученых, представителей старой интеллигенции, работавших в различных государственных и научных организациях и учреждениях республики. Общество сумело привлечь внимание отечественных и зарубежных исследователей к актуальным историческим, естественнонаучным, культурологическим проблемам. В отличие от аналогичных научных обществ, организованных по Союзу и исследовавших конкретные востоковедческие, гуманитарные или краёведческие проблемы, Общество обследования и изучения Азербайджана проводило огромную научно-исследовательскую работу по всем направлениям науки.

Содружество ученых, представителей молодой формирующейся азербайджанской научной интеллигенции и высококвалифицированной научной элиты Москвы, Ленинграда, Казани, Киева, Минска, Тбилиси и других городов явилось залогом успешной, многогранной работы Общества обследования и изучения Азербайджана.

С конца 1920-х гг. на смену политическим и экономическим методам работы пришли административно-командные методы руководства. Итогом политического развития страны в эти годы стало формирование тоталитарного государства. Следует отметить, что подобная система была характерна не только для страны Советов. Повсеместно преобладала тенденция усиления роли государства во всех сферах жизни. В определенной мере это была реакция на мировой экономический кризис 1929—1933 гг. («Великая депрессия»), рост влияния социалистических и коммунистических партий и т. д. В СССР определенную роль в возникновении такого государства, кроме уже отмеченных причин, сыграла острая борьба за власть, развернувшаяся в политическом руководстве страны.

В этот период происходила серьезная перестройка самой научной деятельности в соответствии с требованиями новой власти и ситуации в стране.

1929 г. в истории страны принято считать переломным. С мая 1929 г. в СССР был взят курс на индустриализацию страны — процесс форсированного наращивания экономической мощи государства максимально высокими темпами для сокращения отставания от развитых капиталистических государств. Основной задачей индустриализации было превращение СССР из преимущественно аграрного государства в ведущее индустриальное. Необходима была реорганизация сети научных учреждений и создание научно-исследовательских институтов. За образец была взята модель организации науки в Германии, якобы свободной от недостатков западной науки, порождаемых конкуренцией автономных учреждений, утаиванием научных секретов, отсутствием жесткого планирования и централизованного управления.

В стране действовал жесткий государственный контроль над ходом научных исследований. Власти стремились включить научное сообщество в советскую структуру, встав на путь ликвидации независимых научных учреждений, вузов, обществ, периодических журналов, издательств. Этим объяснялась постоянная реорганизация сети научных учреждений в первые десятилетия советской власти. В то же время вера коммунистических вождей в науку побуждала их к организации новых вузов и кафедр

в таких масштабах, о которых ученые в других странах не могли тогда даже мечтать. СССР, осуществив максимальную концентрацию национальных ресурсов, раньше других использовал науку для создания мощного военно-промышленного потенциала ⁹.

В конце 1920-х гг. в связи с началом «великого перелома», развития административной и командной системы организации науки и особенно идеологизацией научной деятельности, Общество обследования и изучения Азербайджана прекратило свое существование. 9 октября 1929 г. постановлением АзЦИКа оно было реорганизовано в Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт (АзГНИИ) ¹⁰. В состав института вошло 7 отделений: естественнонаучное; экономическое; отделение права, государства и советского строительства; историко-этнографическое; языка, литературы и искусства; философское; отделение зарубежного Востока ¹¹. При нем функционировали научно-исследовательская ассоциация марксистов и Институт по изучению классовой борьбы в Азербайджане ¹². В Положении АзГНИИ были определены основные задачи научных исследований: «Всестороннее изучение Азербайджана и прилегающих стран советского и зарубежного Востока в отношении естественных богатств и производительных сил, экономики, социальных движений, истории, этнографии, искусства, литературы, языка, права и государственного строительства; подготовка научных специалистов для работы в вузах, техникумах, научно-исследовательских учреждениях республики, в первую очередь из коренного населения» ¹³.

На начальном этапе деятельность Института охватывала историю революционного движения, археологию, экономику, этнографию, фольклор, лингвистику, литературу и искусство азербайджанского народа. Но работа не ограничивалась исследованием истории Азербайджана и тюркских народов, проживающих в бывшем СССР. Она выходила за пределы данных конкретных задач: разрабатывались научные темы по Турции, Ирану, Египту, Афганистану и т.д. В структуре института были созданы специальные секции, изучавшие различные проблемы этих стран ¹⁴. Большая работа проводилась в этот период археологами и этнографами республики. Существенное значение для изучения древнейшей истории Азербайджана, а равно и всего Южного Кавказа, имели результаты раскопок, произведенных в 1930-х гг. сотрудниками Ханларского музея, а также археологические исследования по изучению циклопических сооружений, произведенные Курдистанской экспедицией, исследования, проходившие на территории Малого Кавказа в Хачбулаге, Кяльбаджаре, Нахчыване, Губе и т.д. В этот период были открыты и взяты на учет каменные ящики и курганы в бассейне рек Гянджачая и Кошкарчая.

В АзГНИИ проводились также научные исследования в области философии и педагогики. Велась работа по формированию и развитию в Азербайджане литературоведения и лингвистической науки. Предпочтение отдавалось исследованиям в области орфографии и терминологии.

Ускоренная индустриализация требовала наращивания природно-ресурсного потенциала страны. В таких условиях одной из наиболее эффективных форм организации научных исследований по изучению производительных сил и природных ресурсов в периферийных районах страны

продолжала оставаться работа в рамках академических комиссий и комитетов. 27 октября 1929 г. Президиум АЗГНИИ принял постановление об организации Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) ¹⁵.

Благодаря повышенному государственному вниманию и участию социальный статус естественных наук в стране беспрецедентно вырос. Президиум АЗГНИИ 30 апреля 1930 г. организовал естественнонаучное отделение в составе двух секторов: методологии естествознания и экспериментально-исследовательского с секторами: антропологии, социальной медицины и гигиены, химии, ботаники, зоологии, геофизики, геологии, сельского хозяйства ¹⁶.

В центре внимания естественнонаучного отделения находились исследования научных и научно-практических проблем геологии нефти. Главным объектом изучения стала азербайджанская нефть — основное природное богатство республики. Этот этап, начавшийся с 1930-х гг., характеризовался широким развитием геологосъемочных и поисковых работ, разведкой полезных ископаемых и научными исследованиями по геологии. Большая работа была проведена в начале 1930-х гг. по поиску и разведке месторождений редких газов (азотистых и гелиевых) на территории Азербайджана, а также по изучению химического состава, физико-химических свойств и радиоактивности нафталановых видов нефти с целью использования их для направленного лечения. Начались работы по определению месторождений редких элементов (гелий, ванадий, вольфрам, кобальт, молибден), для чего был создан специальный сектор с химической лабораторией, а также по гидрогеологии Апшеронского полуострова, по использованию буровых вод для получения йода, брома и т.д. Продолжалось изучение Загликского месторождения алунитов.

Целая плеяда ярких ученых Азербайджана — академики Ш.А. Азизбеков, М.М. Алиев, А.А. Ализаде, К.А. Ализаде, Г.А. Ахмедов, М.А. Кашкай, А.В. Мамедов, Ш.Н. Мамедов, С.Г. Салаев, А.Д. Султанов, А.М. Шихалибейли, А.А. Якубов, члены-корреспонденты А.Г. Алиев, К.М. Султанов, Г.Х. Эфендиев, доктора наук Р.М. Гаджиев, М.Т. Агабеков, Т.А. Исмаил-заде и др. — своим трудом и талантом способствовали развитию геологической науки Азербайджана. В осуществлении поисково-разведочных работ большую роль сыграли, наряду с азербайджанскими учеными и специалистами, русские ученые: Губкин, Д.В. Голубятников, М.В. Абрамович, В.В. Богачёв, Н.Б. Вассеевич, Б.М. Листенгартен, В.В. Вебер, С.А. Ковалевский и др. Благодаря их участию удалось осуществить геологоразведочные исследования нефтяных участков Азербайджана, открыть новые богатые месторождения нефти на Апшеронском полуострове — Гарачухурское, Локбатанское, Калинское и многие другие ¹⁷.

В центре внимания естественнонаучного отделения находились также исследования научных и научно-практических проблем биологии, сельского хозяйства, социальной медицины и гигиены.

Большая работа проводилась в Институте по подготовке научных кадров. Вместо института практикантов (выдвиженцев) в 1929 г. была учреждена аспирантура, а в 1930 г. — и подготовительное отделение к аспирантуре.

Но АзГНИИ не мог в должной мере обеспечить разработку крупных актуальных проблем без научно-организационного центра, а реконструкция и бурное развитие народного хозяйства Азербайджана требовали значительно расширить и углубить научные исследования. Поэтому по инициативе ЦК КПА и при содействии Академии наук СССР 29 декабря 1932 г. постановлением Центрального Комитета партии республики на базе Азербайджанского государственного научно-исследовательского института было организовано Азербайджанское отделение Закавказского филиала АН СССР (АзОЗФАН). Его главной задачей стало всестороннее и систематическое изучение естественных богатств Азербайджана и процессов его исторического развития¹⁸. Руководителем АзОЗФАН был назначен один из крупнейших советских ученых-геологов, академик Ф.Ф. Левинсон-Лессинг, а его заместителями стали проф. Х.И. Гарбер и Джафар Кязимов¹⁹. К работе филиала были привлечены крупные научные кадры, а непосредственное участие в его деятельности принимали выдающиеся ученые: академики Губкин, А.А. Гроссгейм, Н.Я. Марр, И.И. Мещанинов, члены-корреспонденты АН СССР М.А. Капелюшников, К.А. Красусский, профессора Смирнов-Логинов, Абрамович, А.Н. Державин, В.С. Елпатьевский, И.Г. Есьман, Богачёв, В.Е. Хаин, Е.Б. Лопухин и др.

Структура АзОЗФАН предусматривала охват наиболее важных отраслей науки, развитие которых отвечало насущным потребностям народного хозяйства и развития культуры республики. В отделении были учреждены первые академические научные центры и ячейки: физики, химии, энергетики, геологии, почвоведения, зоологии, ботаники, истории, языка, литературы и др. — всего 11 секторов. Одновременно были организованы отраслевые научные комиссии. В АзОЗФАН проводились научно-исследовательские работы по трем основным направлениям: в области естественных, технических и общественных наук²⁰. За короткий период своего существования (1932—1935 гг.) АзОЗФАН провел ценные научные исследования. Его создание явилось важным событием в истории развития науки в республике, способствовало значительному расширению масштабов и перспектив научных исследований.

В отделении естествознания с секторами физики, геологии, зоологии, ботаники, почвоведения и химии была проделана значительная работа. Так, научно-исследовательские проблемы секторов геологии и физики, главным образом, касались вопросов поиска нефти в неисследованных еще отложениях меловой формации, изучения полезных ископаемых республики, определения физических констант горных пород, исследования радиоактивности этих пород и вод, климатических и сейсмических условий Апшерона и побережья Каспийского моря. Была оборудована геохимическая лаборатория, в Гянджинском уезде проводились радиоизмерения для определения залежей ураново-ванадиевых руд.

11 ноября 1934 г. вышло постановление о передаче в ведение АзОЗФАН для исследовательских работ Гызыл-Агачского заповедника им. С.М. Кирова — крупнейшего в мире центра зимовки птиц общей площадью около 1800 кв. км, а также Загатальского заповедника площадью 28000 кв. км²¹. В 1933—1934 гг. в Нахчыване был организован ряд экспедиций для изучения сорняков, эфирномасличных и алколоидных рас-

тений, а также кормовой базы как зимних (Беюк-дюз), так и летних пастбищ. Была составлена общая ботаническая карта, подготовлена к печати монография по растительности края.

Технические дисциплины были сосредоточены в секторах энергетики и прикладной химии. Значительный интерес представляли исследования способов химической переработки азербайджанских хромитов, процессов восстановления дашкесанской руды естественным нефтяным газом, получения активированного угля из нефтяного кокса и др. Большая заслуга принадлежала химическим секторам в организации Азербайджанского отделения Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева, на заседаниях которого уже в первый период его деятельности был сделан ряд интересных научных докладов.

Наиболее актуальными задачами в экономической жизни республики становились проблемы энергетики. Рост производительных сил, развитие промышленности, транспорта и сельского хозяйства во многом зависели от успешного решения вопросов электрификации. Научно-исследовательские работы в этом направлении, помимо некоторых специальных научных учреждений, проводились и в Секторе энергетики АЗОЗФАН, организованном в середине 1933 года. Здесь разрабатывались вопросы, касавшиеся электрификации промышленности, изучения водно-энергетических ресурсов республики, использования энергии ветра и мелких рек, составления атласа энергоресурсов Азербайджана и др. По результатам этих исследований был опубликован ряд работ. Под общим руководством проф. Есьмана велись исследования в области электротехники, гидротехники и теплотехники. Была подготовлена работа «Введение в изучение энергетического баланса мелких рек» по использованию ветра на Апшероне ²².

Работы по изучению химических и физико-химических свойств нефти и продуктов ее переработки занимали главное место в деятельности сектора химии Азербайджанского отделения. В этом отделении проводились исследования по энергетике, минеральным ресурсам, флоре и фауне Азербайджана ²³. Прорабатываемые темы по химии были тесно связаны с нуждами промышленности и имели значение для эффективного использования отходов нефтяной промышленности, а также решения проблемы большого теоретического значения — строения вещества. Изучение таких проблем, как способ получения квасцов из загликских алунитов, активированного нефтяного кокса, исследование способов химической переработки хромитов и активирование глин для получения окиси алюминия, разрабатывались сектором прикладной химии.

Первая крупная экспедиция была организована в курортную зону Истису Кяльбаджарского района. На месте были изучены источники Истису и выявлено необычайное богатство 18 различных источников, обладающих целебными свойствами. Был открыт холодный минеральный источник с очень высокой радиоактивностью ²⁴, начаты работы по гидрографическому описанию Каспийского моря и его климата. К крупным работам этих секторов следует отнести исследования «Стратиграфия и палеонтология АССР», «Исследование водного баланса Каспийского моря, в связи с проектом Большой Волги» и составление карты распределения грунтов Каспийского моря. Кроме того была проведена большая работа по

составлению обзорных карт полезных ископаемых всего Закавказья наряду со специальными картами ряда районов Азербайджана. Сотрудники геологического сектора АзОЗФАН систематически осуществляли поиск нефти в неисследованных еще меловых формациях, изучение миоценовых отложений Южного Кавказа, гидрогеологическое обследование районов минеральных источников и др. Большим шагом в изучении геологии Азербайджана явились исследования магматических пород, проведенные азербайджанскими учеными Азизбековым, Кашкаем, А. Н. Соловкиным и др., результаты которых дали возможность впервые ставить и решать вопросы, связанные с поисками и разведкой залежей рудных и нерудных полезных ископаемых.

Усилиями Азизбекова, Султанова, Эфендиева были изучены никеленосность ультраосновных пород, выполнены большие работы по выяснению распространения залежей барита, имеющего важное значение для нефтяной промышленности, и кобальта в Дашкесанском районе, по изучению литологии продуктивной толщи территории Азербайджана и др. В области стратиграфии и палеонтологии усилиями Ализаде были изучены ископаемые организмы различных слоев, в частности по агджагилю и палеогену.

12 января 1933 г. правительство республики дало указание АзОЗФАН начать научно-исследовательскую работу в области истории материальной культуры, искусства, языка и литературы, по истории Азербайджана — проблеме феодальных отношений в XIX в., а также нефтяной промышленности республики. История материальной культуры, язык и литература народов Южного Кавказа исследовались Институтом кавказоведения филиала. В июне 1934 г. институт созвал координационное совещание ученых трех республик, на котором обсуждались перспективы научной работы в области кавказоведения.

В целях разрешения ряда вопросов в 1933 г. было организовано 6 археологических и этнографических экспедиций с участием 15 научных сотрудников, а в 1934 г. — две экспедиции с участием 10 научных сотрудников. Основные экспедиции 1933 г. были совершены в Курдистан, Агдам, Барду и Оренкалу, в 1934 г. — в Шамкиро-Гядабейский район и на Апшерон. Экспедиции в Курдистан и Агдамо-Бардинский район предоставили возможность полностью описать жилища и карадамы. Во время экспедиции в Шамкиро-Гядабейский район было найдено и описано до 200 циклопических сооружений. 9—19 октября 1933 г. была проведена археологическая экспедиция в Мильскую степь под руководством И. И. Мещанинова ²⁵.

Рост академического филиала, других исследовательских центров и вузов республик Южного Кавказа создавал необходимые условия для организации филиалов во всех трех республиках.

25 октября 1935 г. Президиум АН СССР, заслушав сообщения В. П. Волгина, подтвердил свое решение о создании самостоятельного филиала в Азербайджане ²⁶. 27 февраля 1936 г. в Азербайджанском филиале (АзФАН) были организованы институты: химический, зоологический (с двумя заповедниками: Кызыл-Апачским и Загатальским) и ботанический (с Ботаническим садом), истории, этнографии и археологии, языка и литературы; секторы: энергетики, физики, геологии, почвоведения,

а также сейсмическая станция, комиссия экспедиционных исследований, комиссия консультации и пропаганды научных достижений, библиографическая комиссия, библиотека, издательство, отдел подготовки научных кадров, отдел планирования и координирования научно-исследовательской работы, управление строительством²⁷.

Председателем Азербайджанского филиала президиум утвердил академика Левинсон-Лессинга, заместителями председателя стали Рухулла Ахундов и Джафар Кязимов. Президиум АН СССР утвердил также Ученый совет филиала, в состав которого вошли представители АН и местных научно-исследовательских, партийных и советских организаций. Создание Азербайджанского филиала АН СССР означало поднятие науки республики на новый, более высокий уровень развития. Впереди еще предстояла большая работа по совершенствованию научной и научно-организационной деятельности АзФАН. За десятилетний период существования, половина из которого пришлось на период войны 1941—1945 гг., Азербайджанский филиал АН СССР внес ценный вклад в развитие азербайджанской науки, став крупным центром научной мысли в республике. В научно-исследовательских учреждениях филиала разрабатывались теоретические и практические вопросы науки, связанные с развитием экономики и культуры Азербайджана, проводились фундаментальные и прикладные исследования. АзФАН занимался изучением богатейших природных богатств республики, организовывал геологические, ботанические, археологические экспедиции. В системе АзФАН особенно интенсивно развивались области знаний, имевшие прикладное значение. Все новые научные институты разворачивали работу в этом направлении.

С начала 1930-х гг. наука Азербайджана стала приобретать новый статус — академический. АзФАН все в большей степени становился крупной организацией, объединявшей основные области знания и профильные учреждения, превращаясь в ведущий научный центр.

Настоящим гражданским и профессиональным подвигом по праву может быть назван самоотверженный труд ведущих ученых в суровое военное время. Своей подвижнической, благородной, патриотической деятельностью они вписали одну из самых славных и ярких страниц в историю Азербайджана XX столетия. Необходимо отметить их колоссальный вклад в победу над врагом в годы второй мировой войны. В этот период, в связи с требованиями военного времени, все научные исследования были подчинены запросам фронта и тыла. Выполненные учеными исследования сыграли важную роль в победе над фашистской Германией. Баку на 80% обеспечивал горючим все фронты, вносил свой вклад, практически во все сферы промышленного производства — от выпуска и ремонта «Катюш», «МиГов», подводных лодок до транспортировки стратегических грузов!²⁸

Возрастание роли науки в развитии экономики и культуры страны, успешное освоение азербайджанскими учеными ряда перспективных научных направлений в области естественных и общественных наук, всевозрастающий уровень квалификации научного потенциала, целеустремленное планирование и координация исследований, пополнение научных учреждений и организаций квалифицированными кадрами молодых уче-

ных, укрепление материально-технической базы науки, расширение масштабов и тематики научных исследований АзФАН СССР, приближение их к нуждам практики, особенно в период войны — все это явилось основными предпосылками, подготовившими реорганизацию филиала в Академию наук. В целом же в 1945 г. в Азербайджане насчитывалось свыше 66 научных учреждений, в которых работали около 1200 научных сотрудников, среди них 150 докторов наук и профессоров, 380 кандидатов наук и доцентов. Всесоюзное и мировое признание получил ряд научных достижений азербайджанских ученых. В годы войны расширилась и сеть научных учреждений филиала. Более четкими стали основные направления его деятельности. К началу 1945 г. в его составе функционировало 18 научных учреждений, в том числе 9 научно-исследовательских институтов, 5 секторов, Ботанический сад и 3 музея²⁹. К этому времени назрела необходимость создания в Азербайджане крупного научного центра, который объединил бы усилия ученых в решении задач, обусловленных потребностями страны. Кроме того, создание Академии наук Азербайджана отвечало и его престижу в составе СССР, тому уровню развития экономики и культуры, которого добилась республика за непродолжительный период развития в составе Советского Союза.

Незадолго до победоносного окончания войны в жизни азербайджанского народа произошло исключительно важное и радостное событие: была создана Академия наук Азербайджана. 23 января 1945 г. по предложению АН СССР СНК СССР вынес постановление о создании Академии наук Азербайджанской ССР. 27 марта 1945 г. аналогичное постановление принял СНК Азербайджана, реорганизовав Азербайджанский филиал АН СССР в Академию наук республики³⁰. Совнарком республики также утвердил Устав и структуру АН Азербайджанской ССР и постановил передать ей все учреждения АзФАН СССР, а также ряд других научно-исследовательских учреждений республики. Академия наук республики была организована в составе отделений: геолого-химических наук и нефти, физико-технических наук и нефти, биологических и сельскохозяйственных наук и общественных наук. Из числа выдвинутых научно-исследовательскими учреждениями, высшими учебными заведениями и общественными организациями кандидатов в количестве 41 доктора наук, профессора, а также деятелей литературы и искусства СНК республики утвердил состав Академии наук Азербайджанской ССР из 15 действительных членов.

Высоко оценив вклад ученых Азербайджана в обеспечение победы над врагом, правительство страны наградило свыше ста ученых республики орденами и медалями СССР. Семь азербайджанских ученых были удостоены Государственной премии, а 50 научным сотрудникам было присвоено почетное звание «Заслуженного деятеля науки и техники Азербайджана». За выдающиеся заслуги в развитии науки и техники и в связи с 220-летием Академии наук СССР Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 10 июня 1945 г. была награждена большая группа работников вновь созданной Академии наук Азербайджана.

Создание Академии наук республики явилось крупнейшим событием в культурной жизни республики. Оно свидетельствовало о неуклонном подъеме науки и зрелости научных кадров Азербайджана. Перед уче-

ными открывались еще более широкие возможности и перспективы для разработки и решения наиболее важных проблем народного хозяйства и культуры. Образование Академии наук Азербайджана ознаменовало завершение большого и плодотворного этапа организации науки в республике, явилось итогом многолетней работы по созданию своего национального центра науки, его главного штаба.

Академия наук Азербайджана стала единым научным республиканским центром, в котором концентрировалось общее руководство всей научно-исследовательской деятельностью республики. Для Азербайджана это событие означало качественно новый этап в развитии научного потенциала. Наука республики обрела головной центр, призванный не только развивать фундаментальные и прикладные исследования, но и возглавлять разработку крупных региональных проблем, направлять исследования всех научных учреждений Азербайджана, независимо от их ведомственного подчинения. Превращение же Азербайджанской Академии наук в общереспубликанский научный центр, наделенный большими полномочиями и призванный решать важные задачи общетеоретического и практического народнохозяйственного значения, явилось определяющим фактором ее дальнейшего развития.

Примечания

1. ИСМАИЛОВ Э. История «Большого террора» в Азербайджане. М. 2015, с. 14.
2. МУСАЕВА Т. Культура Азербайджана на рубеже эпох (20—30-е годы XX столетия). Баку. 2015, с. 17.
3. ЗИФЕЛЬДТ А.Р. Деятельность Общества обследования и изучения Азербайджана за два года. — Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1925, № 1, с. 107—108.
4. Государственный архив Азербайджанской Республики (ГА АР), ф. 57, оп. 8, д. 11, л. 10.
5. Научный архив Института истории НАНА, ф. 1, оп. 18, д. 8333, л. 70.
6. Центр комплектования и систематизации научного наследия Азербайджана (ЦКСННА), ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 97; д. 40, кор. 2, л. 3.
7. ГА АР, ф. 389, оп. 1, д. 30, л. 3; ЦКСННА, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 97; д. 40, кор. 2, л. 3.
8. ЗИФЕЛЬДТ А.Р. Ук. соч., с. 129.
9. КОЛЧИНСКИЙ Э.И. Наука и кризисы в XX веке: некоторые результаты сравнительного анализа. — Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008, т. 6, № 3, с. 143.
10. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Азербайджанской ССР (СУ). Баку. 1929, № 21, с. 359; ГА АР, ф. 387, оп. 1, д. 1, л. 1—32.
11. Наука и техника Советского Азербайджана. Летопись важнейших событий (1920—1987 гг.). Баку. 1987, с. 47; СУ Азерб. ССР, 1929, № 21, ст. 359.
12. ГА АР, ф. 389, оп. 1, д. 24, л. 38; ф. 387, оп. 1, д. 108, л. 74—75.
13. Там же, ф. 387, оп. 1, д. 18, л. 8; ЦКСННА, ф. 1, оп. 1, д. 76, кор. 3, л. 2.
14. ГА АР, ф. 387, оп. 1, д. 39, л. 1—2.
15. Академия наук Азербайджанской ССР. 20 лет. Баку. 1966, с. 27.
16. ГА АР, ф. 387, оп. 1, д. 69, л. 19.
17. АРЗУМАНЛЫ В., ГАССИЕВ И. Страницы азербайджано-российского сотрудничества в области науки и высшего образования (19420—1940 годы) Баку. 2002, с. 60.
18. СУ, 1933, № 3, ст. 38; Развитие науки в Советском Азербайджане. Баку. 1967, с. 8; ГА АР, ф. 379, оп. 1, д. 4752, л. 1.
19. Организация Советской науки в 1926—1932 гг. Сб. документов. Л. 1974, с. 184; ГА АР, ф. 379, оп. 1, д. 4752, л. 1.

20. ЦКСННА, ф. 3, оп. 1, д. 14, л. 10; Наука и техника Советского Азербайджана, с. 54.
21. Наука и техника Советского Азербайджана, с. 59.
22. ЦКСННА, ф. 3, оп. 1, д. 135, л. 127; ГА АР, ф. 57, оп. 1, д. 1090, л. 77.
23. КОЛЬЦОВ А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР (1917—1961 гг.). Л. 1988, с. 121.
24. КАШКАЙ А.М. Основные этапы истории развития геологии и разработки полезных ископаемых на Кавказе. — *Летопись науки в Азербайджане (техника)*. Ч. 2. Баку. 1969, с. 65.
25. МЕЩАНИНОВ И.И. Краткий осведомительный отчет о работе Мильской экспедиции 1933 г. — *Труды АзФАН. Сер. история*. Т. XXV. Баку. 1936, с. 5—30.
26. ЦКСННА, ф. 3, оп. 1, д. 2, кор. 1, л. 102.
27. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 33, кор. 34а, л. 6—9; Бакинский рабочий, 1936, 28 февраля.
28. СУЛТАНОВ Ч. История не любит сослагательного наклонения, и все же...Баку. 2011, с. 675.
29. Великий Октябрь и расцвет науки Советского Азербайджана. Баку. 1977, с. 22.
30. ГА АР, ф. 411, оп. 28, д. 600, л. 88—103.

Штрихи к политическому портрету В.И. Ульянова-Ленина (по свидетельствам современников)

А.Г. Айрапетов

Аннотация. В публикации предпринята попытка переосмысления прежних представлений о личности, взглядах, политической деятельности В.И. Ленина (1870—1924). На материалах воспоминаний современников, печатных трудов большевистского вождя, российских и зарубежных исследований его жизненного пути и идейного наследия рассматриваются взгляды Ленина на проблемы политического лидерства, социальной революции, демократии, диктатуры пролетариата через призму его личностных качеств.

Ключевые слова: Ленин, политика, воля, революция, демократия, диктатура пролетариата, Советы.

Abstract. The paper presents an attempt to rethink the author's previous views on the person, ideas and political activity of V. Lenin. The author considers Lenin's views on the problems of political leadership, the socialist revolution, democracy, the dictatorship of the proletariat and his personal qualities, based on the materials of modern memoirs, the works of the Bolshevik leader, Russian and foreign studies of the Lenin's life and his ideological heritage.

Key words: Lenin, policy, will, revolution, democracy, dictatorship of the proletariat, Soviets.

Предлагаемая вниманию читателя публикация — это первая попытка автора переосмыслить свои представления о личности, политических взглядах и революционной деятельности Владимира Ильича Ульянова-Ленина (главным образом в 1895—1918 гг.).

Взгляды Ленина уже при его жизни считались истиной в последней инстанции. С начала 1930-х до середины 1980-х гг. в СССР безраздельно господствовала марксистско-ленинская идеология и методология научного познания. Призывы руководства КПСС творчески развивать наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина на деле сводились к ком-

Айрапетов Арутюн Гургенович — доктор исторических наук, профессор, научный руководитель факультета Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. E-mail: airahist@mail.ru.

Airapetov Arutyun G. — doctor of historical sciences, professor, the scientific leader of the Faculty of Tambov State University named after G.R. Derzhavin. E-mail: airahist@mail.ru.

ментированию идей классиков и исключали какую-либо их критику, ограничивая возможности развития социально-гуманитарных наук, включая историю.

В постсоветское время, когда Россия стремительно входит в мировое информационное пространство, складывается благоприятная обстановка для минимизирования политической и идеологической ангажированности историков и обществоведов. Продуктивным становится междисциплинарный подход в социально-гуманитарных науках. Применительно к теме исследования, речь идет об использовании подходов и методов политической психологии. Ведущий российский ученый Е. Б. Шестопал считает, что составить представления о личности политика можно, исходя из опыта его первичной социализации и выводя из этого опыта внутренние мотивы общественной деятельности политика. Психологи предлагают характеризовать политических деятелей по следующим параметрам: свойства их поведения, мышления, стиль межличностных отношений, принятия решений. Группировка по этим признакам предопределяет выделение двух основных типов политиков — авторитарного и демократического — и их разновидностей¹.

Названные подходы применимы и при воссоздании политического портрета Ульянова-Ленина, проделавшего путь от профессионального революционера-подпольщика, политэмигранта-журналиста до главы крупнейшего в мире государства, политического мыслителя и идеолога. В чем состояла в начале XX в. политическая деятельность Ленина, лидера оппозиционной царскому режиму радикально-революционной Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков)? Мог ли он, долгие годы находясь вдали от отечества, направлять и руководить партийными организациями, функционерами и широкими массами на родине?

Живя преимущественно в Швейцарии, Ленин посвящал большую часть своего времени написанию книг, брошюр, множества статей в партийные журналы и газеты. Среди знаковых публикаций предреволюционных 1902—1905, 1914—1917 гг. можно назвать «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «О брошюре Юниуса», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Империализм и раскол социализма», «О сепаратном мире», «Государство и революция».

Другим участком партийно-политической работы Ленина была регулярная переписка с Русским бюро ЦК РСДРП, Петербургским и Московским комитетами партии, ссыльными большевиками в Сибири.

Ленин руководил транспортировкой нелегальной литературы из заграницы в Россию. Его «международная» деятельность в годы первой мировой войны заключалась в поддержании политических связей с лидерами западноевропейских социалистов-интернационалистов. Он входил в бюро межпартийного объединения «Циммервальдская левая». Не часто, но выступал с рефератами и докладами на митингах и собраниях.

Отдельно следует сказать об участии Ленина в подготовке и проведении шести партийных съездов и Пражской конференции РСДРП 1912 года.

Это основные направления партийно-политической деятельности Ленина. Между тем, каждый из названных сегментов включал десятки

конкретных дел. Трудоемкую, рутинную работу в партийном хозяйстве вела Надежда Крупская. Она была его бессменным помощником, но и сам Ленин (в отличие, скажем, от Г. Плеханова) не чурался черновой работы. Крупская, может быть, несколько преувеличивала, но не грешила против истины, когда писала: «За какую бы работу ни брался Владимир Ильич, он делал ее необычайно тщательно. Он проделывал сам массу черновой работы»².

Ленин был смолоду сверхорганизованным человеком и видел в работе смысл жизни. Сошлюсь на описание Крупской трудовых будней и досуга Ленина в эмиграции: «В Цюрихе в 1914—1916 гг., в будни, распорядок дня был достаточно однообразным. С 9 часов — библиотека. С 12 до 1 часа, когда ее закрывали на обед, шли домой. К 1 часу вновь возвращались в читальный зал и сидели там до шести, до закрытия. По четвергам, когда библиотека после обеда не работала, уходили на гору Цюрихберг. Ильич обычно покупал две голубые плитки шоколада с калеными орехами по 15 сантимов..., и мы шли на гору. Было у нас там излюбленное место в самой чаще..., и там, лежа на траве, Ильич усердно читал»³. К сказанному о дневных занятиях в библиотеке следует добавить вечерние встречи с эмигрантами-однопартийцами и большевиками, приезжавшими из России, или работу над рукописями своих книг, газетных и журнальных статей.

В своих очень интересных воспоминаниях публицист Н.В. Валентинов-Вольский, для которого Ленин в 1900-е гг. был кумиром, делился своими наблюдениями: «Ленин был аккуратистом во всем. У него не было беспорядка как в работе, так и во внешнем облике, в его дешевом, но всегда чистом костюме... Укрепить пуговицу, вывести бензином пятна на костюме — все это он старался сделать собственноручно... Его нельзя вообразить выпивающим лишнюю кружку пива или вина. Его нельзя себе представить пьяным»⁴.

От напряженной работы Ленин уставал, часто страдал головными болями, бессонницей, нервными расстройствами. Он не имел привычки жаловаться на недуги, такое случалось очень редко. В 1914 г. в письме к Инессе Арманд у Ленина в состоянии крайней усталости вырвалось признание: «Ох, эти “делишки”, подобия дел, суррогаты дел, помеха делу (революции и смене общественно-политического строя. — А.А.), как я ненавижу суетню, хлопотню... и как я с ними неразрывно и навсегда связан!!» И далее, по-французски, добавил: «Вообще я люблю свою профессию, а теперь часто ее почти ненавижу»⁵. Профессией Ленина стала революционная борьба и политика.

Большевики, можно сказать, сразу признали в Ленине лидера и подчинились его авторитету⁶. Где истоки возвышения Ульянова-Ленина? По-видимому, в родительском доме, в атмосфере обожания и преклонения перед ним. Пережив в 16—17 лет душевный надлом, вызванный преждевременной смертью отца, Ильи Николаевича, и гибелью старшего брата Александра, юный Владимир Ульянов сумел мобилизовать свои интеллектуальные и моральные силы и окончить с медалью симбирскую гимназию, а затем, самостоятельно подготовившись, сдать экстерном на «отлично» все экзамены в Санкт-Петербургском университете и получить диплом юриста.

В семье Ульяновых дети унаследовали от родителей любовь к труду, чувство долга, бескорыстие. Старшая сестра Владимира, Анна Ульянова-Елизарова, поведает позднее, что, по целым неделям не видя отца (И. Н. Ульянов в должности директора народных училищ Симбирской губернии много ездил по школам), они учились понимать, что дело — это нечто высшее, чему все остальное приносится в жертву ⁷.

Зададимся вопросом, какой «опыт» детства оказал влияние на формирование в последующие годы лидерских качеств Ульянова-Ленина. Частично ответ на него дает наблюдение няни, которая вспоминала: «Любимым занятием Володи было ставить ребятишек “во фронт” и командовать ими» ⁸.

В 1887 г. Володя Ульянов «прошел» первые уроки социализации. За участие в студенческой сходке первокурсник Ульянов был исключен из Казанского университета. На его скорое социальное взросление повлияло и резко изменившееся после ареста и казни брата отношение к их семье симбирского общества: соседей, друзей и знакомых.

Владимир стал надеждой и гордостью матери, младшего брата и сестер. Валентинов-Вольский имел основания полагать, что все намерения и суждения незаметно быстро возмужавшего молодого человека «принимались как должное, укрепляли его самоуверенность, и на этой почве крепче выростала вера в свою “уникальность” и бесспорное обладание “полнотой истины”» ⁹.

Товарищи по большевистской партии в личном общении и за глаза величали Ленина «Ильичём». По этому поводу Валентинов-Вольский замечал: «Так называли его и сверстники, и те, кто был намного старше его» (например, М. С. Ольминский, П. Н. Лепешинский, С. Я. Аллилуев, Н. Л. Мещеряков и др.). «Однако при наименовании Ленина “Ильичём” фамильярность абсолютно отсутствовала. Никто из его окружения не осмелился бы пошутить над ним или при случае дружески хлопнуть по плечу. Была какая-то незримая преграда, линия, отделяющая Ленина от других членов партии, и я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь ее переступил» ¹⁰. За Лениным закрепился и другой псевдоним — «Старик», но не в смысле старости. «Наименование “Старик” означало, — пояснял Валентинов-Вольский, — почтительное признание его “старцем”, т. е. мудрым» ¹¹.

Социал-демократической молодежи, идущей за большевиками, в том числе Валентинову-Вольскому, было близко ленинское воспевание в книге «Что делать?» (1902) «беззаветной решимости», «смелости», «инициативы», «конспиративной ловкости» революционера. Ленин доказывал, что личность в революционном движении может творить «чудеса». «Могучая тайная, централизованная организация, состоящая из профессиональных революционеров, все равно студент ли или рабочий, будет способна на все» ¹².

А. Н. Потресов (Старовер), редактировавший вместе с Лениным «Искру», но в дальнейшем порвавший с лидером большевиков, в 1927 г., спустя три года после смерти Ленина, опубликовал в германском журнале «Die Gesellschaft» («Общество») свои воспоминания, где, в частности, писал: «... Никто, как он, не умел так заражать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личности,

как этот на первый взгляд такой невзрачный и грубоватый человек, по видимости, не имеющий никаких данных, чтобы быть обаятельным... Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал — господства над ними... Только Ленин представлял собою, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, ... вливающего фанатическую веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя...»¹³

Лидер меньшевиков Ю. Мартов (Цедербаум), будучи, как и Ульянов, организатором петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», еще в 1895 г. прозорливо увидел в своем товарище, а в будущем — главном оппоненте — человека, сделанного «из материи, из которой выкраиваются “вожди”»¹⁴.

Ленин восхищал М. Горького силой воли, своим «воинствующим оптимизмом». Именно эта «основная черта характера» большевистского вождя, признавал Горький, «особенно привлекала душу мою к этому человеку». Горький уподоблял вождя большевиков протопопу Аввакуму, указывая, что у того и другого была «железная воля»¹⁵.

Она была цементирующим стержнем организаторского таланта Ленина, дававшего ему право на обладание пресловутой «дирижерской палочкой». Острота вопроса была связана с тем, что «дирижеров»-организаторов в российской социал-демократии» на рубеже XIX—XX вв. оказалось не так уж много. Примеряя выдвинутый им в 1902—1904 гг. «лидерский» набор требований к известным деятелям зарубежного и российского социалистического движения, Ленин, невзирая на заслуги, чины и звания, утверждал, что, к примеру, «Каутский — первоклассный ученый, а все-таки дирижерская палочка в немецкой социал-демократии не в его руках, а больше всего у Бебеля. Плеханов — первоклассный ученый, но... кого за последние 25 лет он организовал и способен ли он вообще что-либо и кого-либо организовать. О других — Аксельроде, Засулич, Старовере (Потресове. — А.А.) смешно и говорить... Мартов? Прекрасный журналист, полезная фигура в редакции, но разве может он претендовать на дирижерскую палочку? Ведь это истеричный интеллигент. Его все время надо держать под присмотром. Ну а кто еще? Тупой Дан или Ворошилов — Троцкий? А еще кто? Фомины и Поповы! (Ленин имел в виду В.Н. Розанова-Попова и В.Н. Крохмалю-Фомина. — А.А.). Это курам на смех!»¹⁶

В результате такой «отбраковки» единственным кандидатом в «дирижеры» оставался сам Ленин, который, похоже, не был самокритичен. Он брал на себя ответственность, веря в свою политическую интуицию и проявляя изворотливость в оправдание своей позиции. Спустя 20 лет, уже на смертном одре Ленин схожим образом в знаменитом «Письме к съезду» критиковал политические взгляды и поведение своих соратников, членов руководства ВКП(б) и Советского правительства.

Л. Троцкий (Бронштейн), у которого с Лениным большей частью были напряженные отношения, собрал свои наблюдения и оценки в книге «О Ленине», опубликованной в Москве в 1924 году. В 1926—1929 гг. Троцкий уточнял свои высказывания и в итоге поместил очерк о Ленине в книге «Портреты революционеров»¹⁷.

Он активно использовал испытанный прием создания исторических и политических биографий — сравнение своего «героя» с другими историческими личностями, рассмотрение политических взглядов и деятельности Ленина в контексте проблемы «вождь и массы».

Троцкий, как известно, несколько лет занимал посты наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета РСФСР и работал под непосредственным руководством Ленина. Это обстоятельство делает его наблюдения и высказывания весьма ценными. Троцкий сходится с Потресовым в описании внешнего облика вождя большевиков. В передаче Троцкого, «внешность Ленина отличалась простотой и крепостью при среднем росте или слегка ниже среднего, при плебейских чертах славянского лица»¹⁸. У Троцкого и Потресова Ленин, против всякого ожидания, не выглядит величественным «героем». Но если при этом Потресов лишь констатирует, что Ленин обладал «секретом прямо-таки гипнотического воздействия на людей», то Троцкий пытается открыть этот «секрет». Он выделяет «насквозь всевидящие глаза», которые «вместе с лбом, переходившим в купол могучего черепа, придавали из ряда вон выходящую значительность». О привлекаемом к себе внимание «упрямом и своевольном черепе» Ленина говорила Кларе Цеткин Роза Люксембург¹⁹.

Троцкий правдиво описал скромный уклад жизни главы Советского правительства, жившего со своей семьей в Кремле на одной лестничной площадке с семьей Троцкого. «Простота обихода, воздержанность в отношении пищи, платья, одежды и всех вообще “благ” жизни вытекали у него не из каких-либо моралистических принципов, а из того факта, что умственная работа и напряженная борьба не только поглощали его интересы и страсти, но и давали ему то высшее удовлетворение, которое не оставляет места для суррогатов наслаждения»²⁰.

Ведя скромный образ жизни, Ленин отнюдь не был анахоретом. Ему было чуждо мещанское ханжество. Но неприязненное, брезгливое отношение к обывательскому морализированию не мешало ему быть, по определению Троцкого, «ригористом революционной морали», включавшей в себя самоотверженность, справедливость, бескомпромиссную борьбу с врагами пролетариата²¹.

Интегральной чертой Ленина-вождя была сильнее, чем у других революционных деятелей, выраженная целеустремленность, являвшаяся двигателем его жизни. Сравнивая Ленина с Мартовым, Троцкий видел в лидерах двух оппозиционных социал-демократических партий воплощение двух типов политического лидера: «локомотива-ускорителя» (Ленин) и «постепенновца» (Мартов). Лидер меньшевиков, по наблюдениям Троцкого, «гораздо больше жил сегодняшним днем, его злобой, текущей литературной работой, публицистикой, полемикой, новостями и разговорами. Ленин, подминая под себя сегодняшний день, врезывался мыслью в завтрашний. У Мартова были бесчисленные и нередко блестящие догадки, гипотезы, предложения, о которых он часто сам вскоре забывал, а Ленин брал то, что ему нужно, и тогда, когда ему нужно»²².

Уже при жизни Ленина рождались легенды вокруг его личности и политической деятельности. Надо отдать должное Троцкому. Он приложил усилия для развенчания мифа, что партия всегда и неизменно покорно следовала за Лениным, трепетно ловила каждый взмах его «дирижерской

палочки». Троцкий перечисляет ряд серьезных столкновений между вождем и партией в революционные месяцы 1917 г., когда Ленин оставался в меньшинстве. Это «Апрельские тезисы» Ленина, вооруженная демонстрация 20 апреля и попытка нового вооруженного выступления 19 июня. Затем — конфликты в связи с июльскими днями, с Предпарламентом, во круг вопроса о коалиции с другими социалистическими партиями²³.

Вместе с тем, Троцкий не избежал искушения внести свою лепту в возвеличивание Ленина. Создавая своего рода иконостас вождей революционного пролетариата, он изображал Маркса пророком со скрижалями, а Ленину отвел роль величайшего исполнителя начертанных заветов²⁴.

Вписывая Ленина как национального героя в русскую историю, Троцкий утверждал: «Все черты активности, мужества, ненависти к застою и насилию, презрения к слабхарактерности... нашли свое выражение в большевизме и в его гениальном кузнеце — в Ленине... У него хозяйская мужицкая деловитость, только — в грандиозном масштабе. У Ленина интуиция действия. Одной стороной своей она сливается с тем, что по-русски зовется сметкой. Это мужицкая сметка, только с высоким потенциалом развернувшаяся до гениальности, вооруженная последним словом научной мысли»²⁵.

К. Каутский, несмотря на острые принципиальные разногласия с Лениным, сумел подняться над идейно-политической рознью и воздать должное Ленину-политику. Откликнувшись на весть о его смерти, Каутский написал в январе-феврале 1924 г. небольшое эссе о Ленине. В глазах германского социал-демократа Ленин был «колоссальной фигурой, каких во всемирной истории немного». По масштабам личности и политической деятельности, полагал Каутский, «Ленина можно сравнить разве что с Бисмарком. Отличаясь по стратегическим целям — объединение Германии, укрепление позиций правящей династии Гогенцоллернов у Бисмарка, мировая социалистическая революция у Ленина — они сходились в том, что понимали: для достижения этих целей нужно проводить политику “железа и крови”»²⁶.

Новая большевистская власть в России, ее радикальная внутренняя и внешняя политика, привлекавшая к себе внимание в странах зарубежной Европы, Америки и Азии, актуализировала политико-теоретические вопросы о социалистической революции, демократии и диктатуре пролетариата.

В 1918 г. в Вене была опубликована брошюра виднейшего теоретика и идеолога II Интернационала Каутского «Диктатура пролетариата», на которую немедленно отреагировал Ленин, выпустив статью «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Ленин и Каутский не были близко знакомы, не считая короткого общения на конгрессах II Интернационала. Каутский предпочитал поддерживать тесные контакты скорее с российскими умеренными социал-демократами Г. Плехановым и П. Аксельродом, нежели с радикалом Лениным. То, как в годы первой мировой войны и революционного подъема резко изменилось прежде почтительное отношение Ленина к Каутскому, видно уже из названия его книги²⁷.

Выходу в свет брошюры Ленина предшествовала публикация 11 октября 1918 г. в «Правде» его статьи под тем же названием. Круша авто-

ритеты, он в ответ на призыв Каутского объявить идеологическую войну большевикам выразил свое отношение к его статье «Социалистическая внешняя политика» в таких хлестких выражениях, как «позорный вздор, детский лепет, пошлейший оппортунизм». Взяв на себя труд разоблачить «теоретическое (выделено Лениным. — А.А.) опошление марксизма Каутским», Ленин решил дать бой марксисту-папе и использовал в этих целях не только партийные, но и правительственные, наркоминделовские, каналы. 10 октября 1918 г. в записке, адресованной Г. Чичерину (копия его заместителю Л. Карахану), Ленин просил их послать свою статью в Берлин для А. Иоффе, Я. Берзина и В. Воровского и передать им письмо, в котором говорилось: «Дорогие товарищи! Я очень хорошо сознаю недостатки своей слишком краткой статьи против Каутского. Но все же надо поскорее занять позицию, высказать свое мнение...» Статья Ленина была переведена на немецкий язык и издана в 1918 г. в Берне и Вене, а в 1919 г. — на итальянском языке в Милане. Брошюра Ленина в 1919 г. вышла в Великобритании, Франции и Германии ²⁸.

Проследим за заочной полемикой Каутского и Ленина. Каутский отчетливо сознавал, что «нельзя быть пассивным зрителем столь грандиозного события, как пролетарская борьба в России». Сторонник тактических компромиссов, он был обеспокоен тем, что «социалистическая партия, которая управляет в настоящее время Россией (РКП(б). — А.А.), осуществляет свою власть путем исключения других социалистических партий из органов управления» ²⁹. За конфронтацией между большевиками, с одной стороны, меньшевиками и эсерами — с другой, Каутский справедливо усматривал столкновение двух различных по существу методов властвования — авторитарно-диктаторского и демократического. Под демократическим методом идеолог «центризма» подразумевал требование «широчайшей свободы обсуждений... Диктатура же не терпит диалога мнений и требует не опровержения противоположных точек зрения, а насильственного подавления их» ³⁰.

Каутский рассматривает демократию как фундаментальную ценность человеческой цивилизации. Заложенные в ней гуманистические принципы свободы и равенства как условия самостоятельности человека делают демократию абсолютной ценностью, хотя и исторически изменчивой. Каутский не разделяет тезиса о пролетарском демократическом государстве, которое должно быть построено при социализме. Ему была ближе модель народного государства. Последнее может быть понято и принято не только рабочими, но и другими трудящимися слоями общества в условиях максимально широкой демократии. Формула Каутского «Нет социализма без демократии... Демократия может быть и без социализма» кажется внешне парадоксальной ³¹. Но демократия это не только гражданские свободы и всеобщее избирательное право. Суть демократии кроется в вопросе о власти. Западноевропейские социал-демократы в своем подавляющем большинстве были сторонниками легального парламентского пути завоевания власти. Левые социал-демократы и коммунисты выступали за революционный путь, то есть за захват власти и установление политической диктатуры пролетариата, а фактически монополии коммунистической партии на власть.

Каутский верно подметил склонность большевиков принизить, а то и вовсе отбросить «фиктивную», по их мнению, демократию и, прикрываясь именем революции, строить социализм посредством чрезвычайных декретов, преследования инакомыслящих, инициирования, одобрения и тотального контроля за активностью масс. Большевики провозглашали свободу мнений, но только при условии, что они (мнения. — А.А.) не посягают на социалистический строй. Как остроумно заметила английская газета «Дейли телеграф», «свобода мнений допускается при одном условии, что все мнения должны быть красными»³². Каутский отказывался видеть в таком ходе событий универсальную закономерность революций. Скорее, это была особенность России — страны аграрной с малочисленным пролетариатом и низкой политической культурой населения. По Каутскому, для осуществления социалистической идеи необходимы «известная высота промышленного развития, но также и зрелость пролетариата». О зрелости субъективного фактора можно судить по силе его политической воли и интеллигентности. Под интеллигентностью пролетариата Каутский понимал общекультурные и социально-политические знания и демократические «привычки» рабочих, складывающиеся уже при капитализме³³.

Переходя к главному предмету своей книги — феномену диктатуры пролетариата, Каутский подчеркивал: «... мы не можем говорить о диктатуре класса, ибо класс может господствовать, а не управлять. Следовательно, если под диктатурой понимать не состояние господства, но определенную форму правления, тогда можно говорить только о диктатуре одного лица (вождя) и созданной им партии».

Для германского социал-демократа аксиоматично, что «только там, где пролетариат представляет из себя массовый класс и имеет за собой большинство населения, только там он может рассчитывать, что овладеет всеми средствами власти господствующих классов»³⁴. Каутский не отрицал функций подавления (насилия), имманентно присущих всякой диктатуре, включая пролетарскую. Он писал: «Насильственные акты неизбежны, если совершается насилие с целью подавить демократию... Но строй, имеющий за собой массы, будет употреблять насилие не для ограничения и тем более уничтожения демократии, а для ее защиты и углубления». Таким образом, у Каутского речь идет об удержании при диктатуре пролетариата всего положительного опыта «буржуазной» демократии: о разделении ветвей власти, всеобщем избирательном праве, гарантировании прав меньшинства, гражданских свободах. О последовательном демократизме Каутского свидетельствует разбираемый им пример смоделированной нестандартной ситуации: «Ну, а если всеобщее избирательное право выскажется против социалистического правительства, должно ли оно будет склониться перед волей народа... и продолжить борьбу за государственную власть на основе демократии, или же свергнуть демократию, чтобы укрепиться самому» по бонапартистскому сценарию? Ответ Каутского однозначный: в сложившихся демократиях «каждая партия, оставшаяся в меньшинстве и в силу этого утратившая власть, не отказывается и не ограничивает свою политическую деятельность, ... за каждой партией признается право стремиться снова стать большинством и взять в свои

руки рычаги управления». Таким образом, под диктатурой пролетариата Каутский понимал его господство на основе демократии.

О том, какая демократия складывалась в России уже с первых месяцев большевистской диктатуры, Каутский высказывался, описывая драматичную судьбу всенародно избранного Учредительного собрания. Непосредственно после завоевания правительственной власти, отмечал Каутский, большевики не отвергали Учредительного собрания. Однако 26 декабря 1917 г. «Правда» опубликовала «Тезисы об Учредительном собрании», в которых, по выражению Каутского, «раздается совершенно иная песня Ленина». Вождь большевиков противопоставил Учредительному собранию Советы. В изложении Каутского аргументы Ленина выглядели так: «Советы в 1917 г. были не только многочисленнее, но они вступили в тесную связь и соединились в большие союзы, которые снова слились в одну организацию, охватившую все государство. Его органом стал всероссийский съезд советов — учреждение, созываемое время от времени, и центральный исполнительный комитет — учреждение постоянное»³⁵.

Каутский не отрицал, что Советы близки к массам и популярны не только в России, но и в других европейских странах, включая Германию, Венгрию, Австрию. Но он был не согласен с Лениным, видевшим в Советах «высший тип демократии», предоставляющий полную свободу только пролетариату и бедному крестьянству.

Книга Каутского и по содержанию, и по своей тональности передает настроения политика, желавшего избежать революционного внезаконного насилия и ратовавшего за «цивилизованный» путь к власти. Доля истины содержится в оценке Ленина — последовательного сторонника классового подхода к анализу социальных, политических, идеологических явлений. Каутский и каутскианцы, по Ленину, выражают в отрешенном виде жизненные установки «тупоумных», но «добреньких и сладеньких немецких мещан, которые боятся (выделено Лениным. — А.А.) гражданской войны», нарушающей «спокойствие и безопасность»³⁶.

Равным образом ленинские оценки демократии пропущены через призму марксистской социологической концепции классовой борьбы. Он признавал, что ценность буржуазной демократии «для воспитания пролетариата и обучения его к борьбе бесспорна». Но это не в счет. Главное, был уверен Ленин, состоит в том, что буржуазная демократия «всегда узка, лицемерна, лжива, фальшива, всегда остается демократией для богатых, обманом для бедных»³⁷.

Ленин противопоставлял «чистой демократии» Каутского свой проект «настоящей демократии». Эта демократия, по его мнению, дала пролетариату и трудящемуся большинству России «немыслимую ни в одной буржуазной демократической республике свободу». Приводя конкретные доводы, Ленин указывал, что в Советской России дворцы и особняки буржуазии отняты (без этого свобода собраний — лицемерие), у капиталистов отняты типографии и бумага (без этого свобода печати есть ложь). Новая власть заменила буржуазный парламентаризм демократической организацией Советов. И заключает Ленин свои дифирамбы советской демократии утверждением, что Советы в 1000 раз более близки

к народу, более демократичны, чем самый демократичный буржуазный парламент³⁸.

У Каутского борьба за сохранение, расширение и углубление демократии должна была быть приоритетной и перманентной задачей пролетариата при любом повороте событий. Напротив, политическая линия Ленина состояла в подчинении борьбы за демократию борьбе за социализм. При этом вождь большевиков ссылался на исторический опыт французских якобинцев: «Якобинизм — это борьба за цель, не боящаяся никаких решительных плебейских мер, борьба не в белых перчатках, борьба без нежностей, не боящаяся прибегать к гильотине. Те, кто... считает демократические принципы абсолютной ценностью, якобинцами, разумеется, быть не могут»³⁹.

По всей видимости, Ленин некоторое время пребывал в эйфории послевоенного революционного подъема в странах Европы. В действительности, вопреки искренним ожиданиям, реальные перспективы социалистических революций на континенте оставались неясными. В этих условиях неожиданными, хотя по-своему логичными, выглядели советы верного марксиста Ленина относительно того, как ускорить мировую социалистическую революцию. Одновременно максималистским, а на практике антигуманным было его понимание пролетарского интернационализма. Руководитель Советской России подчинил тактический маневр с Брестским мирным договором стратегической цели — развертыванию мировой революции. Он не лукавил, когда, уверовав в свое политическое чутье, заявлял: «Ход событий... подтвердил правильность наших взглядов... Теперь на Западе революции идут под лозунгом Советской власти и создают эту Советскую власть («прямо подражает нам Болгария, кипят Австрия и Германия... из Австрии и Германии они (Советы) перекинулись в Голландию и Швейцарию»)»⁴⁰. В сложившейся международной обстановке «интернационализм, — полагал Ленин, — состоит... в готовности идти на величайшие национальные жертвы (даже и на Брестский мир), если это полезно развитию интернациональной рабочей революции»⁴¹. Неким укором звучат слова Ленина, адресованные немецким рабочим, которые не пошли «на революцию, *не считаясь* (выделено Лениным. — А.А.) с национальными жертвами» (только в этом и состоит интернационализм), делом не подтвердили, «что для них интерес международной рабочей революции *выше* (выделено Лениным. — А.А.) цели, безопасности, спокойствия того или другого, *и именно своего* (выделено Лениным. — А.А.), национального государства»⁴².

Для революционного марксиста Ленина приоритет интернационального вытекал из макроанализа мировой экономики. Он указывал на растущую тенденцию интернационализации экономических связей, что делало промышленный пролетариат и крупную буржуазию более, чем другие социальные группы, интернациональными. Ленин не занимался глубоким анализом документальных источников о социально-политической обстановке в странах Европы и США, ограничиваясь материалами прессы. Судьба первого социалистического государства зависела от успехов мировой революции, и поэтому, считал он, Россия в своих же интересах должна идти на жертвы ради ускорения этого события.

Зададим вопрос: «Что двигало Лениным-максималистом?» Известное преувеличение революционного потенциала в зарубежном рабочем движении. Неистребимая вера в неодолимый ход истории в направлении от капитализма к социализму. Сказался также дефицит опыта государственной деятельности в формате «Realpolitik».

В целом оппозиция Ленин — Каутский отразила столкновение позиций радикального революционера-коммуниста, «зовущего к топору», и «постепенновца»-социал-демократа, видевшего в компромиссах инструмент цивилизованного движения к демократическому социализму.

В заключение уместно сказать следующее. Для того чтобы сделать жизнь людей лучше, политическому лидеру необходимо обладать а) властью знаний, б) авторитетом личности, в) он должен добиться выдающихся успехов, которые будут по достоинству оценены потомками.

Несомненно, Ленин обладал и властью знаний своего времени, и авторитетом личности. Обычно ироничный Бернард Шоу с пиететом отзывался о российском лидере, который, по его словам, «был личностью исключительной и обладал каким-то таинственным магнетизмом»⁴³.

Ленин и его соратники сумели не только завоевать власть, но и удержать ее, восстановив и модернизировав великую державу. Однако большевистский эксперимент по социалистическому переустройству нашей страны и созданию качественно новой цивилизации охватил среднесрочный исторический период в 50—100 лет. В долгосрочной же перспективе их проект глобальной трансформации общества оказался политической утопией. Человечество упорно продолжает идти по капиталистическому пути, заимствуя отдельные элементы социалистической теории и практики. Социализм остается общественным идеалом, в который истово верил Ленин и с которым то же человечество не хочет расставаться.

Примечания

1. ШЕСТОПАЛ Е. Б. Политическая психология. М. 2002, с. 260—262.
2. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти томах. Т. 1. Воспоминания родных. М. 1984, с. 605.
3. Там же, с. 431.
4. ВАЛЕНТИНОВ-ВОЛЬСКИЙ Н. Недорисованный портрет... М. 1993, с. 274—275.
5. Цит. по: ЛОГИНОВ В. Т. Ленин в 1917 году. На грани возможного. М. 2006, с. 7—8, 11—13. Логинов — лучший в современной российской и мировой историографии исследователь биографии В. И. Ленина. См.: ЛОГИНОВ В. Т. Неизвестный Ленин. М. 2010; ЕГО ЖЕ. Заветы Ильича. «Сим победиши». М. 2017.
6. ВАЛЕНТИНОВ-ВОЛЬСКИЙ Н. Ук. соч., с. 275.
7. Воспоминания..., т. 1, с. 17—18.
8. КОВНАТОР Р. А. Ольга Ульянова. М. 1979, с. 6.
9. ВАЛЕНТИНОВ-ВОЛЬСКИЙ Н. Ук. соч., с. 260.
10. Там же, с. 53.
11. Там же.
12. Там же, с. 42. См. также: ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 28, 42, 80, 82, 122, 177.
13. Цит. по: ВАЛЕНТИНОВ-ВОЛЬСКИЙ Н. Ук. соч., с. 55—56.
14. Там же, с. 287.
15. Воспоминания... Т. 2. М. 1984, с. 251.
16. Цит. по: ВАЛЕНТИНОВ-ВОЛЬСКИЙ Н. Ук. соч., с. 114. Однако наряду со сторонниками у Ленина были и его оппоненты, и открытые противники. Далеко не беспристрастный

автор обстоятельной биографии Ленина, переведенной на русский язык и изданной в серии ЖЗЛ, британский историк Р. Пейн приводит мнение виднейшего теоретика партии эсеров В.М. Чернова. В 1917 г. Чернов опубликовал в газете «Дело Народа» заметку, которая содержала краткую, но, по мнению Пейна, поразительно точную и глубокую характеристику Ленина. В ней говорилось: «Ленин — человек огромных способностей, но в условиях ненормального существования в подполье его способности не развивались и были чудовищно задавлены, изуродованы... Несомненно, Ленин предан делу революции, но у него эта преданность замыкается на самом себе... Для него нет разницы между его личной политикой и интересами партии, интересами социализма. Ленин обладает необычайным интеллектом, но односторонним. Ленин абсолютно искренний человек, но с ограниченным кругозором... Социализм Ленина — это грубый, примитивный, он действует топором там, где следует применить скальпель». ПЕЙН Р. Ленин: жизнь и смерть. М. 2002, с. 332—333.

17. ТРОЦКИЙ Л. О Ленине. М. 1924; ЕГО ЖЕ. Портреты революционеров. М. 1991.
18. ТРОЦКИЙ Л. Д. Портреты революционеров, с. 32.
19. Незабываемый Ленин. Воспоминания немецких товарищей. М. 1958, с. 75.
20. ТРОЦКИЙ Л. Д. Портреты революционеров, с. 33.
21. ЕГО ЖЕ. О Ленине, с. 274.
22. Там же, с. 21—22.
23. Там же, с. 66, 92, 107.
24. Там же, с. 161.
25. Там же, с. 99, 148—149.
26. Die Gegenwart über Lenin. Stimmen führender Persönlichkeiten. Berlin. 1924, S. 22.
27. О взаимоотношениях К. Каутского и В. Ленина до первой мировой войны см.: КРЕТИНИН С. В. Карл Каутский, 1854—1914 гг. Воронеж. 2007.
28. ЛЕНИН В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. В кн.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. М. 1969, с. 235, 589.
29. КАУТСКИЙ К. Диктатура пролетариата. Екатеринбург. 1919. URL: <http://revarchiv.narod.ru/kautsky/oeuvre/diktatur.html>.
30. Там же.
31. Там же.
32. МАЛАЙ В. В. Советская конституция 1936 года глазами Бернарда Шоу. — Новая и новейшая история. 2017, № 4, с. 198.
33. КАУТСКИЙ К. Ук. соч.
34. Там же.
35. Там же.
36. ЛЕНИН В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский..., с. 108.
37. Там же, с. 104.
38. Там же, с. 105.
39. Цит. по: ВАЛЕНТИНОВ-ВОЛЬСКИЙ Н. Ук. соч., с. 126.
40. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 109, 212—213.
41. Там же, с. 108—109.
42. Там же, с. 109.
43. ШОУ Б. Автобиографические заметки. Статьи. Письма. М. 1989, с. 404.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

ББК 63.3(0)5—6

Норвегия и Россия: 1814—2014. Итоги мегапроекта

В. И. Голдин, К. С. Зайков

Аннотация. Публикация посвящена анализу истоков, опыта разработки и осуществления международного научно-издательского проекта «Ассиметричное соседство: Россия и Норвегия. 1814—2014». Его главным итогом явилось издание фундаментального двухтомного исследования, посвященного истории и урокам норвежско-российских отношений на протяжении двухсотлетнего периода времени. В работе раскрывается формирование концепции проекта и ход работы над двухтомным изданием, опыт решения организационных, финансовых и содержательных проблем, а также подготовка кадровых специалистов по истории норвежско-российских отношений в России и Норвегии.

Ключевые слова: российско-норвежские отношения, опыт и уроки истории, международное научное сотрудничество, историография, Баренцев Евро-Арктический регион.

Abstract. The publication presents the analysis of sources, development and implementation experience of the international scientific and editorial project “Asymmetric Neighborhood: Russia and Norway. 1814—2014”. The main outcome was the publication of a fundamental two-volume study on the history of Norwegian-Russian relations over the lapse of two centuries. The paper reveals the project concept formation and the course of work on a two-volume publication, practice at solving of organizational, financial and content problems, as well as training of specialists in the history of Norwegian-Russian relations in Russia and Norway.

Key words: Russian-Norwegian relations, experience and lessons of history, international scientific cooperation, historiography, Barents Euro-Arctic region.

В ноябре 2018 г. в Северном (Арктическом) федеральном университете им. М.В. Ломоносова (САФУ) (г. Архангельск) в рамках празднования 25-летия заключения договора о сотрудничестве с Университетом Тромсё — Арктическим университетом Норвегии прошло обсуждение

Голдин Владислав Иванович — доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. Архангельск. E-mail: v.i.goldin@yandex.ru; *Зайков Константин Сергеевич* — кандидат исторических наук, доцент Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. Архангельск. E-mail: k.zaikov@narfu.ru.

Goldin Vladislav I. — doctor of historical sciences, professor at the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. Arkhangelsk. E-mail: v.i.goldin@yandex.ru; *Zaikov Konstantin S.* — candidate of historical sciences, associate professor at the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. Arkhangelsk. E-mail: k.zaikov@narfu.ru.

результатов российско-норвежского мегапроекта «Ассиметричное соседство: Норвегия и Россия. 1814—2014», осуществленного историками двух стран в течение последних десяти лет. Целью данной публикации является анализ истоков, предпосылок, содержания и итогов реализации данного крупного и значимого международного проекта в области истории.

Прежде чем обратиться к анализу указанного мегапроекта, сделаем краткий экскурс в отечественную историографию российско-норвежских отношений. Истоки российской скандинавистики относятся к началу XX в., когда делался акцент на филологию и Норвегии не уделялось значительного внимания. Вместе с тем, в периодической печати Русского Севера процессы, происходившие в соседней Норвегии и на ее северных территориях, опыт их освоения изучались довольно активно ¹.

В межвоенное двадцатилетие прошлого века ситуация в отношении изучения Норвегии, находившейся на периферии интересов советского внешнеполитического ведомства, в нашей стране существенно не изменилась: выходили лишь отдельные публикации, связанные со Шпицбергом, разграничением в Арктике и арктическими исследованиями ².

Более активное изучение Норвегии и российско-норвежских отношений развернулось в послевоенный период, что было связано со становлением скандинавистики / нордистики как особой отрасли научных знаний. В 1956 г. начал издаваться «Скандинавский сборник» на базе Тартуского университета, 33 выпуска которого были опубликованы с 1956 по 1990 год ³.

С 1963 г. началось проведение всесоюзных научных конференций по скандинавистике. Первая из них прошла в Тартуском университете, а вторая, два года спустя, — в Ленинграде. В 1980 г. в Москве вышла в свет коллективная монография «История Норвегии», которая благодаря своему высокому научному уровню сохраняет значимость и сегодня. Ее главный редактор — доктор исторических наук, профессор А. С. Кан, в ту пору ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР — внес выдающийся вклад не только в изучение Норвегии, но и Скандинавии в целом и стал лидером этого научного направления в СССР. В дальнейшем, когда он переехал в 1987 г. в Швецию, стал работать в университете г. Упсала и по совместительству в университете Осло, ученый не только продолжал плодотворно заниматься скандинавистикой / нордистикой, но и стал связующим звеном между зарубежными и российскими специалистами, занимавшимися этой тематикой, всемерно способствовал налаживанию и укреплению их связей и плодотворного сотрудничества ⁴.

В период «перестройки» в СССР открылись новые возможности для сотрудничества советских и норвежских исследователей. В 1988 г. на базе Института всеобщей истории в Москве вышел в свет первый выпуск сборника «Северная Европа. Проблемы новейшей истории», который в дальнейшем стал важной трибуной для обсуждения проблем исторической нордистики. В 1989 г. в ранее практически «закрытом» для иностранцев Архангельске прошла XI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии, организованная Архангельским педагогическим институтом совместно с Институтом всеобщей истории АН СССР, в которой участвовали делегации иностранных ученых, в том числе из Норвегии.

Созданный в 1991 г. в Архангельске Поморский университет им. М.В. Ломоносова стал ведущим научным центром на Европейском Севере России по изучению Норвегии, установил тесные связи со специалистами из Северной Норвегии, и в первую очередь с учеными Университета г. Тромсё. Главная тема научного сотрудничества историков — изучение опыта исторических связей Русского Севера и Норвегии⁵ для их возрождения и развития на данном этапе в связи с открытием новых возможностей. Создание в январе 1993 г. на встрече министров иностранных дел России и стран Северной Европы в Киркенесе (Норвегия) Баренцева Евро-Арктического региона (БЕАР) и последующее развитие отношений между его участниками на межгосударственном и региональном уровнях способствовало качественно новому уровню сотрудничества в области науки и образования, реализации совместных исследовательских проектов.

В апреле 1993 г. в Архангельске прошла первая с момента образования БЕАР научная конференция политиков (с участием нескольких министров) и ученых России и Норвегии. Событие было посвящено сотрудничеству в сфере науки и образования с целью создать интеллектуальную основу для развития этого международного региона. В ходе конференции министры иностранных дел России и Норвегии А.В. Козырев и Й. Холст открыли Норвежско-Поморский университетский центр в Архангельске на базе Поморского университета, где в дальнейшем реализовывались научные проекты двух стран, в том числе в области истории.

С начала 1990-х гг. в Москве, Архангельске и Мурманске стали регулярно проводиться рабочие встречи, научные семинары и конференции историков. В Норвегии популярным местом для научных форумов стал Университет Тромсё. В ноябре 1993 г. там состоялась конференция историков Скандинавских стран, Финляндии и России, положившая начало крупному международному проекту «Государство, религия и этносы на Севере, 700—1990». В ходе его реализации в 1990-е гг. прошла серия научных конференций в странах-участницах с публикацией сборников материалов⁶. В результате были заложены теоретико-методологические основы для разработки проблем истории государственности, этничности, менталитета, религии и культуры стран Баренцева региона, в том числе истории отношений между Россией и Норвегией.

В ходе рабочей встречи историков в Тромсё в 1993 г. был инициирован научно-издательский проект, посвященный истории российско-норвежских отношений в XX веке. Его результатом стало издание в Архангельске сборника статей в 1996 г. на норвежском языке, а на следующий год — на русском⁷. Ученые Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН) совместно с норвежскими коллегами осуществили в 1990-е гг. издание документальных сборников на русском и норвежском языках по истории советско-норвежских отношений в период с 1917 по 1955 г., а также на норвежском языке по теме «Норвегия и Коминтерн в 1919—1923 гг.»⁸

В конце XX — начале XXI в. начала складываться традиция Киркенесских международных семинаров как форумов для научных дискуссий историков стран Северной Европы и Северо-Запада России. Первые встречи прошли в норвежском Киркенесе и российском Мурманске в 1999—2002 годах.

Важной вехой в изучении российско-норвежских отношений стала подготовка к 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Норвегией (1905 г.). Под патронатом президента России В.В. Путина и короля Норвегии Харальда V была организована выставка, проведенная в 2004 г. в Осло и в 2005 г. в Санкт-Петербурге. Был издан объемный научный каталог на русском и норвежском языках, включавший и серию статей по истории отношений и сотрудничества двух стран⁹. Тогда же состоялся ряд научных конференций.

В 2000-е гг. были организованы три конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, две из которых (XIV и XVI) в 2001 и 2008 гг. прошли в Архангельске на базе Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова (ПГУ) при содействии Института всеобщей истории РАН. В работе приняли участие и коллеги из стран Северной Европы. Материалы этих конференций были опубликованы¹⁰.

Все вышеизложенное создавало предпосылки для осуществления международного научного проекта, характеристика которого и является главной целью этой работы.

Весной 2007 г. историками Университета Тромсё было выдвинуто предложение об осуществлении совместного норвежско-российского проекта «Ассиметричное соседство: Норвегия и Россия. 1814—2014», реализовать который предполагалось к 200-летию Конституции Норвегии, принятой в 1814 году. В 2008 г. в Архангельске в рамках XVI конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии инициатором проекта профессором Й.П. Нильсеном из Университета Тромсё был представлен пленарный доклад на эту тему, опубликованный позже на страницах «Баренц-журнала» — международного историко-архивного и общественно-политического журнала, издававшегося в ПГУ¹¹. В ходе состоявшегося обсуждения проект был одобрен, и началась работа по его реализации.

Главными участниками подготовки планируемого двухтомного издания стали Университет Тромсё и Институт оборонных исследований (Осло) с норвежской стороны и Поморский государственный университет и Институт всеобщей истории РАН — с российской. Заметим, что в 2011 г. Поморский университет вошел в состав Северного (Арктического) федерального университета. Первоначально предполагалось, что участвовать в реализации данного проекта будут около 25 норвежских и российских историков, но в дальнейшем число участников значительно возросло.

Само название задуманного проекта — «Ассиметричное соседство» (в английском языке это звучало как “Asymmetric neighborhood” или “Neighborly asymmetry”) было обусловлено наличием самых разных асимметрий изучаемых стран (территориальных, демографических, политических и др.) и в отношениях между ними. Для Норвегии соседство с Россией всегда играло немаловажную роль, а для России — нет. Российское внешнеполитическое направление всегда было значимо для Норвегии, чего нельзя сказать о норвежском направлении во внешней политике России. С точки зрения взаимного восприятия интерес Норвегии и норвежцев к России всегда оценивался гораздо выше. Страны прошли разный исторический путь, что обуславливало сложившиеся различия,

асимметрии в экономических, социальных и партийно-политических системах, культуре, традициях и др.

Великое государство, каким всегда была Россия, могло, казалось бы, действовать в отношении небольшого соседа с позиции силы, но этого не происходило. Норвегия обеспечивала свою безопасность как посредством политики нейтралитета и неприсоединения к союзам, так и при помощи системы коллективной безопасности и гарантий других великих держав. Отношения двух стран в историческом прошлом и на современном этапе были и остаются в целом добрососедскими.

Северная тематика и северная граница связывали Норвегию и Россию не только географически и в межгосударственных отношениях, но и на уровне традиций и менталитета. Между жителями Северной России и Северной Норвегии существовали как черты общности, так и различия. При этом историки — участники проекта — считали необходимым, чтобы общая граница стала не разделяющим барьером, а мостом к сотрудничеству. Сложившиеся традиции трансграничной кооперации, общая принадлежность к Баренцеву региону призваны способствовать взаимодействию в экономической, социальной, культурной, научно-образовательной и других областях.

Представлялось важным раскрыть опыт и уроки исторического развития двух стран и их северных территорий, выявить объединяющее их общее, содействовать ликвидации существующих барьеров и негативных стереотипов, способствовать корректному восприятию «другого». Все это было призвано внести вклад в улучшение отношений в Баренцевом регионе на современном этапе, тем более, что именно общие интересы Норвегии и России способствовали его созданию и развитию.

В ходе осуществления проекта предполагалось изучить разные уровни отношений двух стран: межгосударственный, региональный, местный, исследовать отношения в разных сферах. Особое внимание уделялось трансграничным контактам и сотрудничеству в разных областях, общественным и личным взаимоотношениям и взаимовосприятию, особенно на Севере. Предстояло не только изучить и критически оценить существующие историографические традиции, но развить и приумножить их, выйти на новый уровень историографического осмысления, выработать общие теоретико-методологические подходы и продвинуться вперед в этой области, привлечь и ввести в оборот новые источники с целью создания задуманных коллективных монографий с высокой степенью новизны и теоретической значимости. Планируемый к изданию двухтомник должен был иметь большое практическое значение для сближения и лучшего взаимопонимания двух стран и народов.

Первый том издания охватывал период с 1814 до 1917 г., второй — с 1917 по 2014 год. Сначала предполагалось издать двухтомник на норвежском языке к 2014 г., а в дальнейшем — и на русском. Стороны назначили по два координатора, представлявших основные организации-участницы проекта. Редактором первого тома стал профессор Й.П. Нильсен (Тромсё), а второго — профессор С.Г. Хольтсмарк (Осло).

В состав формируемых научных коллективов вошли ведущие исследователи двух стран, занимающиеся изучением Норвегии и России и российско-норвежских отношений.

Реализация столь фундаментального и масштабного проекта с привлечением большого числа специалистов из стран, имеющих разные методологические традиции, существенные различия в интерпретации проблем и периодов российско-норвежских отношений, в оценках развития стран, народов и регионов, потребовала совместной работы и больших усилий по определению структуры и содержания томов, общих концептуальных подходов, единого понятийно-категориального аппарата и т.д. С этой целью в ходе реализации проекта была проведена серия двусторонних встреч, научных семинаров и конференций.

Первый научный семинар участников проекта состоялся в апреле 2009 г. в Москве в Институте всеобщей истории РАН. Он был посвящен обсуждению темы «Образы другого: взгляд из России на Норвегию и из Норвегии на Россию с 1814 г. до наших дней». Дело в том, что образ соседа и взаимовосприятие норвежцами русских и наоборот являлось сквозной темой в рамках проекта. В ходе семинара продолжилось обсуждение концепции издания, подходов к его структуре и содержанию, состава участников проекта.

В конце августа 2009 г. состоялась международная конференция в г. Лонгйирбюэн, административном центре норвежской провинции Свальбард, на тему «Норвегия и Россия в Арктике». Предметом обсуждения стали история освоения и взаимоотношения двух стран в Арктике, международный статус архипелага Шпицберген, международно-правовой режим Арктики и др. Был издан сборник материалов этой конференции¹².

Как уже отмечалось ранее, личностному уровню взаимоотношений граждан двух стран в рамках проекта предполагалось уделить самое пристальное внимание. И в августе 2010 г. состоялся научный семинар в Киркенесе на тему «Русские в Норвегии, норвежцы в России: роль отдельных личностей в истории российско-норвежских отношений», где эти проблемы стали предметом широкого обсуждения¹³.

В сентябре 2011 г. в Норвежском университетском центре в Санкт-Петербурге прошел научный семинар участников проекта по теме «Роль дипломатии и консульской службы в норвежско-российских отношениях, 1814—2014». По материалам семинара был опубликован сборник статей его участников¹⁴. Также проходила серия рабочих встреч (workshops) участников проекта (в 2011 г. в Мурманске, в 2011 и 2012 гг. в Москве, в 2012 г. в Тромсё), в ходе которых обсуждалось содержание представленных глав, решались различные рабочие вопросы, связанные с подготовкой издания.

В 2012 г. в рамках реализации проекта в Москве был издан сборник статей, посвященный вопросам российского источниковедения и историографии российско-норвежских отношений, подготовленный Центром истории Северной Европы и Балтии ИВИ РАН. В нем опубликован объемный библиографический указатель источников и научно-исследовательской литературы по истории Норвегии и российско-норвежских отношений, охватывающий период с XIX по XXI век¹⁵.

Весной 2013 г. в Архангельске на базе САФУ прошла российско-норвежская конференция «Нет Севера, а есть Севера», где состоялся обмен мнениями относительно разных толкований понятия «Север» и «север-

ность» в Норвегии и России, об историческом месте Севера в истории человечества, о северной цивилизации и местном регионализме и других актуальных проблемах. Сборник статей российских и норвежских историков, объединенных проектом «Ассиметричное соседство», вышел в свет в 2016 году ¹⁶.

В 2013 г. в Осло прошла последняя рабочая встреча авторов готовившегося двухтомника, на которой согласовывались, решались текущие вопросы, связанные с завершением проекта.

В 2014 г. в Москве был издан сборник документов, преимущественно из фондов российских архивов, посвященный истории российско-норвежских отношений в начале XX в. — с завоевания Норвегией независимости в 1905 г. до 1917 года ¹⁷.

Масштабная и многолетняя работа подходила к концу, и осенью 2014 г. в Осло был издан объемный первый том на норвежском языке (643 стр. большого формата) под названием «Россия становится ближе: Норвегия и Россия, 1814—1917» ¹⁸. Посвященный дореволюционному периоду российско-норвежских отношений, он охватил широкий круг двухсторонних отношений регионального и межгосударственного уровня. Авторами тома стали 17 историков: 9 — из Норвегии, 7 — из России и 1, работавший и в Норвегии, и в России. Из 21 главы норвежскими и российскими авторами совместно написаны 12. Этот том снабжен справочным аппаратом, списком литературы, прекрасно иллюстрирован, содержит много фотографий, карт, таблиц.

Презентация первого тома издания состоялась в конце октября 2014 г. в Киркенесе с участием высших должностных лиц Норвегии и министров иностранных дел Норвегии и России. В ноябре прошла его презентация в Москве.

Второй том вышел в свет в Осло в начале июня 2015 г. на норвежском языке под названием «Соседи в страхе и ожиданиях: Норвегия и Россия, 1917—2014» ¹⁹. Этот труд был более масштабным по объему в сравнении с первым — 748 страниц. Он содержал 4 раздела и 28 глав. При этом 9 глав были написаны совместно норвежскими и российскими авторами, а 1 — российским историком. В целом в работе над этим томом принимали участие 39 ученых, в том числе 32 из Норвегии и 7 из России. Второй том, как и первый, был снабжен справочным аппаратом, библиографическим списком, содержал много иллюстраций, фотографий и карт.

Таким образом, в целом авторами этого двухтомника, изданного на норвежском языке, стали 49 ученых, представлявших более 20 университетов, научных учреждений и организаций: 36 — из Норвегии, 12 — из России (Архангельска, Москвы, Мурманска и Санкт-Петербурга) и 1, работающий в двух странах. Эти цифры свидетельствуют о масштабности и представительности реализованного проекта.

15—17 июня 2015 г. в Осло прошли мероприятия, посвященные публичной презентации двухтомного издания, и состоялся научный семинар. В них приняли участие более 200 чел., в том числе участники проекта, политики, дипломаты, ученые, журналисты. Координаторы проекта со стороны Норвегии и России охарактеризовали его результаты, высказали свое мнение о значении осуществленного издания для народов Норвегии и России. Прозвучало заявление о том, что московское издательство

«Весь мир» приступает осенью 2016 г. к работе по подготовке к публикации первого тома двухтомника на русском языке ²⁰.

Норвежская пресса одобрительно отозвалась о коллективном труде ученых, высоко оценила проделанную ими работу. В ноябре 2015 г. состоялась презентация этого двухтомного издания в посольстве Норвегии в Москве.

Тем временем участники сложившегося коллектива проекта «Ассиметричное соседство» продолжали совместную деятельность. В сентябре 2015 г. в Петрозаводске состоялся V Киркенесский международный семинар историков, посвященный теме «Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы», где обсуждались проблемы границ и трансграничного сотрудничества между Россией и североευропейскими странами с XIV до начала XXI века. В рамках этого семинара был представлен (а в дальнейшем опубликован) ряд докладов норвежских и российских авторов, связанных с прологом и результатами проекта «Ассиметричное соседство». Обсуждался опыт подготовки кадров историков в Норвегии и России и его значение для научных исследований и межграничного сотрудничества, а также для повышения качества знаний о приграничье и Крайнем Севере ²¹. Материалы семинара вышли в свет на следующий год в виде сборника статей ²².

В 2015 г. в Архангельске была издана англоязычная монография профессора В.В. Тевлиной, посвященная проблемам миграции из России в Норвегию и адаптации там детей, взрослых и семей. В книге представлены проблемы историографии и методологии темы, ее содержательные аспекты, причины, опыт, современные тенденции и перспективы иммиграции и эмиграции ²³.

В 2016 г. в Архангельске, благодаря усилиям профессоров Нильсена и Тевлиной, а также группы переводчиков, на русском языке вышла в свет интересная книга воспоминаний Э. Абрахамсена о норвежском лесном бизнесе на Севере России в первые десятилетия XX века ²⁴. Она стала победителем конкурса «Университетская книга — 2018» в номинации «Лучшее переводное издание». Годом ранее, в 2015 г., опубликовано норвежское издание этой книги.

В 2017 г. в Москве завершилась объемная работа над русскоязычным изданием первого тома норвежско-российского двухтомника под названием «Сближение: Россия и Норвегия в 1814—1917 годах» ²⁵. При подготовке этой версии издания в текст были внесены необходимые изменения и уточнения, а также произошло расширение списка цитируемой и используемой литературы. Объем данной коллективной монографии увеличился в сопоставлении с норвежским изданием и составил 706 страниц.

Выход в свет русскоязычной версии тома стал результатом большой работы группы переводчиков, редакторов и, прежде всего, профессора Нильсена. Эта публикация стала победителем конкурса книгоиздателей «Лучшие книги года — 2017» в номинации «Лучшее издание, вносящее вклад в диалог культур». 21 ноября 2017 г. прошла презентация книги «Сближение...» в Российском государственном гуманитарном университете в Москве, а 7 и 8 ноября 2018 г. — в Архангельске. Хотелось бы надеяться, что скоро появится русскоязычное издание второго тома двухтомника.

В рамках этого масштабного проекта велась подготовка научных кадров, которая способствовала защите ряда диссертаций в России и в Норвегии. Добавим, что в Университете Тромсё — Арктическом университете Норвегии с 2007 г. на уровне подготовки бакалавра и магистра реализуется единственная для Норвегии совместная англоязычная программа «Russian Studies», которая стала результатом сотрудничества с Поморским университетом, а ныне — с Северным (Арктическим) федеральным университетом им. М.В. Ломоносова в Архангельске. Этот проект способствует формированию нового поколения русистов и скандинавистов/нордистов.

Важнейшей задачей, которую необходимо было решить на этапе планирования и реализации задуманного проекта, являлось обеспечение его финансирования. Сложность заключалась в том, что помимо затрат на написание текста, издание и перевод книг, шла целенаправленная подготовка молодых исследователей-скандинавистов и проводились тематические семинары с последующим изданием сборников статей.

На начальном этапе важным аспектом стало привлечение средств крупных государственных фондов — Исследовательского Совета Норвегии и программы «НорРус», что позволило профинансировать основную часть работ по проекту. В дальнейшем организаторами велась работа по поиску отдельных отраслевых и специальных региональных фондов, из средств которых осуществлялось финансирование подготовки аспирантов, проведение отдельных семинаров и публикация тематических сборников статей. Такими фондами стали Исследовательский фонд Университета Тромсё, Фонд Свободы Слова, Фонд Нансена, Фонд Спаре Банк Нур-Норге, Региональный исследовательский фонд Северной Норвегии. Для проведения ряда мероприятий в России привлекались средства Российского гуманитарного научного фонда, в том числе РГНФ-Север, и Российского фонда фундаментальных исследований. В итоге полученное финансирование обеспечило успешное решение задач проекта.

Таким образом, охарактеризованный в публикации проект «Ассиметричное соседство» стал крупнейшим совместным норвежско-российским проектом в области истории, в рамках которого проведено в общей сложности около 20 научных семинаров, конференций, рабочих встреч, презентаций и опубликовано 12 книг. Этот мегапроект и изданные в его рамках книги будут способствовать лучшему взаимопониманию и сотрудничеству Норвегии и России на общегосударственном и региональном уровнях, укреплению трансграничных связей народов, живущих на Севере, вдоль норвежско-российской границы и в Баренцевом Евро-Арктическом регионе.

Примечания

Статья подготовлена в рамках проекта Министерства образования и науки РФ, госзадание № 27.13547.2019/13.1 «Научно-методическое сопровождение реализации государственной политики в сфере подготовки кадров для работы в Арктической зоне Российской Федерации и международного сотрудничества в рамках Университета Арктики».

1. ЧУДИНОВ К. Библиография по Норвегии и русско-норвежским отношениям в периодике Архангельской губернии. 1838—1917. Тромсё. 1993.
2. КАН А. С. Советская и постсоветская нордистика: первые итоги. В кн.: Россия и Северная Европа. К итогам XIV конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии.

- Архангельск. М. 2001, с. 28—30; КОМАРОВ А.А. Об изучении истории советско-норвежских отношений в СССР/России. В кн.: Россия и Норвегия. Вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX—XXI вв.). М. 2012, с. 15—16.
3. ДЖАКСОН Т.Н. Норвегия на страницах «Скандинавского сборника». В кн.: Россия и Норвегия: Вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX—XX вв.), с. 61—79.
 4. Александр Сергеевич Кан: историк-нордист: библиография с автобиографией. 3-е изд., Архангельск. 2012.
 5. Россия и Норвегия: история и культура. Архангельск. 1992; Оттар. Норвегия и Россия на Севере. Тромсё. 1992. № 192; NIEMI E. (ed.) *Pomor. Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år*. Oslo. 1992.
 6. FINSTAD B.-P., HANSEN L.I., etc. (eds.) *Stat, religion, etnisitet*. Tromsø, 1997; Государство, религия и этнос на Севере, 700—1990. Архангельск. 1998 и др.
 7. GOLDIN V.I., NIELSEN J.P. (eds.) *Frykt og forventning. Russland og Norge I det 20. århundre*. Arkhangelsk. 1996; Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск. 1997.
 8. HOLTSMARK S.G. (ed.) *Norge og Sovjetunionen. 1917—1955*. Oslo. 1995; Советско-норвежские отношения. 1917—1955. М. 1997; EGGE A., ROGINSKIJ V. (eds.) *Komintern og Norge. DnA-perioden 1919—1923*. Unipub. 2006.
 9. Россия и Норвегия. Сквозь века и границы. М. 2004; DZJAKSON T., NIELSEN J.P. (eds.) *Norge–Russland: Naboer gjennom 1000 år*. Oslo. 2004.
 10. XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. М.-Архангельск. 2001; Россия и Северная Европа: К итогам XIV конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Архангельск. М. 2001; XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. М.-Архангельск. 2008.
 11. НИЛЬСЕН Й.П. «Ассиметричное соседство»: норвежско-российское сотрудничество в проведении исторических исследований в постсоветский период. — Баренц-журнал. 2008, № 1 (6), с. 16—19.
 12. BONES S., MANKOVA P. (eds.) *Norway and Russia in the Arctic*. Tromsø. 2010.
 13. КАСИЯН А.С. Встреча российских и норвежских историков в Киркенесе. — Новая и новейшая история. 2011, № 2, с. 213—215.
 14. MYKLEBOST K.A., BONES S. (eds.) *Caution & Compliance. Norwegian-Russian Diplomatic Relations, 1814—2014*. Stamsund. 2012.
 15. Россия и Норвегия: Вопросы отечественного источниковедения и историографии. М. 2012.
 16. Нет Севера, а есть Севера. О многообразии понятия «Север» в Норвегии и России. М. 2016.
 17. «Старая» Россия и «новая» Норвегия: Российско-норвежские отношения (1905—1917). М. 2014.
 18. NIELSEN J.P. (ed.) *Russland kommer nærmere: Norge og Russland, 1814—1917*. Oslo. 2014.
 19. HOLTSMARK S.G. (ed.) *Naboer i frykt og forventning: Norge og Russland, 1917—2014*. Oslo. 2015.
 20. ГОЛДИН В.И., ЗАЙКОВ К.С., НИЛЬСЕН Й.П. Диалог в Осло: Норвегия и Россия. Вехи пройденного пути. — Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2015, № 4, с. 172—173.
 21. РЕПНЕВСКИЙ А.В. 25 лет сотрудничества: вехи на пути к международному проекту «Ассиметричное соседство: Норвегия и Россия. 1814—2014»; ТЕВЛИНА В.В. Исторические исследования, подготовка историков и межграницное сотрудничество: опыт России и Норвегии; СУЛЕЙМ М. Развитие и повышение качества знаний о приграничье и Крайнем Севере в социальных науках. В кн.: Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы. Петрозаводск. 2016, с. 151—180.
 22. Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы. Петрозаводск. 2016.
 23. TEVLINA V.V. *From Russia to Norway and to its North. Real and Potential Migration: Children, adults, families*. Arkhangelsk. 2015.
 24. АБРАХАМСЕН Э. Из Серёгово в Онегу. Воспоминания о норвежском лесном бизнесе в России. Архангельск. 2016.
 25. Сближение: Россия и Норвегия в 1814—1917 годах. М. 2017.

Переговоры о заключении Балканского пакта и позиция Турции

М. Б. Фаталиев

Аннотация. Вопрос о создании Балканского пакта — регионального блока в составе Турции, Греции, Румынии и Югославии в феврале 1934 г. привлекает пристальное внимание историков. Однако в современной исторической литературе причины и факторы, способствовавшие возникновению Балканского пакта, роль балканских стран, и прежде всего Турции, в образовании этой группировки, отношение к ней Советского правительства раскрыты еще недостаточно. В данной публикации ставится задача показать роль и позицию Турции в ходе переговоров по созданию Балканского пакта.

Ключевые слова: Лига Наций, Балканский пакт, Малая Антанта, международные отношения, Турецкая республика.

Abstract. The establishment of a Balkan Pact in February 1934 — the regional bloc within Turkey, Greece, Romania and Yugoslavia, attracted the attention of historians. However, in modern historical literature, the causes and factors that contributed to the emergence of the Balkan Pact, the role of the Balkan countries, and especially Turkey, in the formation of this grouping of the Balkan countries, the attitude of the Soviet government to it is not yet sufficiently revealed. This publication aims to show the role and position of Turkey in the negotiations on the Balkan Pact.

Key words: League of Nations, Balkan pact, Little Entente, international relations, Republic of Turkey.

Осенью 1933 г. в международной обстановке обозначились серьезные негативные изменения. 14 октября германское правительство заявило об уходе с конференции по разоружению, а 19 октября — о выходе из Лиги Наций. Эти действия были однозначно расценены современниками как стремление к новой перекройке политической карты мира.

В период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. обострилась борьба европейских стран за господство в Дунайском бассейне. Новые политические изменения в Европе привели к активизации политики Англии по сплочению западных стран в антисоветский блок. Экономический кризис 1929—1933 гг. привел к ослаблению позиций Франции в Дунайском бассейне. Этому способствовал подрыв Германией и Ита-

Фаталиев Мамед Бейухан оглы — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Бакинского государственного университета. E-mail: mamed-fatali@mail.ru.

Fataliyev Mamed B. — doctor of historical sciences, professor, head of the Department at the Baku State University. E-mail: mamed-fatali@mail.ru.

лией французской системы союзов в Юго-Восточной Европе. В такой обстановке Франция, желая обезопасить себя, в конце октября 1933 г. предложила Советскому правительству дополнить пакт о ненападении соглашением о взаимной помощи в связи с ростом германской угрозы и опасности войны, а также поставила вопрос о вступлении СССР в Лигу Наций¹. В сложившейся международной ситуации большое беспокойство испытывали и страны Малой Антанты². Перед опасностью объединения Германии с Австрией и дальнейшего немецкого наступления страны Малой Антанты, а также не входившие в нее балканские государства стали думать об объединении своих сил. Конференции членов Малой Антанты следовали одна за другой. Все они решительно высказывались против пересмотра мирных договоров.

Такая обстановка на международной арене вызывала серьезное беспокойство у турецкого правительства. В середине октября турецкая газета «Миллиет» писала: «Положение в Европе порождает у всех настроение безнадежности, пессимизма. Проведение в таких условиях политики полного согласия и сближения между балканскими народами является единственным шансом для этих народов»³. Еще более категоричное определение происходившим событиям были даны К. Ататюрком. Выступая 1 ноября 1933 г. в меджлисе (парламенте), он заметил: «Развитие международных отношений в истекшем году было во многих районах земного шара неблагоприятным для дела обеспечения мира и спокойствия. До сих пор не дали положительных результатов ни международная экономическая конференция, ни конференция по разоружению. Я считаю своим долгом сказать здесь о необходимости для нашей нации крепить силы и средства обороны страны»⁴.

Толчком для активного рассмотрения вопроса о Балканском пакте послужил проект «пакта четырех держав»⁵. В мае 1933 г. в Женеве министр иностранных дел Турции Т. Рюшту Арас и его греческий коллега Д. Максимос обменялись по этому поводу мнениями с министрами иностранных дел стран Малой Антанты⁶. Следует отметить, что общие интересы балканских стран (за исключением Болгарии) проявлялись, прежде всего, не в решении региональных вопросов, а при обсуждении важных международных проблем. Стремление к сохранению мира привело 4 июля 1933 г. к подписанию Лондонской конвенции об определении агрессии⁷, в которой все участники видели средство противодействия «пакту четырех». Хотя Греция не подписала конвенцию, ее отношение к «пакту четырех» также было отрицательным.

Однако во внутрибалканских делах между странами региона существовали серьезные расхождения по конкретным вопросам, что заставляло их проявлять сдержанность. Прежде всего, балканские государства были связаны определенными обязательствами на международной арене, и потому реально речь шла о переговорах двух группировок — турецко-греческой и румыно-югославской. Такая особенность расстановки сил влекла за собой дополнительное осложнение, так как невольно возникал вопрос о том, какая из этих группировок получит преимущество в будущем блоке, а, следовательно, и на Балканах. В данной ситуации решение многих вопросов зависело от позиции Болгарии, поскольку ее присоединение к одной из группировок увеличивало ее влияние.

Заключение турецко-греческого договора 14 сентября 1933 г. и визит турецких государственных деятелей в Софию, наряду с общим ходом развития событий, заставили государства Малой Антанты рассмотреть вопрос о Балканском Пакте. На встрече Постоянного совета Малой Антанты 23—27 сентября 1933 г в Синае (Румыния) румынский министр иностранных дел Н. Титулеску заявил, что предстоящее подписание румыно-турецкого и югославо-турецкого договоров о дружбе, ненападении и нейтралитете создают условия для урегулирования отношений на Балканах. Он выступил с предложением создать пакт, который гарантировал бы границы балканских государств. Титулеску не скрывал, что его проект носит антиболгарский характер: в случае его принятия Болгария вынуждена будет отказаться от идеи ревизии Нейкского мирного договора⁸, признать статус-кво и изменить свою политику⁹.

Проект Титулеску имел также и антиюгославскую направленность, так как не оставлял места для развития болгаро-югославских отношений и даже для сближения Болгарии с другими балканскими странами на иных условиях, кроме полного отказа от всех ее территориальных притязаний. Поэтому югославский министр иностранных дел Б. Ефтич выступил против этого проекта, поставив вопрос о том, насколько дальновидно изолировать Болгарию, и может ли Титулеску своим проектом гарантировать также и азиатские границы Турции¹⁰. В результате обсуждения временно верх взяла югославская точка зрения о необходимости сближения с Болгарией, а вопрос о характере пакта — гарантия границ или обязательства о ненападении и нейтралитете — остался открытым.

Борьба вокруг двух политических концепций — румынской и югославской — составила суть всех последующих переговоров о Балканском пакте. С первых чисел октября на Балканах начался активный дипломатический трафик. Монархи, премьер министры, министры иностранных дел непрерывно обменивались визитами, вели переговоры, как между собой, так и с представителями великих держав. Первым совершил турне по Балканам югославский король Александр. После посещения Румынии в конце сентября он в начале октября 1933 г. встретился в Евксинограде (близ Варны) с болгарским царем Борисом, затем прибыл «инкогнито» в Стамбул, а оттуда отплыл на греческий остров Корфу. После этого он посетил Турцию, где встретился с Ататюрком. Подробности их беседы неизвестны. Однако, учитывая, что Александр стремился придать балканскому сотрудничеству антиитальянскую направленность, можно предположить, что эта его позиция нашла поддержку. Во всяком случае, в своей речи 1 ноября 1933 г. в меджлисе Ататюрк заявил, что рассматривает «как счастливое событие» свою беседу с югославским королем. «В ходе состоявшихся переговоров была подчеркнута желательность сохранения мира и спокойствия на Балканах, развития хороших отношений между нашими двумя странами и решено заключить договор о ненападении. Идея всеобщего мира и безопасности извлекла из этих переговоров существенную пользу», — подвел итог Ататюрк¹¹.

Югославский король встретился также с И. Инею и другими турецкими государственными деятелями¹². Все они старались заверить его в том, что турецко-греческий пакт от 14 сентября не направлен против Югославии¹³. Аналогичные заверения получил он и в Греции во время

последовавшего туда визита. В свою очередь Александр давал успокоительные объяснения по поводу болгаро-югославских контактов.

В целом поездка короля Александра по Балканам была выдержана в духе решений Малой Антанты в Синае в сентябре 1933 г., где он присутствовал и встречался с румынским королем Каролом II. Помимо династических связей с монархами Румынии и Болгарии, он стремился выяснить мнение балканских стран о фашистской Италии, с которой у самой Югославии существовали крайне натянутые отношения, а также прозондировать вопрос о форме Балканского пакта и снять подозрения относительно целей болгаро-югославского сближения.

Вслед за югославским королем в турне по балканским столицам отправился румынский министр иностранных дел Титулеску. Хотя он следовал почти по тому же маршруту, однако задачи, поставленные перед ним, были прямо противоположными, а именно: найти поддержку своей концепции Балканского пакта и склонить на свою сторону Турцию и Грецию. Первым пунктом визита Титулеску была София. Прибыв туда 13 октября 1933 г., он развил общие идеи о блестящем будущем Балканского пакта, который, по его словам, задуман в европейском масштабе. «Чем лучше будет организован мир на Балканах, тем больше укрепится мир в Центральной Европе», — говорил он болгарскому премьер-министру Н. Мушанову¹⁴. Конкретных предложений по поводу Балканского пакта он не делал, однако поднял некоторые вопросы двусторонних болгаро-румынских отношений (национальные меньшинства и т.д.) и высказался в пользу заключения договора о гарантии границ Болгарии с Румынией и Югославией. Подчеркивая свое отрицательное отношение к идее ревизии границ, он давал понять, что у Болгарии нет надежд на мирное решение территориальных проблем, а в случае отказа присоединиться к Балканскому пакту она окажется в полной изоляции¹⁵.

Во время визита Титулеску в Анкару там 17 октября 1933 г. был подписан турецко-румынский Договор о дружбе, ненападении, арбитраже и примирительной процедуре¹⁶. В статье о ненападении стороны обязались использовать определение агрессии, данное в конвенции от 4 июля 1933 года. В целом договор носил демонстративный характер, подчеркивая дружественные отношения двух стран и их готовность к дальнейшему сотрудничеству.

В ходе обмена мнениями между Титулеску, Ататюрком и Рюштю Арасом обе стороны сошлись во взглядах о недоступности ревизии договоров, необходимости поддержания статус-кво, а также о нежелательности для них болгаро-югославского сближения. Титулеску убеждал (и, видимо, убедил) турецких государственных деятелей, что лучшим средством нейтрализации болгаро-югославского сближения может стать широкая балканская коалиция, независимо от того, будет ли Болгария участвовать в ней или нет¹⁷. Можно высказать предположение, что Титулеску удалось склонить турецких руководителей к своей концепции Балканского пакта, а именно — к идее гарантии границ и исключению Болгарии из числа участников. Антиболгарские установки Титулеску неоднократно проявлялись в его высказываниях, что всякие попытки привлечь Болгарию к Балканскому пакту являются только «напрасной тратой времени»¹⁸. Подобные установки были близки и турецким руководителям. В итоге воз-

никала достаточно широкая общность турецко-румынских интересов для выработки единого подхода к будущему Балканскому пакту и согласования совместных действий. Видимо, не случайно в дипломатическом языке после этого визита появился термин «план Титулеску — Рюштю-бея»¹⁹, подчеркивавший их единство в данном вопросе. Посещение Афин и Белграда сопровождалось сложными переговорами, когда Титулеску открывал своим собеседникам лишь часть согласованных с Турцией планов, а то и просто ограничивался зондажем их позиции.

30 сентября 1933 г. состоялась румыно-болгарская встреча, в которой приняли участие румынский король Кароль II в сопровождении премьер-министра А. Вайда-Воеводы и министра иностранных дел Титулеску и болгарский царь Борис в сопровождении премьер-министра Мушанова и других лиц. Румынская сторона выступила на этой встрече с позиции силы: перед Болгарией был жестко поставлен вопрос о ее присоединении к Балканскому пакту, который гарантировал бы существующие границы на Балканах без всяких предварительных условий²⁰. Отрицательное отношение болгарской стороны к этому ультимативному требованию было заранее ясно. Именно такого исхода встречи ждала румынская дипломатия для продолжения начатой ею «политической игры», надеясь на поддержку Турции.

Для урегулирования балканских проблем турецкие руководители решили опереться на авторитет Советского Союза или, по крайней мере, создать впечатление, что тот одобряет их замыслы. В конце октября — начале ноября 1933 г. в Турции в связи с 10-летием провозглашения Республики гостила советская правительственная делегация во главе с К.Е. Ворошиловым. Турецкое правительство организовало ей подчеркнуто торжественный прием. «Внешний эффект визита превзошел самые оптимистические ожидания», — сообщал 31 октября 1933 г. из Анкары советский полпред Я.З. Суриц²¹. Подводя итоги в подробном письме от 10 ноября, он отмечал, что турки «делали все, чтобы подкрепить преувеличенные слухи о визите, распространявшиеся в дипкорпусе». Советская карта использовалась турецкой стороной для «подкрепления внешней политики на Западе», а также в балканском регионе. На переговорах турецкая сторона «в области внешней политики... стремилась вырвать у нас полную апробацию своей *балканской* политики, а также обеспечить нашу поддержку на случай обострения *проливной* проблемы»²².

Судя по публикациям советских документов, балканская проблема занимала важное место в ходе переговоров. Планируемый Балканский пакт затрагивал соседние с СССР страны, и поэтому Турции необходимо было согласовать ее основные положения с руководством Советского Союза. Сообщая об имевшем место обмене мнениями по вопросам внешней политики на совещании у Ататюрка 30 октября 1933 г., Суриц писал: «... между прочим, выяснилось, что волнующим турак вопросом является болгарская опасность, для предотвращения которой турки выдвигают идею балканского Локарно»²³. В другом документе он указывал, что демонстрацией своих хороших отношений с СССР турецкое правительство пыталось добиться «повышения прежде всего своего веса в глазах балканских стран, и в первую очередь Болгарии и Румынии. Это должно было, по расчетам Рюштю Араса, облегчить задачу “обуздания” Бол-

гории и предотвращения румыно-болгарского флирта, не дающего пока возможности провести полную изоляцию Болгарии»²⁴.

Содержащиеся в приведенном отрывке слова о «румыно-болгарском флирте» нуждаются в комментарии. Можно предположить, что здесь имела место описка (опечатка), пропущенная в свое время Сурицем и воспроизведенная без оговорок публикаторами. На такой вывод наталкивает весь анализ обстановки на Балканах того времени. В действительности турок волновали югославо-болгарские, а не румыно-болгарские отношения. Но не исключено, что советский дипломат точно передал слова Рюштю Араса, и тогда мы имеем дело с сознательным введением в заблуждение советской стороны.

Вообще, получается, что турецкие руководители намеренно драматизировали «болгарскую опасность» для оправдания своих действий по созданию «балканского Локарно», то есть соглашения о гарантиях, зная отрицательное отношение советской дипломатии к такого рода договорам (равно как и к Версальской системе в целом). Вряд ли у них могло существовать действительное опасение в отношении страны, с которой не было спорных территориальных проблем, которая была разоружена и не располагала необходимым промышленным потенциалом для создания современной армии. Кроме того, Болгария была окружена странами, с которыми имела достаточно натянутые отношения, а по численности населения была вдвое меньше любого своего соседа, за исключением Греции. Такая драматизация служила просто тактическим приемом для достижения своих целей.

Не желая допускать югославо-болгарского сближения, Турция в то же время сама стремилась к укреплению отношений с Югославией. 27 ноября 1933 г. в Белграде был подписан турецко-югославский Договор о дружбе, ненападении, арбитраже и согласительной процедуре²⁵. Турция видела в нем, прежде всего, страховку против неконтролируемого югославо-болгарского сближения, а также одно из средств нажима на Болгарию. Как сообщал болгарский посланник из Анкары, Рюштю Арас сказал ему перед отъездом в Югославию по случаю подписания договора, что он «отправляется в Белград, чтобы начать “окружение” Болгарии, если она будет продолжать отказываться определиться», а в беседе с итальянским послом подчеркнул, что, если Болгария не согласится на союз с Турцией и Грецией, то он предпочтет связать Турцию с Румынией и Югославией, чтобы избежать опасности перехода Болгарии «в лагерь Малой Антанты»²⁶.

В обстановке активной дипломатической деятельности правительств балканских государств общественное движение за балканскую солидарность шло на убыль. Собравшаяся в середине ноября 1933 г. в Салониках Четвертая балканская конференция не привлекла к себе прежнего пристального внимания общественности. Ее работа показала, что выдвигавшиеся ею проекты отстали от жизни. В то время как на правительственном уровне обсуждались вопросы создания Балканского пакта на условиях гарантии границ, делегаты конференции вели речь еще о прошлогоднем варианте пакта как регионального соглашения о ненападении. На конференции болгарская делегация заявила, что принимает Балканский пакт в этом виде при условии, что вошедшие в него государства обеспечат

болгарским нацменьшинствам «юридическую, моральную и культурную защиту»²⁷. Однако такое решение не имело никаких политических последствий. Конференция в Салониках стала последней. Движение за балканскую солидарность, по мнению заинтересованных правительств, уже сделало свое дело, подготовив общественное мнение стран полуострова к идее регионального объединения. Дальнейшее его существование, с их точки зрения, становилось ненужным, а то и нежелательным.

С 9 по 12 декабря 1933 г. состоялся официальный визит царя Бориса и премьер-министра Болгарии Мушанова в Белград. Он привлек к себе пристальное внимание остальных балканских стран, которые считали, что болгаро-югославское сближение идет чрезвычайно ускоренным темпом. Груз недоверия и подозрительности друг к другу усиливался публикациями болгарской и югославской прессы, где впервые за годы после первой мировой войны раздавались голоса о необходимости их «братского союза»²⁸. Подобные выступления, звучавшие в целом в духе движения за балканскую солидарность, создавали у руководства Турции, Румынии и Греции впечатление о возможности подписания какого-либо болгаро-югославского политического соглашения, которое будет находиться в противоречии с их интересами. В действительности результаты этого визита были весьма незначительны. По сообщению французских посланников из Белграда и Софии, излагавших свои беседы с королем Александром и царем Борисом, оба монарха ограничились заявлениями о династической солидарности, а также взаимными заверениями в поддержании статус-кво как в двухсторонних отношениях, так и на Балканах в целом²⁹. Никаких территориальных требований не обсуждалось. Был поднят и вопрос о Балканском пакте, но без оказания какого-либо давления на Болгарию. Мушанов обещал найти формулировку, которая дала бы возможность Болгарии примкнуть к нему³⁰.

Несмотря на скромные итоги визита, он вызвал беспокойство в Турции, Румынии и Греции. Эти страны опасались, что болгаро-югославские контакты могут выйти за рамки нормальных добрососедских отношений³¹. Румынская дипломатия пришла даже к выводу, что Болгария лишь временно откладывает осуществление своих территориальных aspirations³². В Анкаре визит болгарского царя и премьер-министра в Югославию был встречен с большим раздражением. День их отбытия в Белград, сообщал болгарский посланник из Анкары, «сделался наиболее критическим моментом в развитии болгаро-турецких отношений, над которыми постоянно висел кошмар возможного соглашения Болгарии с Югославией»³³. Еще большее беспокойство царило в Афинах.

Не подлежит сомнению, что и в Румынии, и в Турции, и в Греции намеренно драматизировали ситуацию. Такая реакция была рассчитанным тактическим приемом, чтобы обогнать болгаро-югославское сближение, пресечь его и выработать выгодную для себя форму Балканского пакта. После визита болгарского царя Бориса в Белград подготовка к подписанию Балканского пакта вступила в свою последнюю и решающую фазу. На заключительном этапе переговоров о Балканском пакте турецкая дипломатия сознательно держалась на втором плане и воздерживалась от проявления активности, передав инициативу в руки румынского и греческого министров иностранных дел Титулеску и Максимоса. Тем самым

Турция стремилась в первую очередь скрыть изменения в своей внешней политике, связанные с отказом от прежней линии на сохранение нейтралитета и системы договорно-правовых отношений, строившихся на обязательствах о ненападении.

Тем не менее, Турция продолжала заверять Советский Союз, что в ходе переговоров речь идет о региональном многостороннем пакте о ненападении. У советской дипломатии были свои причины бдительно следить за ходом переговоров. В целом Советский Союз занял позицию, о которой М. М. Литвинов говорил в беседе с итальянским послом в Москве Б. Агтолико 13 января 1934 г.: «Мы в нем не заинтересованы, Турцию к нему не поощряем, не высказываем никакого одобрения», но в то же время «не считаем нужным возражать против него»³⁴.

Перелом в ходе переговоров о заключении Балканского пакта произошел под воздействием региональных событий. Итало-франко-британское соперничество на Балканах и противоречия между Болгарией и Албанией, с одной стороны, и остальными балканскими государствами — с другой, сорвали попытки общебалканского объединения.

Уже к концу 1933 г. Турция, Греция, Румыния и Югославия оказались связанными между собой двусторонними договорами: 14 сентября 1933 г. был заключен греко-турецкий пакт, содержащий взаимную гарантию совместных границ, 18 октября 1933 г. — румыно-турецкий договор и 27 ноября 1933 г. — югославо-турецкий договор о дружбе, ненападении и арбитраже. Завершив, таким образом, непосредственную подготовку к образованию блока, министры иностранных дел Турции, Греции, Югославии и Румынии, собравшись в начале февраля 1934 г. в Афинах, выработали общий документ, который был подписан 9 февраля 1934 года. Уже позднее, после подписания пакта, Рюшту Арас признался болгарскому посланнику в Анкаре, что причиной спешных действий по завершению переговоров стали «положительные сведения», полученные Турцией, Грецией и Румынией, будто Болгария и Югославия находятся «на пути достижения соглашения или уже достигли его»³⁵. Решив, что болгаро-югославское сближение вызовет нарушение «балканского равновесия», три неславянских балканских государства решили добиваться выгодной им расстановки сил в регионе. Балканский пакт имел основной целью сохранение территориального статус-кво на Балканах. Четыре балканских государства взаимно обязались не нападать друг на друга, а в случае нападения на одно из них со стороны какого-либо другого балканского государства оказать помощь пострадавшему. Турция специально оговорила, что пакт не противоречит ее договорным отношениям с СССР. Антиревизионистский характер Балканского пакта вызвал отрицательное отношение к нему со стороны Германии и Италии. Напротив, Англия и Франция приветствовали создание Балканского пакта.

Однако задача объединения балканских государств с целью обеспечения мира не могла быть решена, так как Балканский пакт имел достаточно сложный характер. Так, с одной стороны, как региональный блок он носил антиболгарский, то есть антиревизионистский характер, а с другой, в международном аспекте его роль была достаточно противоречивой. Тем не менее, следует подчеркнуть, что участие Турции в Балканском пакте было своего рода «дипломатической революцией» или попыткой

отказа от статуса нейтральной страны. Тем самым Турция оказалась втянута в сложные проблемы европейской политики. Начиная с лета 1934 г. наблюдалось стремительное сближение и сотрудничество Турции и Англии, в особенности на Балканах. Под воздействием британской дипломатии менялось отношение Турции к Балканскому пакту. Если раньше она видела в нем основу своей европейской политики, то теперь стремилась использовать Балканский пакт как средство нажима на Францию для решения вопроса об Александреттском санджаке. В результате, когда Европа была вовлечена гитлеровской Германией во вторую мировую войну, Балканский пакт оказался недейственным, не сумев организовать отпор нападению Германии и Италии на Балканы, и уже в первый год войны потерпел полный политический крах.

Примечания

1. БЕЛОУСОВА З.С. Франция и европейская безопасность. 1929—1939. М. 1976, с. 152.
2. Малая Антанта — альянс Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный в 1920—1921 годах. Целью союза было сдерживание венгерского ирредентизма, а также предотвращение воссоздания монархии Габсбургов в Австрии или Венгрии.
3. MILLIYET. 16 ekim. 1933.
4. АТАТЮРК М. Избранные речи и выступления. М. 1966, с. 373.
5. «Пакт четырех» — международный договор, подписанный представителями Италии, Великобритании, Германии и Франции 15 июля 1933 г. в Риме. Договор предполагал политическое сотрудничество между четырьмя державами в Лиге Наций с целью устранения угрозы войны в Европе. Предполагалось, что основные усилия «пакта четырех» будут направлены на пересмотр некоторых положений Версальских мирных договоров 1919—1920 гг. (как, например, признание равноправия в вооружении за Австрией, Венгрией и Болгарией). Негласно предполагалось, что ревизии подвергнутся и некоторые версальские границы (между Германией и Польшей и между Венгрией и ее соседями). Договор был ратифицирован только в Италии и не вступил в силу.
6. ДАНЕВА-МИХОВА Х. Международные отношения в период 1933—1934 гг. и дипломатическая подготовка Балканского пакта. София. 1977, с. 61.
7. Лондонские конвенции об определении агрессии заключены 3, 4, 5 июля 1933 г. по инициативе Советского Союза. Лондонскую конвенцию от 3 июля подписали представители СССР, Эстонии, Латвии, Польши, Румынии, Турции, Ирана и Афганистана (в 1934 г. к этой конвенции присоединилась Финляндия); Лондонскую конвенцию от 4 июля подписали представители СССР, Чехословакии, Югославии, Турции и Румынии; Лондонскую конвенцию от 5 июля — представители СССР и Литвы. Участие Турции и Румынии в двух конвенциях идентичного содержания объясняется желанием стран, входивших в состав Балканской Антанты и Малой Антанты, подписать конвенцию в качестве единого комплекса государств.
8. Нейский мирный договор был подписан 27 ноября 1919 г. в пригороде Парижа Нейи-сюр-Сен в рамках Парижской мирной конференции 1919—1920 гг. между Болгарией, с одной стороны, и странами Антанты — с другой. По договору, Болгария теряла часть территории, которая передавалась Греции, Румынии и Королевству Сербов, Хорватов и Словенцев.
9. МАНЧЕВ К., БИСТРИЦКИ В. България и нейните съседни. 1931—1939. София. 1978, с. 85.
10. Там же, с. 86.
11. АТАТЮРК М. Ук. соч., с. 375.
12. ESMER A.S. Siyasi tarix (1919—1939). Ankara. 1953, s. 213.
13. БЫСТРИЦКИЙ В. Болгария и возникновение Балканского пакта. In: Actes du premier congres international des etudes balkaniques et sudest Europeennes. Vol. V. Sofia. 1970, p. 207.

14. КУЗМАНОВА А. Румъния и дипломатическа подготовка на Балканския пакт. — Исторически преглед. София. 1970, № 3, с. 18.
15. ДАНЕВА-МИХОВА Х. Ук. соч., с. 67—68.
16. Düstür. Ankara. 1934, cilt. XV, s. 190—195.
17. КУЗМАНОВА А. Ук. соч., с. 21, 23.
18. Там же.
19. ДАНЕВА-МИХОВА Х. Ук. соч., с. 69.
20. Там же, с. 72—73; КУЗМАНОВА А. Ук. соч., с. 23—24.
21. Документы внешней политики СССР. Т. XVI (1 января — 31 декабря 1933 г.). М. 1970, док. 335, с. 599—601.
22. Там же, док. 350, с. 623—627.
23. Там же, док. 355, с. 599—601.
24. Там же, док. 350, с. 623—627.
25. ÖKÇÜN A.Ç. A guide to Turkish Treaties (1920—1964). Ankara. 1966, s. 17.
26. ДАНЕВА-МИХОВА Х. Ук. соч., с. 73.
27. ЗИМИНА Н.Г. Проекты объединения и укрепления мира на Балканах (1929—1933 гг.). В кн.: Славянский сборник, Вып. 2. Саратов. 1978, с. 65.
28. ČULINOVIĆ F. Jugoslavija između dva rata. Т. II. Beograd. 1961, s. 65.
29. Documents Diplomatiques Français. 1-re serie. T. V. Paris. 1963—1977: doc. N110, p. 210—213; N150, p. 291; N185, p. 391—392.
30. ДАНЕВА-МИХОВА Х. Ук. соч., с. 78.
31. МИЧЕВА З. Балканският пакт и българо-югославските отношения. — Исторически преглед. София. 1971, с. 18.
32. CAMPUS E. The Little Entente and the Balkan Alliance. Bucharest. 1978, p. 70—71.
33. ДАНЕВА-МИХОВА Х. Ук. соч., с. 78.
34. Документы внешней политики СССР, т. XVI, док. 13, с. 43—44.
35. ДАНЕВА-МИХОВА Х. Ук. соч., с. 93.

Национальные школы и языки народов России: фактор стабильности или детонатор сепаратизма?

С.Р. Чеджемов

Аннотация. Публикация посвящена анализу роли национальных школ и языков в истории России как единого централизованного государства. Автор считает, что проблемы развития родных языков приобретают особую актуальность, так как напрямую связаны, а во многих случаях и обусловлены вопросами социально-экономического развития государства и обеспечения внутренней стабильности и международной безопасности.

Ключевые слова: Россия, Осетия-Алания, родной язык, образование, воспитание, просвещение, «мягкая сила».

Abstract. The publication is based on some research on reasoning analysis of the role of national schools and languages in Russian history as a single centralized State. The author believes that his vital functions of the development problems of the native languages are especially relevant because directly connected, and in many cases are due to socio-economic development of the State and ensure internal stability and international security.

Key words: Russia, Ossetia-Alaniya, mother tongue, education, education, education, soft power.

XX и начало XXI в. в полном объеме явили миру национально-государственное размежевание, зачастую принимающее экстремистские формы. В этом процессе вопросы развития родных языков приобретают большую актуальность, так как напрямую связаны с проблемами социально-экономического развития государства. В современной отечественной истории развитию образования в России, ее регионах, в частности языковой политике, уделяется недостаточно внимания. Отчасти это свя-

Чеджемов Сергей Русланович — кандидат исторических наук, доктор педагогических наук, профессор ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет). E-mail: srchedgemov@mail.ru.

Chedzhemov Sergei R. — candidate of historical sciences, doctor of pedagogical sciences, professor at the North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, professor at the North Caucasus mining metallurgical Institute (State Technological University). E-mail: srchedgemov@mail.ru.

зано с тем, что данная интегральная проблема находится на стыке отечественной истории и истории педагогики и образования. Историки «боятся» быть обвиненными в исследованиях не по шифру специальности, а педагоги основное внимание уделяют сугубо педагогическим проблемам. Между тем, ее решение напрямую связано с задачей изучения и анализа всей совокупности фактов и явлений общественной и повседневной жизни.

Анализируя национальный компонент образования в сфере культурного строительства государства важно определить политико-правовое и психолого-педагогическое разделение понятия «родной язык». В общественном сознании укоренилось мнение, что родным языком является язык той нации, к которой человек принадлежит в силу национального определения, по праву крови. Это может быть нация отца или матери. Однако не менее важным фактором является учет того обстоятельства, что конкретная национальная принадлежность зачастую не соотносится с той национальностью, носителем духа которой человек является, что отражается прежде всего во владении языком, принадлежностью к так называемому «культурному коду». Психолого-педагогическое определение родного языка отождествляется с «материнским языком», впервые услышанным от матери, на котором человек думает, а лакмусовой бумажкой его выявления являются соответствующие эмоции.

Ныне во многих странах ушли из правового обихода паспорта, как основные документы, подтверждающее гражданство, а забота о равенстве прав человека и гражданина обозначила тенденцию отказа от официального указания национальности человека. Это хорошо видно на примере тех стран, где соответствующий пункт в документах отсутствует. В этих государствах и в России, в частности, налицо определенное противоречие между юридическим и психолого-педагогическим определением родного языка. Это важный феномен общественной жизни, нуждающийся в тщательном осмыслении для выстраивания сбалансированной и эффективной политики в сфере развития образования и культуры.

В наши дни наметилась пагубная тенденция, когда процесс обучения осуществляется на родном для учащегося языке с точки зрения его анкетных данных, например свидетельства о рождении, медицинских карт и т.д. Но с психолого-педагогической точки зрения этот язык для ребенка может родным не являться, и обучение на нем становится веской причиной его неуспеваемости.

Отличительной особенностью сегодняшней Европы, да и мира в целом стал не только глобальный экономический кризис, но и усиление политической напряженности. В этих условиях упрочение интеллектуальной привлекательности нашего многонационального государства связано и с осмыслением злободневных вопросов истории своей страны, поскольку современные реалии в мире таковы, что тенденции «демонизации» России направлены не только на ее современную внутреннюю и внешнюю политику, но и на все историческое прошлое, и эта тенденция отчетливо проявилась еще в XX веке.

В связи с этим следует быть особенно внимательными ко всему, что определяет самобытность каждой нации, к развитию национальной культуры. Народы страны, в частности осетины, на протяжении веков

на себе ощущают благотворное влияние централизованного российского государства.

Осетия-Алания расположена на юге России, где сходятся интересы различных стран, и где воочию можно увидеть так называемое цивилизационное противостояние между политическими и экономическими интересами государств и блоков, а также мировыми религиозными конфессиями.

Своеобразие российского империализма подметил Г.П. Федотов, писавший, что «Россия является империей своеобразной, ее нерусские владения не отделены от нее морями, и массив русского населения не отделен резкой чертой от инородческих окраин»¹. Р. Киплинг признавал, что «миллионы людей смотрели на Россию, как на свою великую освободительницу»².

В Осетии-Алании в середине XVIII в. существовали обособленные общества, но по ряду важнейших вопросов они демонстрировали свое политико-правовое единство, в частности в вопросе присоединения к Российской империи. В 1743 г. в Санкт-Петербурге при Синоде была образована Осетинская духовная комиссия, которая, согласно постановлению Сената, в 1744 г. была направлена в Северную Осетию для решения политико-просветительских задач. Она состояла из 21 человека духовного звания. Возглавил комиссию архимандрит Пахомий³. С 1745 г. она успешно действовала на землях, населенных осетинами, ведя большую политическую и просветительскую работу. Политика «мягкой силы» принесла свои результаты. В 1749 г. в Санкт-Петербург направилось осетинское посольство. В его состав вошли авторитетные представители всех осетинских обществ, проживавших на севере и юге Большого Кавказского хребта. Целью посольства было «обсуждение с российским правительством вопросов вхождения осетин в состав Российской империи и распространения в Осетии православного христианства».

Деятельность этой комиссии стала краеугольным камнем в строительстве здания союза осетинского и русского народов, основанного на многовековой истории их дружбы и братства. Этот же принцип был положен в основу миссионерско-просветительской политики России в Осетии.

В письме генерал-фельдмаршалу князю Г.А. Потёмкину Екатерина II предписывала зорко следить за тем, чтобы «российские власти не чинили народам тамошним притеснений или принуждений»⁴.

Члены осетинского посольства во главе с Зурабом Магкаевым в 1751 г. обратились в Синод с просьбой открыть в Осетии школу. В связи с этим Синод поручил руководителю Осетинской духовной комиссии архимандриту Пахомию подробно выяснить обстоятельства и возможность открытия школы, наметить место для нее, подобрать кадры учащихся и определиться с языком преподавания.

Архимандрит Пахомий предлагал открыть школу в Куртатинском ущелье на 30 учеников, преподавание вести вначале на грузинском языке, а затем, «когда будут переведены грузинские церковные книги», перейти на осетинский⁵. Таким образом, и это весьма примечательно, в русской школе для осетин первоначальным языком обучения предлагался грузинский. Это решение можно объяснить тем, что среди духовенства, веду-

щего миссионерско-просветительскую работу с осетинами, большинство составляли грузины, кроме того уже имелась учебная литература религиозной направленности на грузинском языке, да и многие осетины владели этим языком, так как обучались в Грузии.

Со времен царицы Тамары, мужем которой был осетинский царевич Давид-Сослан, между Картло-Кахетинским царством и Аланией-Осетией существовали прочные политические и культурные связи. Грузинская правящая династия являлась прямой наследницей брака Тамары и Давида. Однако не следует забывать, что ведение обучения на грузинском языке предлагалось в качестве вынужденной временной меры. С точки зрения педагогики, это было оправданным решением, а по мере создания учебной литературы на осетинском языке обучение могло переводиться на родной язык. Тем не менее, некоторые исследователи посчитали этот план русификаторским, а задачу самой школы усматривали в том, чтобы «подготовить агентов России из местного населения» ⁶.

Первоначальный проект открытия школы в Куртатинском ущелье претворить в жизнь не удалось из-за политических соображений — формально в те годы Осетия не входила в состав Российской империи, и школа была открыта в приграничной с Осетией русской крепости Моздок в 1764 г., но только спустя два года был набран состав учителей и учащихся. Вплоть до своего закрытия в 1896 г. в школе обучалось 46 мальчиков. Школьного женского образования в те годы даже в столицах не было.

Моздокская школа являлась учебным заведением, работавшим по принятым в те годы правилам обучения, без строго определенной учебной программы. В основном занятия проходили в форме нравственной проповеди. Преподаватели имели специальное духовное образование. Школа функционировала по образцу существовавших в то время в России аналогичных школ, в которых «педагогическая подготовка учителей признавалась ненужной» ⁷. Ряд историков, как в советский период, так и после, критиковали ее деятельность ⁸.

Помимо просветительских задач школа выполняла и задачи политического свойства — в частности, ориентацию широких кругов осетинского народа на политическое, экономическое и культурное сближение с Россией. Эти цели отчетливо видны из письма Екатерины II астраханскому губернатору Якобию, которому в административном порядке подчинялась школа. Екатерина II писала о том, что нет лучшего способа воспитания осетин приверженцами России, чем их просвещение ⁹.

«Осетинский проект» имперской России осуществлялся через руководство Астраханской губернии. Здесь следует отметить, что со времен административно-территориальных реформ Петра Великого впервые в истории государства и права России вся территория страны была представлена как единое целое, состоящее из слагаемых — губерний. Помимо этого, как справедливо отмечала одна из видных исследователей законодательных актов Петра I и их значения для судеб страны, К.А. Софроненко, на смену прежнему принципу, определявшему административное деление России, исходя из размера территории, Пётр I предложил новый, основанный на количестве населения ¹⁰.

Представляется, что учреждение губерний, помимо всего прочего, преследовало цель обеспечить перспективу дальнейшего расширения

границ российского государства за счет присоединения новых территорий. Это отчетливо видно на примере юга России. Так, спустя 11 лет после принятия упомянутого указа, новым указом от 29 мая 1717 г. число губерний было увеличено с 8 до 11. Были созданы четыре новые губернии — Рижская, Ревельская, Астраханская и Нижегородская, а бывшая Смоленская упразднялась. В значительной мере были изменены границы существовавших губерний и принципы их организации. На юге России большое значение имело учреждение Астраханской губернии, ставшей форпостом российского экономического, военного, религиозного влияния на народы, живущие на Кавказе и в бассейне Каспийского моря.

Согласно административно-территориальному нововведению Петра I, губернаторы становились главными проводниками российской политики на местах и на смежных иностранных территориях. Геополитическое положение каждой губернии при Петре I делало ее приграничной, «внутренних» губерний не было, и это не простое стечение обстоятельств, а замысел царя-реформатора. Само появление Астраханской губернии является веским аргументом, свидетельствующим о намерении вести активную политику на юге страны, проводником которой становился астраханский губернатор.

Все это наглядно отразилось на примере Моздокской школы. Ее административно-финансовое руководство осуществлялось Астраханским банком, а педагогическая деятельность координировалась Осетинской духовной комиссией, то есть в конечном счете — Синодом русской православной церкви. За время пребывания в школе учащиеся получали стипендию и бесплатно проживали либо в имевшемся при школе пансионе, либо получали средства на наем жилья.

Содержание обучения в школе определялось решениями Осетинской духовной комиссии. Учащиеся изучали русскую, грузинскую и осетинскую грамоты, письмо, пение, Святое писание, арифметику. Занятия проводились в течение всего дня с перерывами на обед и на отдых. Первоначально обучение велось, в основном, на осетинском языке, но с 1767 г., после специального указания Синода, его перевели на русский, а осетинский язык сохранялся в качестве предмета изучения.

Выпускники школы стали первым отрядом осетинской интеллигенции, многие из них продолжили свое образование в крупных учебных заведениях. Только в 1784 г., после окончания Моздокской школы, девять ее выпускников отправились на учебу в Астраханскую духовную семинарию¹¹. Помимо этого, школа сыграла большую роль в создании осетинского алфавита, азбуки, книг на осетинском языке. Первая такая азбука была составлена Гайозом Токаевым и Павлом Генцауровым.

В 1793 г. после упразднения Осетинской духовной комиссии и образования Моздокской епархии ее первым архиепископом стал Гайоз. Им же была переведена на осетинский язык и в 1798 г. издана на основе церковнославянской графики в Московской синодальной типографии дошедшая до наших дней книга на осетинском языке «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг Божественного писания».

Видный представитель осетинской интеллигенции Г.М. Цаголов в 1915 г. в статье «Осетинская письменность», опубликованной на страницах газеты «Терские ведомости», писал: «... работа по переводу книги

была выполнена кем-либо из тех, первых интеллигентных осетин, которые к тому времени окончили уже курс в Астраханской духовной семинарии»¹². Издание этой книги явилось мощным стимулом для развития осетинской письменности и культуры и показателем просветительской роли России в регионе.

В историографии проблем истории народного образования и педагогики фактически не исследован сорокалетний период времени между закрытием Моздокской школы и учреждением Осетинского училища. В начале XIX в. на территории современной Северной Осетии-Алании функционировало важнейшее для всего Кавказа просветительское учреждение. Оно именовалось «Домом для аманатов». Слово «аманаты» дословно переводится с арабского языка как «заложники». Да, во владикавказской крепости содержались заложники, но появление «маленьких аманатов» во Владикавказе — явление политико-педагогическое. Оно фактически являлось аталычеством. Это было на Кавказе довольно распространенным обычаем, но в советском энциклопедическом словаре этот термин характеризуется не совсем верно — как обычай «отдавать детей знатных родителей на воспитание вассалам или слугам»¹³. На самом деле это был в основном равноправный обоюдный шаг представителей местных народов, независимо от их социального положения. Таким образом, можно считать, что владикавказские аманаты тех лет находились в положении аталыков у российской власти.

Их пребывание в крепости, помимо всего прочего, было прекрасной возможностью получить образование. Одно из первых упоминаний об аманатах дается Н. Нефедьевым в книге «Поездка на Кавказ и в Грузию в 1827 году»¹⁴, в которой автор отмечает, что аманаты гуляют по центральной аллее, заменяющей бульвар.

Сведения об аманатах содержатся и в знаменитом пушкинском «Путешествии в Арзрум», опубликованном в 1836 году. Александр Сергеевич отмечал: «... в крепости Владикавказ видел я черкесских аманатов — резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе»¹⁵. К этому следует добавить, что многие аманаты усыновлялись видными российскими военачальниками. Так, например, поступили генерал-майор Мусса Алхасович Кундухов, ставший впоследствии начальником Военно-Осетинского округа Терской области, генерал Тасо (Пётр) Гайтов, родоначальник военной династии Гайтовых и другие.

В истории развития российской культуры отдельного разговора заслуживает тема двуязычия — билингвизма. Однако билингвизм отличается по содержанию от такого понятия, как диглоссия¹⁶, представляющего собой один из вариантов билингвизма, при котором на определенной территории или в обществе сосуществуют два языка или две формы одного языка, применяемые их носителями в различных функциональных сферах¹⁷.

Фактически уже в XIX в. в Осетии осетино-русское двуязычие получило свое распространение, которое впоследствии стало определяющим в культурном развитии осетин¹⁸. Внутри осетинского общества в это же время намечалась тенденция диглоссии на примере иронского и дигор-

ского диалектов. В 20-х — 30-х гг. прошлого столетия было определено, что основой осетинского языка является иронский диалект с цокающим произношением.

Однако в условиях советской власти, отмечал Х.С. Черджиев, коренизация обучения вызвала настойчивые возражения некоторой части учителей и многих родителей, которые считали, что «преподавание на осетинском языке лишает детей возможности овладения русским языком»¹⁹.

Общеизвестно, что все народы до появления у них письменности жили в течение веков и тысячелетий в мире устной культуры, передававшейся от поколения к поколению. Это были предания, песни, пословицы и поговорки, мифы и т. д. Зарождение книжной культуры, причем не только печатной, но и рукописной, сделало возможным появление в языке этноса принципиально нового момента — отделения письменного языка от разговорного.

Представляется, что в некоторых научных, в том числе и энциклопедических изданиях, дается не совсем верное определение так называемых «бесписьменных или младописьменных народов и языков». Под ними понимаются такие, у которых нет развитых литературно-книжных традиций на родном языке. Младописьменные языки — языки, получившие письменность после 1917 года, либо в XIX — начале XX века. В СССР большинство письменных систем было разработано в начале 1930-х годов. Для языков, получивших письменность еще позже — в 1970—1990-х годах — используется термин «новописьменные языки»²⁰.

Следует отметить, что создание алфавита является признаком мало письменности, а даже издание одной книги знаменует собой качественно новый период культурного развития. Такой народ некорректно именовать мало письменным. Термин «новописьменные» языки целесообразно применять в отношении народов, у которых была письменность, но затем прервалась по тем или иным причинам, чаще политического свойства, а уже затем появилась, причем на основе графики, ранее не применяемой в создании прежнего алфавита.

Исходя из всего вышеизложенного, возможно сделать вывод о том, что в политико-правовом аспекте осетинский народ начиная с конца XVIII в., когда книга на осетинском языке вышла в свет массовым тиражом, не может считаться младописьменным. По тем же основаниям некорректно именовать младописьменным и осетинский язык. Эти термины искажают историко-культурный облик осетинского народа и историю государственно-правовых отношений в России, содержат уничижительный контекст, поскольку, согласно толковому словарю, первая часть «сложных слов “младо-” имеет значение новый, младописьменный (о языке: получивший письменность в недавнее время)»²¹.

Выход в свет печатной книги для судеб осетин имел большое значение. Он олицетворял соприкосновение двух художественных традиций: устной и письменной, фольклорной и книжно-литературной. У разных народов в разное время, в зависимости от их внутреннего развития, происходило слияние этих двух традиций. В авторских произведениях печатной литературы фольклор стал присутствовать в качестве сюжетных линий. Таким образом он получал распространение. Его узнавали далеко

за пределами места обитания народа, его создавшего, и он становился доступным читающей аудитории всего мира.

В то же время появление печатного слова ставило один из диалектов языка в привилегированное положение, обрекая остальные на постепенный уход из обихода общественно-политического, а затем и семейно-бытового. Советское государство, заботясь о развитии образования и культуры, принимало определенные меры, узаконивающие это положение и с помощью санкционных мер, самими «мягкими» среди которых являлось выставление неудовлетворительных оценок-отметок по «родному» языку.

Положение стало меняться лишь после принятия Конституции РФ и Конституции РСО-Алания. Так, в статье 15 говорится:

«1. Государственными языками Республики Северная Осетия-Алания являются осетинский и русский.

2. Осетинский язык (иронский и дигорский диалекты) является основой национального самосознания осетинского народа. Сохранение и развитие осетинского языка является одной из важнейших задач органов государственной власти Республики Северная Осетия-Алания.

3. В Республике Северная Осетия-Алания народам, проживающим на ее территории, гарантируется право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения»²².

Резюмируя вышеизложенное, хочется подчеркнуть, что сложившаяся практика культурной работы, в том числе и в сфере языкового строительства, служит гарантом сохранения национальной самобытности народов, входящих в состав РФ, и способствует укреплению духовной целостности страны²³.

Примечания

1. ФЕДОТОВ Г.П. Судьба империй. В кн.: Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х томах. Т. 2. СПб. 1991, с. 304—327.
2. КИПЛИНГ Р. Ким. Собр. соч. в 6-и томах. Т. 1. М. 2008, с. 345.
3. Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе. Т. 5. 1942, с. 388.
4. Полное собрание законов Российской империи. Т. 22. СПб. 1830, № 16 194, с. 388.
5. Материалы по истории осетинского народа, т. 5, с. 207.
6. Там же, с. 6.
7. ПАНАРИН Ф.Г. Педагогическое образование в России (историко-педагогические очерки). М. 1979, с. 14.
8. История Северо-Осетинской АССР. С древнейших времен и до наших дней. В 2-х томах. Т. 1. Орджоникидзе. 1987; КОБАХИДЗЕ Е.И., ЛАДОНИНА Н.А. Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века: монография. Владикавказ. 2017.
9. Материалы по истории осетинского народа, т. 5, с. 4.
10. Памятники русского права. Вып. VIII. М. 1961, с. 41.
11. История Северо-Осетинской АССР, т. 1, с. 203.
12. ЦАГОЛОВ Г.М. Осетинская письменность. — Терские ведомости. 1915. 8 ноября; цит. по: Антология педагогической мысли осетинского народа. Владикавказ. 1993.
13. Советский Энциклопедический Словарь. М. 1989.
14. НЕФЕДЬЕВ Н. Поездка на Кавказ и в Грузию. М. 1828, с. 14.
15. ПУШКИН А.С. Путешествие в Арзрум. Собр. соч. в 3-х томах. Т. 3. М. 1990, с. 505.
16. См.: ЩЕРБА Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л. 1974, с. 313—318.; ЖУКОВА И.Н., ЛЕБЕДЬКО М.Г., ПРОШИНА Л.Г., ЮЗЕФОВИЧ Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М. 2013. с. 36—46.

17. БЕЛЛ Р.Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. М. 1980; FERGUSON Ch. Diglossia — Word. 1959, v. 15, № 4.
18. ГАЛАЗОВ А.Х., ИСАЕВ М.И. Народы — братья, языки — братья. Орджоникидзе. 1987.
19. ЧЕРДЖИЕВ Х.С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе. 1958, с. 41.
20. БОКАРЕВ Е.А., ДЕШЕРИЕВ Ю.Д. Младописьменные языки народов СССР. Л. 1959; Письменные языки мира. Языки Российской Федерации: Социоллингвистическая энциклопедия. М. 2000. Кн. 1. 2003; Языки народов России. Красная книга: Энциклопедический словарь-справочник. М. 2002; КАЗАКЕВИЧ О.А., КИБРИК А.Е. Малые языки на постсоветском пространстве. В кн.: Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. М. 2005.
21. ОЖЕГОВ С.И., ШВЕДОВА Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. 2011, с. 322.
22. Конституция РСО-Алания. 1994, ст. 15; Конституционный закон Республики Северная Осетия-Алания от 22.06.2004. N2-РКЗ.
23. БОРГОЯКОВ С.А., БОЗИЕВ Р.С. Этнокультурное образование как фактор укрепления единства многонационального народа РФ. — Педагогика. 2018, № 2, с. 3—14.

ББК 60.7(253.3)/УДК 351.755.361(571.1/5)

Национальный состав самозанятого населения Сибири (по результатам переписи 1897 г.)

Ю.В. Зубарева, И.В. Пивоварова

Аннотация. В публикации, на основе результатов переписи населения 1897 г., проанализирован национальный состав самозанятого населения Сибири. Исследована дифференциация народностей и национальностей по численности их представителей в разрезе областей и губерний Сибири. Определены наиболее многочисленные и малочисленные народности и национальности. Обозначены три типа территориального размещения представителей народностей в Сибири: народности с высокой «концентрацией» ее представителей в одной области, либо губернии; народности, большая часть представителей которых отмечена в двух-трех областях и губерниях; народности, представители которых численно равномерно распределены в более чем трех областях и губерниях.

Ключевые слова: Российская империя, население Сибири, национальный состав, народности, национальности, перепись населения 1897 года

Abstract. The publication analyzes the national composition of the self-employed population of Siberia on the basis of the results of the census of 1897. Differentiation of nationalities and nationalities on number of their representatives in a section of areas and provinces of Siberia is investigated. The most numerous and small nationalities and nationalities are defined. Three types of territorial distribution of representatives of nationalities in Siberia are designated: nationalities with high "concentration" of its representatives in one area, or province; nationalities which most part of representatives is noted in two-three areas and provinces; nationalities which representatives are numerically evenly distributed in more than three areas and provinces.

Key words: Russian Empire, population of Siberia, national structure, nationalities, nationalities, census of the population of 1897.

Результаты переписи 1897 г. стали предметом изучения большого числа ученых. Особого внимания заслуживают работы, всецело посвященные анализу результатов переписи¹. Значительная часть научных трудов содержит глубинный анализ результатов переписи, характеризую-

Зубарева Юлия Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент Государственного аграрного университета Северного Зауралья. Тюмень. E-mail: j_zubareva@mail.ru; *Пивоварова Ирина Валерьевна* — кандидат социологических наук, доцент Тюменского индустриального университета. E-mail: sema_79@bk.ru.

Zubareva Yulia V. — PhD (Economics), associate professor of the Northern Trans-Ural State Agricultural University. Tyumen. E-mail: j_zubareva@mail.ru; *Pivovarova Irina V.* — PhD (Sociology), associate professor of the Industrial University of Tyumen. E-mail: pivovarova_irina@mail.ru.

ющих конкретные области, губернии, уезды ². Немало работ посвящено изучению жизни и быта отдельных национальностей и конфессий ³.

Отдельно необходимо отметить работы ученых, сконцентрировавших свое внимание на развитии Сибири, ее областей и губерний в исследуемый период ⁴. Также учеными обсуждаются особенности, и даже недостатки, проведения самой переписи и обработки полученных результатов ⁵.

В данной публикации предпринята попытка провести анализ национального состава самозанятого населения Сибири исследуемого периода. В качестве методов использованы: исторический анализ, позволивший провести научную обработку данных переписи населения 1897 г.; статистико-корреляционный анализ, с помощью которого были выделены три типа территориального размещения представителей народностей в Сибири; историко-системный метод, позволивший выявить историческую обусловленность территориального расселения различных народностей.

В конце XIX в. население Российской империи было многонациональным (более 100 народов, не считая небольших по численности этнических групп), при том, что большую часть его составляли великорусы (русские) ⁶.

По результатам переписи 1897 г. численность русского населения составила 66,81% (из них великорусы — 44,35%, малороссы — 17,81%, белорусы — 4,69%).

Среди городского населения преобладали мужчины. В городах Западной Сибири они составляли 54%. Существенное преобладание мужчин наблюдалось в городах, на территории которых размещались военные части. В целом Сибирь, в отличие от Европейской России, отличалась невысокой долей дворянства (не более 7—8% от общей численности населения) и духовенства (1—2%). Сибирь значительно отставала от Европейской России и по уровню просвещения и здравоохранения ⁷.

Развитие промышленности в Сибири в исследуемый период осуществлялось замедленными темпами по причине территориальной удаленности от центра Российской империи и неразвитости путей сообщения. Экономическая жизнь зависела от размеров городов и их размещения, что обуславливало развитие торговли и ремесленного производства. Преимущественным видом занятий населения оставалось сельское хозяйство ⁸.

На момент проведения переписи Сибирь включала в себя Амурскую, Енисейскую, Иркутскую, Тобольскую, Томскую губернии, Забайкальскую, Якутскую и Приморскую области и остров Сахалин. По численности самозанятого населения лидировала Томская губерния (451 575 чел.), далее в порядке убывания следовали: Тобольская (369 197), Енисейская (175 216), Забайкальская (165 790), Иркутская (159 245) губернии, Якутская область (84 275), Амурская губерния (43 142) и остров Сахалин (19 045 чел.). В целом численность самозанятого населения Сибири по итогам переписи 1897 г. составила 1 581 821 чел, из которых 86,44% приходилось на мужчин.

Национальности, исследуемые переписью, были укрупнено сгруппированы в народности: русские (великорусы, малороссы, белорусы); славянские (поляки, болгары, сербы, чехи, словаки); романские (молдаване, молдаване (румыны), румыны, французы, итальянцы, португальцы); германские (немцы, шведы, норвежцы, датчане, голландцы, англичане);

индо-европейские (осетины, персы, греки, армяне, цыгане, гальчане); евреи; картвельские (картвельские, картвелы, грузины, мингрелы); кавказские горцы (кавказские горцы, абхазцы, черкесы, чеченцы, кабардинцы); лезгины; финские (финские, финны, финляндцы, пермяки, карелы, остяки, вогулы, зыряне, вотяки, эсты, мордва, черемисы); турецко-татарские (татары, турки, якуты, тептяры, сойоты, узбеки, сарты, кара-киргизы, карачаевцы, башкиры, киргиз-кайсаки, киргизы, бухарцы, ногайцы, кумыки, енисейские тюрки, чувашаи, туркмены); литовско-латышские (литовско-латышские, литовцы, латыши, жмудь); культурные народы крайнего Востока (культурные народы крайнего Востока, китайцы, корейцы, японцы); северные (полярные) племена (тунгусы, манчжуры, чукчи, коряки, камчадалы, чуванцы, эскимосы, гиляки, алеуты, ороки, аины, чуванцы, юкагиры, чукоты, самоеды, енисейские остяки).

Наиболее многочисленной народностью в Сибири были русские (1 242 587 чел.), к числу которых относились великорусы, малороссы и белорусы. Далее по убыванию: турецко-татарские национальности (1 329 56), монголо-бурятские (65 407), культурные народы крайнего Востока (49 315), северные (полярные) племена (30 545), славянские (19 122), финские (16 698) национальности и евреи (11 574 чел.)⁹.

К наиболее малочисленным народностям, численный состав которых колеблется от 466 до 3832 чел., относились романские (их доля в общей численности самозанятого населения составляла 0,04%), германские (0,24), индо-европейские (0,22), картвельские (0,03), кавказские горцы (0,10), лезгины (0,001), литовско-латышские (0,22%). Их «суммарная» доля в общей численности самозанятого населения Сибири составляла всего 0,84%. Если рассматривать количество замозанятого населения, учитывая национальности, а не народности, то лидирующую позицию занимали великорусы, численность которых составляла 1 186 735 чел. (75,02%), далее следовали буряты — 64 752 чел. (4,09), якуты — 63 184 чел. (3,99), малороссы — 52 834 чел. (3,34), татары — 47 196 чел. (2,98), китайцы — 37 490 чел. (2,37), поляки — 18 997 чел. (1,2), тунгусы — 15 728 чел. (0,99), евреи — 11 574 чел. (,73%)¹⁰.

Примечателен тот факт, что практически все самозанятое население определило свою принадлежность к конкретной национальности. Лишь единицы по губерниям и областям (от 5 до 25 чел.) не указали своей народности. Это объясняется глубоким осознанием населением собственной принадлежности к какой-то конкретной народности и конфессии, важностью соблюдения религиозных традиций и обычаев.

Интересной представляется дифференциация численности представителей различных национальностей в губерниях и областях Сибири. В большинстве из них, за исключением Якутской области (20,03%), в национальном составе населения преобладали русские.

Наименьшее число русского населения было сосредоточено в Приморской области (47,85%) и на острове Сахалин (68,02%), что обусловлено территориальными особенностями их расположения. В Приморской области на момент переписи 35,54% составляли культурные народы крайнего Востока (преимущественно китайцы), а на острове Сахалин преобладали турецко-татарские национальности (74,2%) (преимущественно якуты и татары). В Забайкальской области русские составляли 66,32%,

в Иркутской губернии — 76,76, в Амурской — 77,76, в Енисейской — 85,78, в Томской — 89,85 и в Тобольской губернии — 91,14% ¹¹.

Если анализировать результаты переписи относительно территориальной сосредоточенности представителей тех или иных народностей, то ситуация выглядит следующим образом (см. таблицу).

Из таблицы видно, что наибольшее число представителей русских народностей было территориально сосредоточено в Томской и Тобольской губерниях (32,66% и 27,08% соответственно); славянских — в Енисейской губернии (20,81), германских — в Томской губернии (20,56); картвельских — на острове Сахалин и в Амурской губернии (31,33 и 21,24); кавказских горцев — в Иркутской и Енисейской губерниях (30,40 и 25,44); финских — в Тобольской и Томской губерниях (56,67 и 24,91); турецко-татарских — в Якутской области и Томской губернии (47,04 и 24,07); литовско-латышских — в Тобольской и Томской губерниях (32,94 и 20,19); культурных народов крайнего Востока — в Приморской области (81,91); монголо-бурятских — в Забайкальской области и Иркутской губернии (62,07 и 37,36); северных (полярных) племен — в Приморской и Забайкальской областях (37,49 и 20,57%).

Подводя итог, необходимо отметить следующее. В большинстве губерний и областей Сибири, за исключением Якутской области, в национальном составе самозанятого населения преобладали русские народности, доля которых колебалась от 47,85 до 91,14%.

Численное распределение представителей народностей в Сибири
(по результатам переписи населения 1897 г.), % ¹²

	Амурская губерния	Енисейская губерния	Забайкальская область	Иркутская губерния	Остров Сахалин
Русские	2,70	12,10	8,85	9,84	1,04
Славяне	1,35	20,81	6,29	14,14	6,65
Романские	2,34	16,53	13,02	19,20	17,20
Германские	2,87	18,92	5,09	11,04	6,05
Индо-европейские	1,48	13,65	7,23	21,21	6,86
Евреи	1,15	14,51	20,31	22,27	0,78
Картвельские	21,24	2,79	7,08	16,74	31,33
Кавказские горцы	0	25,44	11,87	30,40	7,34
Финские	0,37	9,93	2,28	2,01	1,10
Турецко-татарские	0,49	9,59	1,35	3,16	1,14
Литовско-латышские	0,46	21,37	3,2	5,86	5,97
Культурные народы крайнего Востока	12,23	0,03	4,77	0,16	0,87
Монголо-бурятские	0,05	0,05	62,07	37,36	0,03
Северные (полярные) племена	6,86	7,52	20,57	1,97	5,01
Прочие	10,26	33,33	0	20,51	0
Не указали своей народности	6,96	14,78	9,57	6,09	4,35

	Приморская область	Тобольская губерния	Томская губерния	Якутская область
Русские	4,38	27,08	32,66	1,36
Славяне	15,41	15,77	17,79	1,80
Романские	9,52	9,18	11,19	1,84
Германские	15,76	0,10	20,56	1,88
Индо-европейские	3,37	20,13	24,64	1,42
Евреи	11,68	6,44	20,80	2,06
Картвельские	0	8,80	8,58	3,43
Кавказские горцы	5,87	8,44	5,02	5,63
Лезгины	0	0	0	0
Финские	2,31	56,67	24,91	0,44
Турецко-татарские	0,99	12,17	24,07	47,04
Литовско-латышские	9,29	32,94	20,19	0,72
Культурные народы крайнего Востока	81,91	0,01	0,01	0
Монголо-бурятские	0,32	0,01	0,05	0,05
Северные (полярные) племена	37,49	3,81	4,03	12,73
Прочие	0	5,13	25,64	5,13
Не указали своей народности	13,91	21,74	17,39	5,22

Малочисленные народности (от 466 до 3832 чел.) в общей численности самозанятого населения Сибири составляли всего лишь 0,84%.

Практически все самозанятое население определило свою принадлежность к конкретной национальности, что обусловлено глубоким осознанием собственной принадлежности к какой-то конкретной народности и конфессии.

Анализ территориальной сосредоточенности представителей народностей в Сибири позволяет выделить:

1) народности с высокой «концентрацией» ее представителей в одной области, либо губернии (например, культурные народы крайнего Востока, большая часть представителей которых зарегистрирована переписью в Приморской области (81,91% от общего числа представителей национальной группы в Сибири));

2) народности, большая часть представителей которых отмечена в двух-трех областях и губерниях (например, русские и финские, проживающие в большинстве своем в Томской и Тобольской губерниях (русские: 32,66 и 27,08%; финские: 24,91 и 56,67% соответственно) или монголо-бурятские, проживающие преимущественно в Забайкальской области и Иркутской губернии (62,07 и 37,36%));

3) группы, представители которых равномерно распределены в более чем трех областях и губерниях (например, славянские, численность которых в пяти (из девяти) областях и губерниях колебалась от 14,14 до 20,81%).

Примечания

1. СТАНЧЕВ М. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — *Bulgarian Historical Review*. 2007. т. 35, № 3—4, с. 219—266; ТРОЙНИЦКИЙ Н. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Т. 1—4. СПб. 1905.
2. ЧЕРКАШИНА В.Н., МАКАРЕНКО М.Ю. Южнороссийская семья в конце XIX — первой четверти XX века: историко-демографическое исследование. — *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2012, № 3, с. 51—56; ОКОНОВА Л.В. Первая всеобщая перепись населения Калмыцкой степи Астраханской губернии. — *Научная мысль Кавказа*. 2011, № 1—2 (65), с. 18—22; КРАПОТКИНА И.Е., САЛИМОВА Д.А., ДАНИЛОВА Ю.Ю. Численный состав и профессиональная занятость немецкого населения казанской и вятской губерний по результатам всероссийской переписи населения 1897 г. — *Современные исследования социальных проблем*. 2016, № 4—2 (28), с. 25—33.
3. КУРЧАТОВА Т.Т., АНДРЕЕВ А.П. Евреи Якутии в конце XIX в. (по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.). — *Общество: философия, история, культура*. 2016, № 4, с. 72—74; РОДИОНОВА О.В. Русские в выборгской губернии в конце XIX века. По материалам первичных переписных листов всероссийской переписи населения 1897 г. — *Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования*. 2014, № 4 (39), с. 285—288; СЕМЁНОВ В.А. Этнодисперсная группа коми-зырян в г. Кунгуре Пермской губернии в конце XIX века (по переписи 1897 г.). — *Историческая демография*. 2017, № 2 (20), с. 20—22.
4. СКУБНЕВСКИЙ В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. В кн.: *Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири*. Барнаул. 1990, с. 98—119; KHRAMTSOV A.B. Development of national education in the cities of Western Siberia: from initial to general education (1880—1917). — *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2018, № 47 (1), с. 349—359; REDKINA E.V., KHRAMTSOV A.B. Development of out-of-school education in Western Siberia at the beginning of the XX century. — Там же. 2018, № 49 (3), с. 1278—1286; SUNGUROV P.A. The socio-economic situation of Omsk at the beginning of the XX century. — Там же. 2017, № 46 (4), с. 1508—1516; PUTILINA Yu.V., USTINOVA O.V., NATOLOCHNAYA O.V. Features of wedding traditions and rituals in the territory Siberian region in the XIX — early XX centuries. — Там же. 2018, № 49 (3), с. 1111—1118.
5. ВОРОПАЕВА С.С. Формирование и состав переписных комиссий Тобольской губернии при подготовке первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. — *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2013, № 6 (297), с. 25—30; СКУБНЕВСКИЙ В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. В кн.: *Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири*, с. 98—119; САФРОНОВ А.А. Отношение населения к проведению первой всеобщей переписи Российской империи в 1897 г.: слухи, толки, волнения В кн.: *Документ. Архив. История. Современность*. Екатеринбург. 2002, вып. 2, с. 264—282.
6. СТАНЧЕВ М. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — *Bulgarian Historical Review*. 2007, т. 35, № 3—4, с. 219—266.
7. SUNGUROV P.A. The socio-economic situation of Omsk at the beginning of the XX century. — *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2017, № 46 (4), с. 1508—1516.
8. USTINOVA O.V., FARAKHUTDINOV S.F. Structure and dynamics of employment of young people of the working class in the province of Tobolsk in the late XIX century. — *Bylye Gody*. 2018, vol. 47, is. 1, p. 370—382.
9. ТРОЙНИЦКИЙ Н. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Т. 1—4. СПб. 1905.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.

Рукунегара как отражение национальной идеи в Малайзии

В.А. Погадаев

Аннотация. В публикации рассматривается функционирование национальной идеи в Малайзии, представленной идеологией Рукунегара. Отмечается, что в ней просматривается примат интересов коренной общины — малайцев. Вместе с тем, она представляется своего рода общественным договором или компромиссом, дающим возможность мирного сосуществования всем национальным общинам при выделении особого статуса малайцев как мусульман и представителей коренной национальности. Это позволяет избегать серьезных расовых столкновений, подобных волнениям 1969 года.

Ключевые слова: Малайзия, национальная идеология, особые права малайцев, расовые столкновения.

Abstract. The publication deals with the functioning of the national idea in Malaysia, represented by ideology Rukunegara. It is noted that it reflects mostly the primacy of the interests of the indigenous Malay community. At the same time, it could be considered as a kind of social contract or a compromise that allows peaceful coexistence of all national communities with the special status of Malays as Muslims and representatives of indigenous population. This brings the opportunity to avoid any serious racial unrest like the clashes of 1969.

Key words: Malaysia, national ideology, special rights of Malays, racial clashes.

В «Кратком словаре современных понятий и терминов» «национальная идея» определяется как «комплексное понятие о национальном социально-экономическом, политическом и культурном развитии страны, сопряженное, как правило, с националистическим представлением о самостоятельности, независимости и национальном единстве»¹. Таким образом, задача национальной идеи — объединять общество, а в многонациональной стране, каковой является Малайзия, — отражать чаяния всех национальных общин.

В колониальный период такой идеей была борьба за независимость², пути достижения которой, однако, понимались по-разному. Например, компартия Малайи, сыгравшая значительную роль в борьбе за освобо-

Погадаев Виктор Александрович — кандидат исторических наук, преподаватель Дипломатической академии МИД РФ, куратор Центра «Нусангара» в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: povial@yahoo.com.

Pogadaev Victor A. — PhD (History), lecturer of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, curator of the Center “Nusantara” at the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University named after M. V. Lomonosov. E-mail: povial@yahoo.com.

ждение страны от японских оккупантов, добивалась независимости вооруженным путем ³.

Популярной в то время была идея создания более широкого объединения — так называемой Великой Малайи, которая включала бы Индонезию и даже Филиппины (идея Мафилиндо). Ее страстными пропагандистами были «Кесатуан Мелаю Муда» (Союз молодых малайцев) и Союз полуострова и Борнео ⁴. Но большинство политических сил, включая Объединенную малайскую национальную организацию (ОМНО) ⁵ и созданную позднее Союзную партию ⁶, выступали за мирный, бескровный путь достижения независимости в рамках существующей Малайской федерации, и история доказала их правоту ⁷.

После провозглашения независимости (1957 г.) и до начала 1970-х гг. объединяющей общество идеи в государственном масштабе в Малайской федерации (с 1963 г. Малайзия) не прослеживается. Очевидно лишь расовые столкновения в мае 1969 г. ⁸ побудили власти к разработке такой идеи на основе достижения консенсуса между всеми национальными общинами. Ею стала принятая в 1970 г. идеология *Рукунегара* («Принципы государства»), включающая пять основных положений: вера в бога и веротерпимость, преданность Верховному правителю и стране, уважение Конституции, соблюдение законов, правильное поведение и соблюдение моральных норм ⁹.

Рукунегара, отражающая традиционные ценности, включая религию, перекликается с пятью принципами государственной идеологии Индонезии *панчасила*, разработанной первым президентом Сукарно и включенной в преамбулу Конституции 1945 г., которая с небольшими поправками действует и активно пропагандируется в стране до настоящего времени. Эти пять принципов следующие: вера в единого Бога-вседержателя, справедливый и цивилизованный гуманизм, единство Индонезии, демократия на основе консультаций и представительства, социальная справедливость.

Естественно, Рукунегара сформулирована в самой общей форме, чтобы быть приемлемой для всех ¹⁰. Но по существу она подтверждает особое положение малайцев как коренной национальности и может рассматриваться как отражающая в первую очередь чаяния малайцев, ущемляя в определенной степени интересы других общин. Национальный аспект здесь тесно связан с религиозным, поскольку в соответствии с толкованием Конституции, малаец — это прежде всего лицо, исповедующее ислам ¹¹. Отказ от ислама означает потерю статуса коренной национальности и следовательно всех имеющихся привилегий.

Рассмотрим некоторые принципы Рукунегара. Пункт о преданности Верховному правителю имеет явно промалайскую (а следовательно и промусульманскую) направленность. Монархом в Малайзии может быть только малаец. Он избирается из ограниченного числа султанов и правителей штатов. Монарх и правители штатов ведают всеми делами ислама — официальной религии, которую исповедуют преимущественно малайцы, что обеспечивает им чувство уверенности в своих силах. В целом, по выражению М. Лейфера, «институт монарха в Малайзии выполняет роль живой гарантии доминирования малайцев» ¹². Добавлю от себя, что не только малайцев, но и ислама в целом.

Пункт об уважении Конституции также имеет промалайский подтекст, ибо Конституция обеспечивает малайцам особые права: преиму-

щество при поступлении на государственную службу, при получении стипендий в высших учебных заведениях, лицензий на занятие предпринимательской деятельностью и т.п.¹³ Провозглашая малайский язык государственным, Конституция автоматически дает преимущество малайцам, для которых этот язык является родным¹⁴.

Примат малайских интересов в национальной идее в Малайзии проявляется во всех сферах:

— в политике, где ведущую роль в правившем до мая 2018 г. Национальном фронте играла ОМНО, а премьер-министром и его заместителем, по негласной договоренности, избирается лидер этой партии — естественно, малаец;

— в экономике, где по существу продолжает осуществляться новая экономическая политика (формально завершившаяся в 1990 г.), ставящая целью поднятие уровня благосостояния малайцев и увеличение доли их участия в управлении и владении торговыми и промышленными предприятиями страны. По словам российского исследователя В. А. Жарова, эта политика — «беспрецедентный шаг в обеспечении особого положения малайцев»¹⁵. Ему вторит и Доринда Эллиот, характеризуя эту политику как «самый радикальный в мире план поддержки коренного населения»¹⁶. Можно также отметить, что в рамках этого курса в последнее время широкую практику получило создание исламских банков;

— и особенно в образовании и культуре. Уместно напомнить, что министерства, ведающие этими сферами, традиционно возглавляются только малайцами. При этом пост министра образования считается ключевым, так как является трамплином для занятия поста заместителя премьер-министра. Система национального образования построена таким образом, что языком преподавания уже с первой ступени средней школы является малайский¹⁷.

На протяжении длительного времени проводился курс на введение преподавания учебных дисциплин в высших учебных заведениях, включая университеты, на малайском языке¹⁸. Попытки создания вузов с преподаванием на китайском языке (например, университета «Мердека» в 1982 г.) были отвергнуты как не соответствующие национальной политике в области образования¹⁹. Вместе с тем, стремление не отстать в технологическом отношении от Запада побуждает власти действовать более гибко и вносить коррективы в эту политику. В последнее время в заявлениях малайзийских лидеров звучит идея о необходимости более активного усвоения английского языка и возвращения к преподаванию на нем ряда предметов научно-технического профиля. Министерство образования, в свою очередь, объявило в 2011 г. о проведении политики «Поддержка малайского языка и укрепление английского»²⁰. Комментируя это решение, национальный писатель Малайзии Анвар Ридван в интервью газете «Сан» заявил: «Я считаю, что малайзийцы должны изучать как можно больше иностранных языков, и это будет полезно для них. Но я борюсь за малайский, потому что это наш национальный язык, и он должен занимать достойное место в нашем обществе»²¹. Сошлюсь и на свой опыт. Курс «Художественная культура России», который был введен в 2003 г. на малайском языке, сейчас читается и на малайском, и на английском.

Большой поддержкой властей пользуется издательское дело, направленное на публикацию литературы на малайском языке. Исключительно важную роль в этом играет Совет по языку и литературе (ДБП) — уникальное учреждение, сочетающее в себе функции издательства и научно-исследовательского центра в области развития малайского языка и малайской литературы²². Здесь сосредоточены основные кадры лингвистов, литературоведов, писателей и поэтов. Проводятся недели и месячники малайского языка, готовятся радио- и телевизионные передачи по его изучению. Издаются в ДБП преимущественно книги и учебники на малайском языке.

На малайскую культуру сориентирован в основном и Национальный музей. Экспозиция, посвященная китайской и индийской культуре, весьма скромна. Это является отражением курса властей на формирование общенациональной культуры на основе преимущественно малайской, хотя и с привлечением «позитивных и конструктивных элементов других культур»²³.

И, наконец, принцип правильного поведения и соблюдения моральных норм, записанный в Рукунегаре, при его реализации тоже увязывается с интересами малайцев. Прежде всего он выражается в активизации процесса исламизации и внедрения мусульманских ценностей в сфере морали и поведения²⁴. Эта линия может рассматриваться и как попытка подрыва позиций оппозиционной Панмалайзийской исламской партии (ПМИП), стремление перехватить ее лозунги об исламизации общественной жизни общества и таким образом лишить ее опоры в массах. Справедливости ради следует отметить, что центральные власти в ходе исламизации не заходят так далеко, как ПМИП, которая добивается введения худа — то есть установленных исламом наказаний за преступления против нравственности, общественного порядка и нарушения религиозных обязанностей²⁵, и объявила несовместимым с исламом даже традиционный теневой театр ваянг.

Вместе с тем, следует признать, что Рукунегара как квинтэссенция национальной идеи, несмотря на примат малайских интересов, работает и в общем, более широком смысле. Во всяком случае за время ее существования в стране не было серьезных расовых конфликтов, подобных столкновениям 1969 года. В этой связи национальная идея в Малайзии представляется своего рода общественным договором или компромиссом, дающим возможность мирного сосуществования всем национальным общинам при выделении особого статуса малайцев как мусульман и представителей коренной национальности. В общий порядок под влиянием обстоятельств могут вноситься соответствующие коррективы. Это особенно верно для ситуации, когда возникает угроза подрыва национального единства и раскола страны.

Примечания

1. БУНИМОВИЧ, Н.Т., ЖАРКОВА, Г.Г., КОРНИЛОВА Т.М. Краткий словарь современных понятий и терминов. М. 1995, с. 350.
2. Лишнее подтверждение этому находим в высказывании видного государственного деятеля Малайзии Газали Шафие: «В колониальный период люди были объединены общей целью достижения независимости... Независимость была достигнута только благодаря тому, что существовало единство среди людей различных национальностей, которые представляли собой некое подобие нации». GHAZALI SHAFIE. Building a Nation. A Working

Paper Delivered at the International Conference on Southeast Asian Security Organized by the International Institute of Strategic Studies. London, held in Singapore. 2.7.1974.

3. JUSTUS VAN DER KROEF. Communism in Malaysia and Singapore. Kuala Lumpur. 1967.
4. Любопытно, что эта концепция была возрождена в связи с планами создания Малайзии в 1960-е гг. оппозиционными партиями (Народная партия Малайи, Социалистический фронт, Исламская партия). Их руководители опасались, что создание Малайзии, особенно включение в ее состав Сингапура, приведет к преобладанию в ней китайского населения и соглашались поддержать план при условии, что он явится лишь этапом на пути формирования более широкого объединения. О Мафилиндо см.: AMAT JOHARI MOAIN. Sejarah Nasionalisma Maphilindo. Kuala Lumpur. 1969.
5. Объединенная малайская национальная организация (ОМНО) выражает интересы феодально-бюрократических и буржуазных кругов малайской общины. Создана в мае 1946 года.
6. Союзная партия — блок трех партий (ОМНО, Китайская ассоциация Малайи, Индийский конгресс Малайи), который окончательно сформировался в 1954 г. для совместного участия в выборах. Название с 1958 года. Позднее, в 1970 г., на базе Союзной партии был создан Национальный фронт, объединяющий в настоящее время 13 партий. Этот политический блок правил до всеобщих выборов 9 мая 2018 г., на которых победила оппозиция во главе с бывшим премьер-министром Малайзии Махатхиром Мохамадом.
7. См.: RATNAM K.J. Paham Perkauman dan Proses Politik di Malaya. Kuala Lumpur. 1965
8. ABDUL RAHMAN (TUNKU, PUTRA AL-HAJ). Sabelum dan selepas Mei 13. Penerbitan Utusan Melayu. 1969.
9. Rukunegara. Kuala Lumpur. 1970.
10. На это обстоятельство указывают как западные, так и российские исследователи. См.: MILNE R.S., MAUZY D.K. Politics and Government in Malaysia. Vancouver. 1979, p. 94; ЖАРОВ В. А. Официальные идеологические доктрины Индонезии, Малайзии и Филиппин. М. 1985, с. 117.
11. Malaysia. The Federal Constitution. Kuala Lumpur. 1964, art. 160, p. 103.
12. LEIFER M. Dilemmas of Statehood in Southeast Asia. Singapore. 1972, p. 109.
13. Malaysia. The Federal Constitution, art. 152(1), p.96; MAHATHIR BIN MOHAMAD. The Malay Dilemma. Singapore. 1970, p. 76.
14. Malaysia. The Federal Constitution, art. 152(1), p. 96.
15. ЖАРОВ В. А. Официальные идеологические доктрины Индонезии, Малайзии и Филиппин. М. 1985, с. 124. См. также: ANUAR RAZAK, AINON MUHAMMAD. Dasar Ekonomi Baru dan Strategi Peningkatan Masa Depan Ekonom i Melayu. Kertas kerja Kongres Cendekiawan Melayu '88. Bangi, April 1988, h 29—31.
16. ДОРИНДА ЭЛЛИОТ. Малайские Али и Баба. — Итоги. 17.IX.1996, с. 28.
17. Information Malaysia. 1987. Yearbook. Kuala Lumpur. 1987, p. 189.
18. ДОРОФЕЕВА Т. В. Языковая ситуация и языковая политика в Малайзии. В кн.: Языковая политика в афро-азиатских странах. М. 1977.
19. NIK SAFIAH NIK ABDUL KARIM, FAIZA TAMBY CIK. Bahasadan Undang-Undang. Kertas kerja Kongres Cendekiawan Melayu'88. Bangi, April 1988, h. 68.
20. Surat siaran Kementerian Pelajaran Maysia, bilangan 5, tahun 2011: Garis Panduan Pelaksanaan Dasar Memartabatkan Bahasa Malaysia Memperkukuh Bahasa Inggeris (MBMMBI).
21. Sun. 31.X.2012.
22. DEWAN BAHASA dan PUSTAKA. A Language & Literature Planning & Development Agency of Malaysia. Kuala Lumpur. 1989; АБДУЛ РАХМАН ЮСУФ. Dewan Bahasa dan Pustaka (DBP). — Восток. 1996, N5, с. 178—179.
23. FUNSTON J. Malay Politicsin Malaysia. Kuala Lumpur. 1980, p. 238. Порой высказывания по этому вопросу бывают весьма жесткими. Как отмечал, например, бывший генеральный директор ДБП Азиз Дераман на Конгрессе малайской интеллигенции в 1988 г., «выживание национальной культуры зависит от выживания малайской культуры и нации». См.: А. AZIZ DERAMAN. Pembangunan Kebudayaan: Kenapa Suatu Kemestian. Kertas kerjaKongres Cendekiawan Melayu '88. Bangi, April 1988, h. 29—31.
24. FAISAL HJ. OTHMAN. Islam dan Masalah Pembangunan Bangsa Melayu. Kertas kerjaKongres CendekiawanMelayu '88. Bangi, April 1988, h. 40—46.
25. Whipping under hudud can be done in public, Kelantan deputy MB says. — Malay Mail. 11.V.2015.

ББК 63.3 (5 Кит) + 86.39 (5 Кит) / УДК 94 (510)+294 (510)

Формирование принципов взаимоотношений буддизма и государственной власти в имперском Китае

М. В. Орбодоева, Л. Е. Янгутов

Аннотация. Публикация посвящена проблеме формирования принципов взаимоотношений буддизма и государственной власти, продолжавшихся в течении многих веков. Начавшись в эпоху Вэй (220—265 гг.), они завершились в эпоху Тан (618—907). В работе прослеживаются характерные особенности и эволюция взаимодействия буддизма и власти, выявляются основные противоречия между ними и решение этих противоречий в каждой из рассматриваемых эпох императорского Китая. Принципы формирования взаимоотношений буддизма и государственной власти раскрываются на фоне развития буддизма в Китае в контексте его социальной и политической востребованности в этой стране.

Ключевые слова: буддизм, конфуцианство, власть, государственное управление, социальная и политическая востребованность, империя.

Abstract. The publication is devoted to the formation of the principles of the relationship between Buddhism and the State power that lasted for centuries. Starting in the era of Wei (220—265), it was completed in the era of the Tang dynasty (618—907). The work traces the characteristics and evolution of interaction between Buddhism and power identifies contradictions between them and resolving these contradictions in each of the eras of Imperial China. Principles of forming the relationship of Buddhism and State authorities disclosed on the background of the development of Buddhism in China in the context of its social and political relevance in the country.

Key words: Buddhism, Confucianism, power, public administration, social and political relevance, Empire.

Буддизм сегодня представляет собой существенный и необходимый фактор социокультурных и политических реалий Китая. Важную роль в этом играет его успешное взаимодействие с государственной властью, способствующее реализации внутренней и внешней политической стратегии правительства, что составляет неотъемлемую часть политической культуры Китая. Китайское руководство воспринимает буддизм в качестве одного из важнейших ресурсов стратегии «мягкой силы», проводимой им в целях достижения идеи «гармоничного мира», провозглашенной в 2005 г. на Афро-азиатском форуме в Джакарте председателем КНР и генеральным секретарем КПК Ху Цзиньтао ¹. Эта идея нашла свое подтверждение в решениях последнего съезда КПК.

Буддизм, в свою очередь, в уставе своей Ассоциации (КБА) провозгласил, что «основные цели работы ассоциации — помочь правительству в воплощении политики свободы вероисповедания; объединяя усилия последователей буддизма всех народностей страны, развивать буддийские традиции; активно участвовать в строительстве социализма, способствовать сохранению мира на земле»². В настоящее время буддизм в Китае представляет собой самую многочисленную религиозную конфессию из пяти, официально признанных³. Его деятельность регулируется КПК, которая наиболее активно использует буддизм в своей внешнеполитической стратегии, что позволяет говорить о китайской «буддийской дипломатии». Лидер Ассоциации китайских буддистов Чжао Пучу называл это учение «золотой нитью» в негосударственных отношениях КНР с другими азиатскими странами⁴. Между тем, принципы успешного взаимодействия власти с буддизмом сформировались не в нынешней политической практике китайского руководства, а восходят к далеким имперским временам и составляют неотъемлемую часть политической истории Китая. Формирование этих принципов началось в смутные времена китайской истории — в годы правления династий Вэй (220—265) и двух Цзинь (265—420).

Проникновение буддизма в Китай изначально было связано с инициативой ханьского императора Мин-ди (57—75), увидевшего изображение Будды в своем вещем сне. Об этом говорится в самом раннем буддийском сочинении «Ли хо лунь» («Трактат о разрешении сомнений»), написанном китайским автором Моу-цзы в начале распространения буддизма в Китае: «В старину император Мин-ди увидел во сне святого, тело которого (излучало) солнечные лучи, а сам он в блаженстве и радости летал перед дворцом. На другой день (Мин-ди. — *М.О., Л.Я.*) созвал сановников и спросил у них об этом святом. Мудрец Фу И ответил ему: “Ваш слуга слышал, что в Индии есть человек, который постиг Дао. Его зовут Буддой, он летает в пустоте, а тело его [излучает] солнечные лучи. Пожалуй, это был он”. Тогда император Мин-ди отправил посла Чжан Цяня⁵, военного охранника Цинь Цзиня, ученого Ван Цзуня и других, всего двенадцать человек. [Посольство] достигло страны Юэжи (область Северной Индии в период Кушанской империи. — *М.О., Л.Я.*). Здесь была переписана сутра “Сыши эр чжан цзин” (“Сутра сорока двух глав”⁶)»⁷. Эта легенда была подхвачена первыми буддийскими миссионерами и стала их официальной версией распространения буддизма в Китае.

Орбодоева Марина Валерьевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ. E-mail: orbodoevamv@yandex.ru; *Янгутов Леонид Евграфович* — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ. E-mail: yanguta@mail.ru.

Orbodoeva Marina V. — candidate of historical sciences, junior researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Ulan-Ude. E-mail: orbodoevamv@yandex.ru; *Yangutov Leonid E.* — doctor of Philosophy, chief researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Ulan-Ude. E-mail: yanguta@mail.ru.

Между тем, реальных следов пребывания данного посольства до сих пор не обнаружено, хотя первые сведения о присутствии буддизма в Китае действительно относятся к ханьскому периоду, в середине которого правил император Мин-ди. Но факты, указывающие на появление буддизма в Китае в ханьский период, представляют собой лишь эпизодические сведения, которые ни в коем случае не указывают на действительное распространение индийского учения в этой стране. Оно началось лишь во времена Вэй (220—265) и двух Цзинь (265—420), когда была подготовлена социальная и политическая почва для внедрения чужеземной религии в страну, не знавшую и не воспринимавшую до этого чужеземного влияния. На эти периоды приходится распад некогда единой и могущественной ханьской империи, растянувшийся на долгие века и характеризовавшийся глубоким кризисом, как в социально-экономической, так и в духовной сфере. Это был период падения прежних ценностей в нравственной, культурной и социальной областях. Конфуцианство, которое являлось официальной идеологической доктриной ханьской империи, стало терять свои позиции. Даосизм также претерпевал критическое переосмысление. Падение прежних ценностей создавало благоприятные условия для проникновения в китайское социокультурное пространство иноземных идей.

Как известно, крах империи Хань, последовавший после восстания «Желтых повязок» в 184—204 гг., привел к образованию трех враждовавших друг с другом государств: Вэй (220—265) на севере Китая, Шу (221—263) на юго-западе и У (222—280) на юго-востоке.

Правопреемником ханьской империи стало царство Вэй, поскольку именно его основателю, бывшему ханьскому полководцу Цао Цао принадлежит заслуга в разгроме восстания «Желтых повязок», а его сыну Цао Пи — слава ниспровергателя последнего ханьского императора Сянь-ди и основателя новой династии Вэй. Будучи правопреемником ханьской империи, Сянь-ди начал борьбу за подчинение своей власти царств Шу и У. Затянувшаяся война между царствами, а также борьба между влиятельными кланами внутри царств, усугубленные нашествием кочевых племен, обусловили крайне бедственное положение населения Китая. В исторической хронике «Вэй шу» («История династии Вэй») весьма красочно отражено это положение. В ней говорится: «В Поднебесной царил великая смута. Народу оставался лишь [один] путь: погибнуть либо со щитом и копьём [в руках], либо от неурожая и голода. Таких, кому [выпало] счастье остаться в живых, было не более пяти из каждых десяти [человек]»⁸.

Объединение трех царств под началом царства Вэй и образование новой династии Западная Цзинь (265—317) не смогли решить ни экономических, ни социальных, ни политических проблем. Междоусобная борьба между сильными домами не прекращалась, а нашествие извне все более усиливалось. По свидетельству хроники династии Цзинь («Цзинь шу», «История династии Цзинь»), написанной Фань Сюанлинем, в то время «люди поедали друг друга. Грудами валялись белые кости, на дорогах разлагались смрадные останки. Император направил шийи Хоу Вэня доставить из столичных продовольственных амбаров рис и бобы и варить из них кашу для голодающих. Несколько дней шла раздача, но умерших

становилось все больше. Поэтому император стал подозревать, что ведающие тем чиновные власти воруют продовольствие из правительственных складов. Тогда [он приказал] вынести трон, чтобы лично наблюдать за раздачей [продовольствия]. Все голодающие со слезами на глазах говорили: “Только теперь [мы] получили [пропитание]!”»⁹. В хронике «Цзинь шу» описывались не только бедствия населения, но и недовольство масс существующими порядками, их ожидание перемен, воцарения в стране спокойствия и благоденствия.

Династия Западная Цзинь просуществовала всего пятьдесят один год — с 265 по 316. Ее падение ускорили вторгнувшиеся на север Китая племена кочевников во главе с Лю Юанем и образовавшееся там государство Северная Хань (304—309). Последующая династия, Восточная Цзинь, унаследовала все проблемы Западной Цзинь, но просуществовала намного дольше — с 317 по 420 год.

Нашествие кочевников стало одним из главных бедствий и для Восточной Цзинь. Оно усугубляло не только нестабильность, упадок, разруху и голод, но и крушение государственных устоев, с четко налаженным механизмом политического, административного и социального регулирования, что в свою очередь обостряло борьбу между кланами. Страна вступала в фазу раздробленности, которая нанесла окончательный удар государственным устоям империи.

В этих условиях буддизм с его проповедями ухода от реалий бедственного положения в настоящей жизни и обещаниями спасения в загадочной нирване все более соответствовал духовным запросам китайцев. Его влияние стало охватывать все большее число населения. На него обратили внимание и императоры. Однако внимание царствующих особ к буддизму нельзя рассматривать как отношение власти к религии. Оно было весьма неоднозначным и зависело исключительно от настроения императора. Сам Цао Цао, относившийся скептически ко всякого рода магическим обрядам и религиозным сектам, издал указ об их запрете. В его памяти была свежа деятельность даоской секты во главе с Чжан Цзюэ, приведшая к восстанию «Желтых повязок». Но к буддизму он проявил определенную лояльность¹⁰. В роду Цао также относились к буддизму снисходительно. Однако были и случаи, когда отдельные правители Вэй видели в нем определенного рода «злоупотребление» и склонялись к его запрету¹¹. В целом, отношение властвующих особ к буддизму можно охарактеризовать как нейтральное. В исторических хрониках нет данных, указывающих на гонения или же поддержку буддизма со стороны императорской власти. Об этом свидетельствует и утверждение буддийского монаха эпохи Тан Шэн Цин в 3-м цзюане (Бей шан лю) — (Хэ Ба Ван Пянь): «[Цао Цао] хоть никогда широко не поддерживал, но и также никогда не препятствовал буддизму». Этот аргумент достаточно правдоподобен и заслуживает внимания¹².

Между тем, в соседнем царстве У буддизм первоначально был поддержан царствующими особами. В этом была заслуга таких знаменитых буддийских миссионеров, как Чжи Цянь и Кан Сэн-хуэй, развернувших большую миссионерскую и переводческую работу. Слава об их талантах достигла пределов царства У еще до их прибытия. Чжи Цянь, спасаясь от смуты, охватившей Китай в последние годы ханьской империи, перебрал-

ся в царство У и был принят со всеми почестями основателем царства, императором Сунь Цюанем (229—252). В сочинении «Гао сэн чжуань» («Жизнеописание достойных монахов»), написанном Хуэй Цзяо (497—554) говорится: «Чжи Цянь всесторонне обозрел канонические книги, изучил их в совершенстве, все без исключения. Достоянием его ума стало многое из того, что составляет мирские ремесла и искусства. Везде, где ни побывал Чжи Цянь, он изучал местные письмена; владел он и языками Шести государств»¹³. Далее сообщается о том, что император, прослышав о талантах Чжи Цяня, призвал его к себе и «остался им доволен и пожаловал звание “всеученейшего мужа” (боши), определив на должность наставника наследника престола»¹⁴.

Сунь Цюанем был принят и Кан Сэн-хуэй. В «Гао сэн чжуань» сообщается о деяниях Кан Сэн-хуэя по строительству монастырей и ступ, а также о чуде, которое он явил Сунь Цюаню в виде шарира (мощей)¹⁵, над которым пылало «яркое пламя, переливаясь пятью цветами». После этого Сунь Цюань «возвел ступу и поместил в нее шарира. Поскольку то был первый монастырь, его назвали Цзяньчусы (монастырь, положивший начало). Окрестные земли поименовали деревней Будды. Великий закон дал всходы в землях Цзянцзо (земли царства У. — *М.О., Л.Я.*)»¹⁶.

Благосклонное отношение правителя царства У к буддийским деятелям несомненно облегчало продвижение буддизма в его царстве, однако это было всего лишь отношение правителя к отдельному представителю буддизма. Преемник Сунь Цюаня Сунь Хао (264—280), уже через несколько лет взошедший на престол, испытывал по отношению к буддизму неприязнь, что проявилось в издании жесточайших указов, запрещающих «непристойные» культы. Дело дошло до того, что он намеревался разрушить уже возведенные буддийские храмы. Но, согласно историческим преданиям, которые были зафиксированы в «Гао сэн чжуань», после того, как по поручению Сунь Хао была осквернена статуя Будды, Сунь Хао тяжело заболел, и ничто ему не могло помочь. Его наложница, почитавшая буддизм, нашла оскверненную статую Будды, помыла ее и воздала покаяние. Сунь Хао также покался в грехе, и его болезнь отступила. Тогда он послал гонцов за Кан Сен-хуэем и после беседы принял от него 5 обетов для мирян, придя в восторг от Великого учения¹⁷.

О проникновении буддизма в царство Шу сохранилось очень мало сведений. По словам авторов фундаментального труда «Чжунго фочзяо тунши» («Всеобщая история китайского буддизма»), «Царство Шу находилось в отдаленных районах (на западе), и в редко встречающихся исторических записях о царстве Шу, дается скудная информация о развитии там буддизма»¹⁸. О том, что буддизм дошел и до этого царства, свидетельствуют обнаруженные в наше время памятники материальной культуры, которые относятся к этому учению¹⁹.

На период Вэй приходится формирование переводческой традиции, начало которой положили Ань Шигао и Локакшема, прибывшие в Китай в конце правления ханьской династии. Ань Шигао оказался там во время правления императора Хуань-ди (147—148), а Локакшема — Лин-ди (168—189). В период Вэй уже стали ощущаться плоды работы буддийских миссионеров, знакомивших китайцев с азами буддизма. Его идеи начали проникать в различные слои китайского общества, включая выс-

шие²⁰. Буддизм заинтересовал китайцев не только как загадочная иноземная религия, но и как учение, обещающее спокойствие и благоденствие, что было весьма важным в условиях безысходности и отсутствия надежд на лучшее будущее. Однако настороженное отношение китайцев к буддизму сохранялось. Говоря словами автора «Гао сэн чжуань», в период Вэй китайские земли «еще только окропились Великим законом (Учением Будды. — *О.М., Л.Я.*)», но духом его еще «не пропитались»²¹. Иными словами, китайцы в тот период были уже знакомы с буддизмом, но еще не были готовы исповедовать его.

Правители царств проявляли определенный интерес к новому учению, но при этом их отношение ограничивалось, главным образом, личной симпатией или антипатией, что не особенно сказывалось на самом процессе его распространения в Китае. Правители царств не видели в буддизме непосредственной опасности для себя, но тем не менее относились к нему настороженно. Эта настороженность проявлялась в том, что еще начиная с ханьских времен, правящие династии запрещали постригаться в монахи коренным китайцам²². Однако, несмотря на такой запрет, ряды буддийской общины пополнялись, в основном за счет случайных людей, которые в лихую годину искали в буддийской общине убежище от невзгод. В «Гао сэн чжуань» говорилось: «В то время закон Будды хотя и обретался в пределах Вэй, однако дух его был извращен. Находились такие монахи, которые не приняли монашеские обеты и отличались от мирян только тем, что прошли постриг»²³.

После объединения Китая под властью империи Цзинь интерес правителей к буддизму заметно вырос. Началось покровительство учению со стороны властей, проявлявшееся в том, что они способствовали строительству храмов, поощряли ритуальные службы. В этот период число буддийских монастырей в столице резко увеличилось. Большую благосклонность к буддизму проявлял первый император Западной Цзинь У-ди (265—290). Но его благосклонность касалась исключительно внешней атрибутики буддизма. В «Гао сэн чжуань» говорится: «В годы правления династии Цзинь императора У-ди (265—289) монастыри и храмы, иконы и статуи Будды хотя и почитались в стольном граде, но Вайпуля-сутры во всей их глубине оставались сокрытыми за Луковичными горами (Памир)»²⁴. Этим утверждением автор подчеркивал, что хотя буддизма и почитался, но почиталась, главным образом, его внешняя атрибутика, а глубина философско-социологического содержания еще не была доступна китайцам. Несмотря на то, что строительство монастырей при Западной Цзинь расширялось, запрет на пострижение в монахи коренных китайцев сохранялся²⁵.

Монастырское строительство в Китае периода Западной Цзинь составило особую страницу распространения буддизма в Китае и взаимоотношения власти с учением. Со строительством монастырей связано и становление буддийской сангхи в стране. Началось монастырское строительство согласно предписанию Винаи, содержавшего устав монастырской жизни и закон, регламентировавший правила поведения монахов. Начало этому положил прибывший в Лоян уроженец Центральной Индии Дхармакала (Танькэцзяло). «Дхармакала стал повсеместно проводить закон Будды. Монахи всей общиной просили его полностью пере-

вести и опубликовать монашеский устав. Исходя из того, что построение и стиль построений чрезвычайно сложны, а закон Будды еще не вошел в силу, Дхармакала решил, что проку от этого не будет. Он перевел “Сэн ци цзе синь”, где содержались предписания по распорядку дня в монастырях»²⁶.

Расширение монастырского строительства ознаменовало окончательное формирование буддийской сангхи в Китае, которая стала существенным фактором не только культурной, но и социальной и экономической жизни страны, вызвав тревогу властей. Особенно это было связано с тем, что сангха в Китае формировалась согласно фундаментальным основам индийской традиции, где она имела свой независимый статус. Согласно ему, буддисты не должны были подчиняться светским законам и не обязаны были кланяться государю. Попытки сохранения этого статуса привели к неизбежным столкновениям буддийской сангхи и государственной власти. Именно с этих столкновений началось формирование принципов взаимоотношений государственной власти и буддизма, которые просуществовали на протяжении всей истории императорского Китая и сохранились в наши дни. Для представителей бюрократического аппарата власти, в котором оставались незыблемыми конфуцианские принципы управления государством, отказ кланяться императору был неприемлем.

Формирование принципов взаимоотношения власти и буддизма началось с противостояния бюрократического аппарата и буддийской сангхи. Это противостояние спровоцировали конфуциански настроенные чиновники. И это не случайно. Дело в том, что конфуцианство, несмотря на ослабление своих позиций в идеологической сфере, не утратило эффективности в сфере государственного управления и продолжало сохранять влияние в административно-бюрократических кругах. Оно изначально не приняло буддизм и стало главным идеологическим противником распространявшегося иноземного учения. В 340 г. один из высших сановников государственного аппарата Юй Бин (296—344) издал эдикт, предписывавший всем буддийских монахам Западной Цзинь выражать почтение императору, поскольку это соответствовало исконным китайским традициям. Он утверждал, что законы и предписания императора как верховного правителя обязательны для всех, в противном случае наступят беспорядки и недоразумения²⁷. В ответ защитники буддизма во главе с сановником, выражавшим интересы сангхи, Хэ Чуном (292—346), выдвинули возражение, суть которого заключалась в том, что императоры, начиная с Мин-ди, не заставляли буддийских монахов выражать полное почтение к своей драгоценной особе²⁸.

Начавшееся противостояние имперской бюрократии и буддизма в период Западной Цзинь получило широкий размах в период Восточной Цзинь. В этом противостоянии, по словам К. Чэня, для буддистов решался вопрос о том, обязаны ли они подчиняться светским законам, став частью существующей политической системы, или должны продолжать сохранять свой независимый статус²⁹. А для имперской бюрократии суть противоречий сводилась к тому, сохранит ли она существовавшую систему государственного управления, для которой характерна сакрализация государственной власти, дарованной Небом, или ей придется принять политическую систему, где наравне с государем стоит буддийская церковь.

О масштабе этой дискуссии говорит тот факт, что в нее со стороны сторонников сангхи включился знаменитый буддийский патриарх Хуй Юань (334—416), а со стороны конфуцианской бюрократии — влиятельный сановник Хуань Сюань (369—404), узурпировавший власть и провозгласивший образование государства Чу, просуществовавшего с 403 по 404 год. Вместе с тем, стоит отметить, что в диалоге между сангхой и имперской бюрократией в период Восточной Цзинь наметилась тенденция перехода от взаимных упреков к поиску определенных компромиссов. Этот аспект отразился в переписке Хуй Юаня и Хуань Сюаня. В ответ на письмо Хуань Сюаня с требованием проявления монахами почтительности по отношению к императору, Хуй Юань признал эту необходимость, но только для буддистов-мирян, а не для монахов. При этом Хуй Юань заверил, что монахи не проявляют враждебности к императору, а наоборот помогают ему сохранять мир и спокойствие среди подданных³⁰. Хуань Сюань был вынужден согласиться с рядом доводов Хуй Юаня.

Другой важной тенденцией сближения позиций сангхи и власти явился тот факт, что во времена правления династии Восточная Цзинь императоры не только поддерживали буддизм, но и стали принимать буддийскую веру, становясь последователями этого учения. Так, императоры Юань-ди (317—322) и Мин-ди (323—325), приняв буддийскую веру, в знак уважения монахов возвели буддийские храмы, а Мин-ди также построил школу, названную школой 100 монахов³¹.

Еще одним фактором во взаимоотношениях государственной власти и буддизма стало нашествие кочевых племен в северные районы Восточной Цзинь. Сюда вторглись племена Сюнну (гунны), Цзе, Сяньби, Ди, Цян и другие этнические группы, которые совместно образовали 16 варварских царств: Чжао (два царства), Цинь (три царства), Янь (четыре царства), Лян (пять царств), Чэн (Чэнхань), а также Ся³². Правители в этих районах переняли конфуцианские принципы государственного управления, но в идеологическом плане обратили внимание на буддизм, как на идеологическое средство укрепления своей власти. Очевидно, что иноземный характер буддизма был более привлекательным для пришлых правителей. В подобном внимании к буддизму проявилась важнейшая тенденция, во многом решившая судьбу буддизма в Китае, — наметившееся прагматичное отношение к нему власти.

Буддизм становился востребованным учением. Вместе с тем, чем больше он принимался в политических целях, тем отношение к нему власти было жестче. Все большее обособление Севера Китая, где господствовали не китайские династии, от Юга, где продолжали править китайские династии, привело к образованию Южных и Северных царств. При этом проблема взаимоотношения государственной власти и сангхи в каждом из царств решалась по-разному, по-разному шло и развитие буддизма³³. На Юге власть была слабой, поэтому сангха сохраняла свою принципиальную позицию, несмотря на неоднократные попытки уменьшить права буддистов. Претензии властей не ограничивались лишь требованием кланяться императору. Дело в том, что буддийские монастыри в этот период стали удобным прибежищем для тех, кто скрывался от светских законов и уклонялся от налогов и трудовых повинностей, что не устраивало власти. Поэтому правительство требовало от монастырей избавляться от по-

добных личностей, оставив в монахах лишь достойных, выполняющих монашеские заповеди. Остальных предлагалось расстригать и возвращать в мир. Соглашаясь с этими требованиями, буддисты упорно отказывались выражать почтение монарху³⁴, и в 404 г. был выпущен эдикт, закреплявший за буддистами это право³⁵. Особую поддержку буддизму оказывали императоры династии Лян (502—557). Лянский император У-ди (502—549) приобрел известность как его страстный поклонник. Благоволили буддизму и последующие лянские императоры — Цзянь Вэньди (550—551) и Юань-ди (552—554)³⁶.

На Севере, где господствовали некитайские династии, государственная власть оказалась гораздо сильнее. Перед ней стояла первоочередная задача — закрепить свое господство на завоеванной территории. Поэтому проводилась политика укрепления государственной собственности на землю. У завоеванных ими китайцев пришлые династии переняли систему государственного управления, основанную на конфуцианских принципах, поскольку она оказалась наиболее приемлемой в достижении намеченных целей. В 485 г. был издан императорский указ, который устанавливал новый порядок распределения земель, известный как надельная система (цзюнь тянь чжи), который ограничивал рост землевладений местной знати³⁷. Буддийские монастыри, превратившиеся в крупных землевладельцев, не вписывались в экономическую стратегию власти. Необходим был жесткий контроль над сангхой. Поэтому сразу же после установления династии Северная Вэй (386—534) была учреждена должность для осуществления юрисдикции над монастырской общиной. Иначе говоря, государство официально устанавливало свой контроль над сангхой. Проблема почитания императора была решена своеобразным образом. На новую должность был назначен монах Фаго, который выдвинул тезис о том, что император является воплощением Татхагаты³⁸. Поэтому монахи, оказывая почтение монарху, тем самым оказывали почтение самому Будде³⁹. Таким образом, силой и хитростью государство пыталось осуществлять контроль над сангхой.

Причем контроль не ограничивался лишь этим. Правители Северной Вэй предприняли ряд мер по социальному ограничению сангхи. Среди них наиболее важными были такие меры, как государственная регистрация монахов и контроль за численностью вступавших в буддийскую сангху. В 492 г. был издан указ, согласно которому большим провинциям разрешалось принимать в монахи и монахини только 100 чел. в 8-й день 4-го месяца (день рождения Будды) и в 15-й день 7-го месяца (всеобщий праздник буддистов), средние провинции могли принимать всего 50 чел., малые — 20⁴⁰. Помимо этого власти следили и за экономическим развитием монастырей. Их земельные богатства «составлялись за счет особых “монастырских наделов”, земель, пожалованных императором и знатью, а также наделов крестьян, приписанных к монастырям. Церковные земли считались неотчужденными и освобождались от налогообложения. Податные привилегии монастырей привлекали многих тяговых крестьян»⁴¹. Такое экономическое положение не вполне устраивало власть, поэтому она периодически устраивала гонения на монастыри, подрывая их экономическое положение. При этом «ни одно из этих мероприятий не столкнулось с каким-либо существенным сопротивлением, что сви-

детельствует о политическом бессилии сангхи перед государством»⁴². Наиболее сильными гонениями прославился император У-ди (561—577) династии Северная Чжоу (557—581). В результате его деятельности монастырям был нанесен огромный экономический ущерб. Было разрушено множество монастырей, сломано статуй будд и т.п.⁴³

Объединившая Север и Юг Китая династия Суй (581—618) взяла курс на строительство централизованного государства. В буддизме новые власти увидели соответствующую их созидательным чаяниям идеологию. Идея единства всего сущего, выдвигаемая формирующейся в этот период школой тяньтай, соответствовала политическим устремлениям суйских властей, направленным на объединение раздробленной страны. Основатель династии Вэнь-ди (541—604) стал ярым поклонником буддизма. Одним из первых его действий на суйском престоле было восстановление разрушений, нанесенных императором У-ди. Средневековый монах Чжи Пань в сочинении «Фо цзу тун цзи» указывает, что уже на первом году своего правления император Вэнь-ди (581—604) издал указ, предписывавший отремонтировать все монастыри, разрушенные в эпоху Чжоу. Людям, жившим на территории империи Суй, предписывалось вносить деньги на установку канонных, статуй святых и т.п.⁴⁴ В этом же сочинении приводится послание императора, адресованное основателю школы тяньтай Чжи И, в котором говорится: «Если императоры двух династий Чжоу разрушали буддизм, то я решил защитить его и установить закон (Будды). Как только я получил на то мандат, буддизм был восстановлен»⁴⁵.

Большое значение Вэнь-ди придавал политической значимости буддизма. Начав строительство централизованного государства, что предполагало кардинальное реформирование всей системы, от административной до экономической, он нуждался в поддержке своих начинаний, для чего всемерно использовал авторитет буддийской церкви. Поддержка со стороны буддийских иерархов была ему необходима и в отношениях с Югом Китая, где, как уже говорилось, буддизм пользовался большой популярностью, в том числе и у императорского двора. Однако политическая значимость буддизма не означала его самостоятельного статуса, а наоборот предполагала все большее усиление контроля над деятельностью сангхи. Наряду с реформированием государственного аппарата, Вэнь-ди ужесточил административный контроль над буддийской сангхой⁴⁶. При дворе была создана чиновничья должность датун (главный инспектор), которому вменялся в обязанность контроль за буддийским духовенством и монастырями. Здесь Вэнь-ди не был оригинален, поскольку практика назначения чиновников по контролю за буддистами, как уже было сказано, применялась северными правителями, начиная с династии Северная Вэй⁴⁷. Назначенный на должность датуна Лин Цзан пользовался большими привилегиями во дворе, что давало повод говорить о большой религиозности Вэнь-ди⁴⁸.

Однако это было скорее всего проявлением гибкости политики Вэнь-ди по отношению к буддизму: с одной стороны, всемерная поддержка, с другой, — жесткий контроль за деятельностью сангхи. О таком контроле свидетельствует изданный в 583 г. указ, в котором Вэнь-ди установил сроки проведения религиозных мероприятий в монастырях и запретил ритуальные убийства животных⁴⁹. Вместе с тем, вопрос о том, должны

ли монахи кланяться монарху, все еще оставался открытым. В 606 г. преемник Вэнь-ди, его сын, император Ян-ди, издал указ, который предписывал всем буддийским и даосским монахам делать это. Однако указ не был до конца претворен в жизнь ⁵⁰.

Ян-ди продолжил политику своего отца и получил известность не только благодаря своими действиями по укреплению государства, но и как яркий последователь буддийского учения. Он оказывал всемерную поддержку переводу буддийских сутр с санскрита на китайский язык ⁵¹, был последователем учения Чжи И, основателя школы тяньтай на Юге Китая, что указывает на то, что суйские правители, переняв политическую практику отношения к сангхе с Севера, философские тонкости буддизма взяли с Юга ⁵².

Пришедшая на смену суйским правителям династия Тан (618—907) переняла, в свою очередь, политическую составляющую политики суйских властей, доведя до полного завершения принципы взаимоотношения государственной власти и буддизма

Танский период китайской истории буддизма стал его «золотым веком», характеризующимся развитием буддийского искусства, его философии. Были оформлены все школы китайского буддизма. Завершился процесс перевода буддийских сутр с санскрита на китайский язык. Буддийские идеи проникли во все сферы социальной и культурной жизни страны. Повысилась социальная значимость монастырей, которые занимались лечением населения, содержали медицинские учреждения, учреждали бесплатные столовые, ночлежки и т.п. Монастыри становились центрами обучения ⁵³. Закономерным было усиление их экономического положения. Но самым значимым явлением танского периода в истории китайского буддизма стало то, что он превратился в неотъемлемый фактор большой политики, с которым приходилось считаться каждому, кто хотел править «Поднебесным миром» ⁵⁴.

Вместе с тем, с усилением роли буддизма в культурной, социальной и политической жизни Китая все более возрастала зависимость сангхи от государственной власти. Если суйские правители не смогли окончательно решить вопрос о статусе буддийской сангхи, то танские власти предприняли решительные меры для лишения сангхи независимого статуса. Монахам вменялась обязательная регистрация, численность их лимитировалась. Несмотря на то, что, согласно Винае, поведение монахов определялось монастырским уставом, государство начало осуществлять контроль за поведением монахов в соответствии со светскими законами ⁵⁵. «Со второй половины VII века часть монастырей была взята на казенное содержание, а их монахам вменялось в обязанность молить о благоденствии царствующего дома. Монахи получали специальные удостоверения и приписывались к определенному монастырю. Государство полностью подчинило внутреннюю жизнь буддийской общины, делами которой ведали специальные бюрократические органы. Двор присвоил себе право жаловать монахам почетные звания и знаки отличия, часто продававшиеся за деньги» ⁵⁶.

Унаследовав традицию правителей Северной Вэй и Суй по осуществлению контроля за сангхой с помощью специальных бюрократических органов, танские правители ужесточили деятельность этих органов. Если

раньше их главой были буддийские монахи, то в танский период на эту должность назначались светские чиновники ⁵⁷.

Буддизм стал выполнять функцию учения, помогающего государству держать народ в повиновении. Государство использовало буддийскую религиозную обрядность, его культы, философские доктрины в своих целях. Так, например, на пятом месяце правления императора Тай-цзуна (627—649) буддистам было указано совершать молебны о «благополучном завершении осени» в течение семи дней и ночей ежегодно ⁵⁸. Другой пример утилитарного использования буддизма — обоснование императрицей У Цзэтянь своего права на престол. Дело в том, что, согласно конфуцианскому учению, женщинам не разрешалось занимать пост главы государства. Поэтому, когда в 683 г. императрица У Цзэтянь узурпировала власть, ей необходимо было обосновать свое право на власть. Такая возможность была найдена в содержании буддийской сутры «Да юнь цзин» (Сутра большого облака), переведенной в V в. известным переводчиком буддийской литературы Дхармакшемой. В этой сутре приводится беседа Будды с женским божеством, в которой Будда предсказывает, что она в будущем рождении, благодаря наставлениям Будды и чтению «Махапаринирвана-сутры», родится вселенским монархом. Императрица велела распространить текст «Да юнь цзин» по всей империи, построить монастыри Да юнь. Сама же она была объявлена воплощением Майтреи — Будды грядущего ⁵⁹. По мнению К. Чэня, «китайские монахи, участвуя в дворцовых молебнях с целью защиты благополучия империи, подчинили свои интересы интересам государства. Они отказались от принципа отрешения от мирских дел, полностью включились в политические дела правительства как верноподданные китайцы. Подобно тому, как имперская армия была военным орудием, имперская бюрократия — политическим орудием, сангха служила религиозным орудием правительства, обеспечивая служение духовных сил благу государства» ⁶⁰.

В период Тан получили расцвет буддийские школы, сформированные на китайской почве и не имевшие своего аналога в Индии. Это школы тяньтай, чань и хуаянь. Они пользовались большой поддержкой властей. Немаловажным фактором такой поддержки стала центральная философско-религиозная доктрина этих школ, согласно которой природа Будды содержится во всем сущем, все сущее должно стремиться к постижению этой единой природы Будды. Для танских властей, продолживших политику объединения Китая и централизации власти, такая доктрина было весьма актуальной. И, наконец, весьма значимым в отношениях государственной власти и буддизма стало использование властями этого учения в своей международной практике. Буддизм становился важнейшим фактором публичной дипломатии. Танские правители разглядели в буддизме мощный потенциал своего влияния на соседние государства — Тибет, Корею, Японию.

Таким образом, диалог между государственной властью и буддистами, продолжавшийся в течение нескольких веков, окончательно решился в пользу государственной власти. Танские правители превратили буддизм в одно из действенных средств государственного управления, как внутри страны, так и за ее пределами. Так завершился процесс окончательного подчинения буддийской церкви государству и тем самым — процесс фор-

мирования принципов взаимоотношений буддизма и государственной власти. Эти принципы стали неотъемлемой частью политической культуры Китая, гармонично вписываясь в политическую стратегию страны на всем протяжении ее истории, и сохранившись до наших дней.

Примечания

- Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.3. Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии, государственная регистрация № АААА-А17—117021310263—7).
1. Даго цэ: тунсян даго чжи лудэ жуаньшили (Стратегия великой державы: мягкая сила на пути к могуществу). — Бэйцзин: жэньминь жибао чубаньшэ. 2008, с. 50—51.
 2. Буддизм в социокультурных и политических процессах России, Внутренней и Восточной Азии. Улан-Удэ. 2016, с. 307.
 3. HONGYI HARRY LAI. The Religious Revival in China. — Hongyi Harry Lai. The Copenhagen journal of asian studies. Copenhagen. 2003, № 18, p. 40—46.
 4. JI ZHE. Zhao Puchu and his Renjian Buddhism. In: ZHE JI. The Eastern Buddhist. Kyoto. 2013, vol. 44, № 2, p. 35—58.
 5. Чжан Цянь — путешественник-дипломат, направленный императором У-ди для установления связей с юэжи против хунну. Собрал сведения о землях Средней Азии, которые вошли в «Исторические записки» («Ши цзи») Сыма Цяня.
 6. Эта сутра считается самой первой, переведенной на китайский язык. По мнению известного китайского буддолога Тан Юнтуна, она создана неизвестными авторами в промежутке между 58 и 147 годами. См.: Тан Юнтун. Хань, Вэй лян Цзинь, Наньбэйчао фоцзяо ши (История буддизма периодов Хань, Вэй, двух цзинь, Южных и Северных царств). Т. 1. Пекин. 1963, с. 24.
 7. МОУ-ЦЗЫ. Лихолунь. Хунминци, л. 8а-8б.
 8. История династии Вэй. Пекин. 1958.
 9. История династии Цзинь (Цзинь шу). Текст воспроизведен по изданию: Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье. М. 1980.
 10. Чжунго фоцзяо тунши (Всеобщая история китайского буддизма). Т. 1. Цзянсу. 2010, с. 125.
 11. Там же.
 12. Там же, с. 126.
 13. ХУЭЙ-ЦЗЯО. Гао сзнь чжуань (Жизнеописания достойных монахов). Т. 1. М. 1991, с. 110.
 14. Там же, с. 111.
 15. Там же, с. 112.
 16. Там же, с. 112.
 17. Там же, с. 114—116.
 18. Чжунго фоцзяо. Китайский буддизм: в 4 т. Т. 1. Пекин. 1996, с. 53.
 19. Чжунго фоцзяо тунши, с. 127.
 20. ВЭЙ ДАОЖУ. Исследование буддизма периода Хань, Вэй, двух Цзинь, Южных и Северных царств. В кн.: Исследование буддийской культуры. Нанкин. 2017, № 3. с. 224.
 21. ХУЭЙ-ЦЗЯО. Ук. соч., с. 111.
 22. ВЭЙ ДАОЖУ. Ук. соч., с. 225.
 23. ХУЭЙ-ЦЗЯО. Ук. соч., с. 109.
 24. Там же, с. 117.
 25. ВЭЙ ДАОЖУ. Ук. соч.
 26. ХУЭЙ-ЦЗЯО. Ук. соч., с. 109.
 27. К.К.СН'ЕН. The Chinese transformation of Buddhism. Princeton. 1973, p. 70—71.
 28. Подробно об этом см.: КОМИССАРОВА Т.Г. «Монах не должен быть почитателен к императору». Из буддийской полемики в IV—V вв. В кн.: Буддизм и государство на Дальнем Востоке. М. 1987, с. 47—70.

29. К.К.СН'ЕН. *Op. cit.*, p. 69—71.
30. ХУЙ ЮАНЬ «Монах не должен быть почитателем к императору» («Шамэнь буцзин ван-чжэ лунь»). В кн.: «Хунминцзи». Пекин. 2013, с. 331.
31. Чжунго фоцзяо, т. 1, с. 53.
32. Там же, с. 54.
33. ТАН ЮНТУН. Ван жи цза гао (Рукописи прошлых лет). Пекин. 1963, с. 2.
34. К.К.СН'ЕН. *Op. cit.*, с. 72.
35. Там же, с. 76.
36. Чжунго фоцзяо. Т. 1. Шанхай. 1980, с. 30.
37. История Китая с древнейших времен до наших дней. М. 1974, с. 59.
38. Татхагата — один их эпитетов Будды Шакьямуни, имеющий значение «Так пришедший» или же «Так ушедший».
39. К.К.СН'ЕН. *Op. cit.*, p. 82.
40. *Ibid.*, p. 84.
41. История стран зарубежной Азии в средние века. М. 1970, с. 60.
42. МАРТЫНОВ А.С., ПОРШНЕВА Е.Б.. Учения и религии в Восточной Азии в период средневековья. В кн.: Народы Азии и Африки. 1986, с. 85.
43. Подробно об этих гонениях см.: Фан Литянь. Вэй Цзинь, Наньбэйчао фоцзяо луньцун (Исследования по буддизму периода Вэй, Цзинь, Южных и Северных царств). Пекин. 1982.
44. ЧЖИ ПАНЬ. Фо цзу тунци (A Chronicle of Buddhism in China. 581—960 A. d.). Santiniketan. 1966, p. 11.
45. Там же, с. 13.
46. ЧЕБУНИН А.В. История проникновения и становления буддизма в Китае. Улан-Удэ. 2009, с. 57.
47. Подробно об этой практике см.: ЛАНЬ ЦЗИФУ. Об истории буддизма в период Суй. Тайбэй. 1993, с. 88—90.
48. XIONG, VICTOR CUNRUI. Emperor Yang of the Sui dynasty: his life, times and legacy. Albany. 2006, p. 154.
49. *Op. cit.*, p. 156.
50. ЧЖИ ПАНЬ. Ук. соч., с. 18—19.
51. XIONG, VICTOR CUNRUI. *Op. cit.*, p. 161.
52. ФАН ЛИТЯНЬ. Вэй Цзинь, Наньбэйчао фоцзяо луньцун. Пекин. 1982, с. 243.
53. Об этой стороне деятельности монастырей см.: ЧЖИ ПАНЬ. Фо цзу тун цзи (A Chronicle of Buddhism in China 581—960 a. d.). Saniiniketan. 1966.
54. КРЮКОВ М.В., МАЛЯВИН В.В., СОФРОНОВ М.В. Китайский этнос в средние века. М. 1984, с. 171.
55. К.К. СН'ЕН. *Op. cit.*, p. 85—101.
56. КРЮКОВ М.В., МАЛЯВИН В.В., САФРОНОВ М.В. Ук. соч., с. 172.
57. К.К. СН'ЕН. *Op. cit.*, p. 116.
58. МАРТЫНОВ А.С., ПОРШНЕВА Е.Б. Учения и религии в Восточной Азии в период средневековья. — Народы Азии и Африки. 1986, № 1, с. 85.
59. К.К. СН'ЕН. *Op. cit.*, p. 11.
60. *Ibid.*, p. 109.

Документ Надир шаха Афшара и суннитско-шиитский диалог в XVIII в.

Р.М. Мамедова

Аннотация. Работа посвящена источниковедческому анализу документа — «васиге-наме», принятого в 1743 г. на собрании суннитских и шиитских религиозных ученых в Наджафе, Ираке. В этом беспрецедентном совещании участвовало не менее 100 шиитских и суннитских ученых. Собрание, организованное по инициативе Надир шаха Афшара, имело своей целью добиться от Османской империи признания учения Джафаридского мазхаба пятой школой ислама. На этом собрании был подписан документ, в котором иранские религиозные ученые подтвердили свой запрет на поношение первых трех халифов и признание их праведности, шииты стали совладельцами столба — колонны шафиитов в Мекке для своего мазхаба, а ученые Ирака, Центральной Азии и Афганистана признали святость Имама Джафара ас-Садига и его учения.

Ключевые слова: Надир шах Афшар, совещание, Наджаф, васиге-наме, ислам, шиизм, суннизм, Джафаридский мазхаб, Османская империя.

Abstract. The research poses a source study of the document — “Vasighe-name”, issued in 1743 at a meeting of Sunni and Shi’ite religious scientists in Najaf, Iraq. This unprecedented meeting was attended by at least 100 Shi’ite and Sunni scholars. The main object of the meeting convoked by Nadir Shah Afshar’ initiative was to gain by Ottoman Empire recognition of Madhab-I Ja’fari as the Islam’s fifth school. There was signed a document in which Iranian scholars confirmed their imposition on defamation of first three caliphs and recognition them sainted and under the which became co-owners of the Shafi’i column in Mecca for their madhhab, and scholars from Iraq, Central Asia and Afghanistan recognized the sanctity of Imam Ja’far al-Sadig and his teaching.

Key words: Nadir Shah Afshar, meeting, “Vasighe-name”, Islam, Shi’ism, Sunnism, Madhab-I Jafari, Ottoman Empire.

Взойдя на престол Ирана в 1736 г., Надир шах потребовал, чтобы народ страны перешел в суннизм, отказался от введенных шахом Исмаилом I оскорбительных для суннитов шиитских практик, а в вопросах права стал следовать учению 6-го шиитского имама Джафара ас-Садига¹. Обо всем этом он объявил в своей тронной речи: «Раньше в Иране был

Мамедова Рена Максуд кызы — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института рукописей им. Мухаммеда Физули НАН Азербайджана. Баку. E-mail: renamamedova@yahoo.com.

Mammadova Rana M. — PhD (History), associate professor, leading researcher of the Institute of Manuscripts named after Muhammad Fizuli of the National Academy of Sciences of Azerbaijan. Baku. E-mail: renamamedova@yahoo.com.

распространен этот мазхаб (суннизм. — *Р.М.*), и государь, покоритель мира шах Исмаил Сефевид, ... руководствуясь нуждами своего государства, покинул тот (суннитский. — *Р.М.*) мазхаб, распространив и проложив дорогу шиизму. Кроме этого, невежественные люди занялись “сабб”² и “рафд”³, бессмысленными и провокационными деяниями, которые залили землю Ирана кровью смуты и порока. До тех пор, пока эти деяния будут продолжаться, эта большая провокация не будет устранена среди приверженцев ислама. Поэтому необходимо отказаться от этого шиитского мазхаба, противоречащего вере наших доблестных и славных предков. А поскольку Хазрат Имам Джафар бен Мухаммад ал-Багир (ас-Садик) (да пребудет с ним мир!) является истинным имамом, пусть иранцы признают его главой своего мазхаба и последуют за этим превосходнейшим по вопросам фуру’ат⁴»⁵.

Таким образом, придя к власти, Надир шах так же, как шах Исмаил I (1501—1524), объявил о введении в Иране новой государственной религии — учения 6-го шиитского Имама Джафара ас-Садика (699—765), провозглашенного им пятым правоверным мазхабом сунны. Имам Джафар ас-Садик, известный как толкователь шиитского правоведения (фикх), аналогично четырем ортодоксальным суннитским школам (ханафиты, маликиты, шафииты, ханбалиты) основал свою школу — «мазхаб» — после его смерти получившую название «мазхаб-и Джафари» (Джафаридский мазхаб). Его учение в большей части придерживается методологии ханбалитской правовой школы, но в отличие от нее включает в себя традиции 12 шиитских имамов со своим сводом хадисов⁶.

С первых дней своего официального правления Надир шах бросил вызов главенству османского султана в халифате, требуя от турок признания Джафаридского мазхаба новой школой ислама. Это означало, что учение Джафара Садика должно было быть принято турками-суннитами основополагающим трудом нового мазхаба, равноценным сочинениям основателей четырех суннитских школ. Только после этого Джафаридский мазхаб мог быть включен в число правовых суннитских школ, чтобы со временем войти в суннитский ислам, а сам имам Джафар ас-Садик — приравнен к основателям суннитских учений. Однако в религиозной концепции Надир шаха имелось одно фундаментальное противоречие — шиитская имамология (то есть учение 12 имамов), от которой Надир не мог отказаться: если Джафар ас-Садик был бы приравнен к основателям суннитских правовых школ — Абу Ханифе или Аш-Ша’фии — и признан одним из составителей фуру’ат, то тогда «отрицалась бы функция 12 имамов как единственно законных хранителей и интерпретаторов, передающих эзотерическое измерение ислама»⁷, так как отказ от имамологии, по справедливому определению Х. Алгара, превратил бы Джафаридский мазхаб в «нежизнеспособный гибрид усеченного шиизма, интегрированного в суннитское течение ислама»⁸.

На протяжении всего своего правления Надир шах, добиваясь от Порты признания Джафаридского мазхаба, поддерживал отношения с османским двором — то путем обмена посольствами и переговоров, то прибегая к военной силе, но всякий раз в ответ получал непонимание и отказ. С началом похода Надир шаха в 1739 г. в Индию и русско-турецкой войной 1735—1739 гг. в отношениях между Ираном и Турцией наступило

относительное затишье. Переговоры с Портой по вопросу Джафаридского мазхаба были возобновлены в 1741 году. Впервые после восхождения на трон в переписке Надир шаха со Стамбулом звучали угрозы в адрес османского султана начать войну в случае непринятия его требований. В своем ответе султан Махмуд I (пр. 1730—1754), выражая надежду, что и впредь «меч будет в ножнах», подчеркивал, что принятый в Иране «мазхаб-и суннат» признается исламским миром как великая заслуга Надир шаха, но «авторитетные (суннитские — *Р.М.*) ученые расценивают мазхаб-и Джафари как ересь, и [поэтому] воздерживаются от его принятия»⁹.

Во время Дагестанского похода Надир шаха в Дербент в январе 1742 г. от султана прибыли посланники с очередным отказом в признании нового мазхаба. Надир, демонстрируя Порте действительное упразднение шиизма в Иране, вновь издал ферман о прекращении поношения и отрицания первых трех халифов. В фермане в религиозной розни обвинялся шах Исмаил I, который, распространив шиизм, отрицал праведность первых трех халифов и тем самым посеял между мусульманами «отрицание, ересь и разногласия», которые безбожники использовали против мусульман¹⁰.

Отношения между Ираном и Османской империей были сильно испорчены, и каждая из стран усиленно готовилась к войне¹¹: 24 сафара 1155 (30 апреля 1742 г.) османскому султану шейх-уль-исламом была дана фетва на войну с Ираном в случае нападения Надира¹². В свою очередь, последний получил от султана письмо в конце 1155 (начале 1743 г.), в котором тот, как и ранее, писал о невозможности признания мазхаб-и Джафари и получения разрешения на возведение пятого столба у Каабы для нового мазхаба¹³. Решив нанести удар по туркам в Ираке Османском, Надир шах перед отправлением из Дагестана заблаговременно предложил правителю Багдада Ахмеду паше готовиться к сдаче города¹⁴.

Вторгнувшись в Ирак в 1743 г., Надир шах быстро захватил многие провинции, осадил Багдад и Басру, занял Керкук¹⁵ и вновь отправил в Стамбул двух религиозных ученых с требованием признать свои преобразования в области религии. Но, как и прежде, турки были непреклонны, отметив: «... принятие мазхаб-и Джафари пятой школой ислама может повлечь раздор и конфликт внутри (османского. — *Р.М.*) государства»¹⁶, а шейх-уль-ислам в очередной раз издал фетву, объявлявшую уничтожение и взятие в плен иранцев богоугодным делом¹⁷. Отказ турок послужил причиной для скорейшего взятия в осаду Мосула. Но 40-дневное сопротивление населения, сдержавшего двенадцать штурмов иранской армии, заставило Надира, понесшего огромные потери, остановить военные действия¹⁸ и обратиться с мирными предложениями к Ахмеду паше. Согласно иранским источникам, Ахмед паша с одобрения Стамбула также был готов возобновить переговоры с Ираном¹⁹. Он отправил своего посланника в лагерь Надир шаха с предложениями о мире, после чего в октябре 1743 г. тот снял осаду Мосула²⁰.

Находясь в Ираке, в шаввале 1156 (ноябре 1743 г.) Надир шах совершил паломничество по святым местам: не только по шиитским — гробницам имамов Мусы Казима и Мухаммеда Джавада, но и к могиле суннитского ученого Абу Ханафи²¹ и к мавзолею Имама Али Аби Талиба в Наджафе²².

Продолжая питать надежду убедить османский двор в реальности религиозных преобразований, Надир шах решил организовать в Наджафе совещание суннитских и шиитских религиозных ученых для обсуждения своих требований²³. Он обратился к правителю Багдада Ахмеду паше с просьбой прислать авторитетного суннитского ученого, который выступил бы в роли судьи в споре между суннитами и шиитами — участниками встречи. Ахмед паша послал к Надиру одного из руководителей иракского духовенства — шафиитского ученого Шейха Абдуллу ал-Сувейди (1692—1760), который, по собственному признанию, отправлялся в Наджаф с тяжелым сердцем, опасаясь за свою жизнь и сомневаясь в истинных намерениях Надир шаха²⁴.

Подробное освещение данной встречи можно встретить в работах ее участников с обеих сторон: в официальной истории «Тарих-и джахануша-и Надири» («Мироукрашающая история Надира») (далее — «Тарих-и Надири») Мирзы Мехди хана Астарабата и в сочинении Шейха Абдуллы ал-Сувейди под названием «Худжедж-и Кат'ийе» («Окончательные доказательства»). В своем живописном нарративе, изобилующем мельчайшими подробностями этой встречи, Сувейди особо отмечал, что по пути в Наджаф Надир шах посетил несколько шиитских святынь, что дало повод османскому ученому усомниться в переходе Надир шаха в суннизм. А тот факт, что местом проведения совещания он выбрал гробницу имама Али, натолкнул Сувейди на мысль, что Надир шах демонстративно подчеркивал свою приверженность шиитским традициям²⁵.

В беседе с Сувейди Надир шах объяснил, что собрание ученых организовано им для того, чтобы не только внести ясность в те пункты религиозной доктрины и практики в шиизме, которые сунниты считают неверными, но и для того, чтобы они приняли шиитов как братьев по исламу: «В моем государстве в двух местах — Афганистане и Туркестане — иранцев называют безбожниками. Недопустимо, чтобы в моих владениях одни называли других неверными. Я вас делаю своим представителем. Встретитесь с ними вместо меня, определите, какая из сторон права, и устраните эти разночтения. Сообщите мне обо всем, что видели и слышали, и опишите события Ахмеду паше»²⁶.

По сообщению персидских источников, по вызову Надир шаха из Ирана в Наджаф прибыли две делегации: иранская — во главе с Али Акбаром мулла-баши, состоявшая из 70 чел., и делегация суннитского духовенства из завоеванных Надир шахом стран Центральной Азии и Афганистана. На встрече также присутствовали многие ученые Багдада, Наджафа, Хиллы, Керкука, Кербела²⁷.

Во время дискуссий Али Акбар мулла-баши, следуя установке Надир шаха устранить разногласия между суннитами и шиитами, просил указать причину, по которой сунниты считают шиитов безбожниками, тогда как раньше признавали их ахл ал-кибла, то есть в пределах веры²⁸. По мнению бухарского кази Хади ходжы, имелись четыре веские причины: поношение шиитами Абу Бакра и Омара (сабб); объявление сподвижников Пророка безбожниками; практика временного брака (мут'а), а также признание шиитами законности правления лишь Имама Али и отрицание законности правления первых трех халифов. Первый пункт о поношении шейхов (Абу Бакра и Омара), как отмечал Хади ходжа, был несомнен-

ным доказательством безбожия (куфр): «Согласно ханафитскому фикху (праву), поношение халифов недопустимо. За него покаяние не принимается и грозит исключением из мусульманской общины. Аджамцы (иранцы. — Р.М.) и раньше занимались поношением шейхов, превратившись в безбожников. Если сейчас шииты и раскаиваются в совершаемом ранее поношении, то они все равно остаются безбожниками»²⁹. Но мулла-баши заверил суннитских ученых, что с приходом Надира шаха первые два пункта в Иране запрещены, а временный брак считается «запретным, его признают только “низкие” люди»³⁰. Что же касается законности правления первых трех халифов, то впредь она будет признана шиитами³¹. Последнее возражение бухарского кази было сломлено вопросом афганского муфтия муллы Хамзы, имеет ли кто-то доказательство того, что кто-либо из присутствующих иранцев совершал «сабб», поскольку, как стало известно, последние однозначно отказались от этой практики, что заставило Хади ходжу признать, что присутствовавших на совещании шиитских ученых следует считать мусульманами. Довольный таким исходом встречи, Надир шах попросил участников собраться на следующий день и записать свои доводы в присутствии Сувейди³².

Как указывалось выше, Надир шах просил посвятить дискуссию устранению разногласий, существовавших в суннизме и шиизме. Как выяснилось в ходе совещания, под этим иранские богословы понимали обсуждение Джафаридского мазхаба, так как считали, что он будет служить сокращению религиозных различий, разжигающих конфликт, что объясняет заинтересованность Надира в решении именно правовых вопросов³³. Поэтому на встрече главным предметом обсуждения иранская сторона старалась сделать вопрос о новом мазхабе, который за время правления Надира превратился в камень преткновения между суннитами и шиитами и неразрешимую тему многолетних дискуссий Надира шаха с Османской империей.

24 шавваля 1156 (11 декабря 1743 г.) состоялось подписание участниками совещания документа — «васиге-наме», который составил Мирза Мехди хан Астрабади. Причем данный документ был написан в четырех экземплярах, один из которых подписал сам Надир шах. По сообщениям персидских источников, подлинник был передан в священную гробницу имама Али в Наджафе, а копии разосланы в различные мусульманские страны³⁴.

Как видно из документов, которые имеются в «Тарих-и Надири» Мирзы Мехди хана Астрабади и в статье «Обеспечение исламского объединения Надиром» д-ра В.Р. Аштийани, его приняли: 41 шиитский деятель с иранской стороны и 27 суннитских и шиитских алимов из Ирака, Мавераннахра и Афганистана, что подтверждалось приложением печатей этих религиозных деятелей. В «васиге-наме» подчеркивалась законность правления всех четырех халифов и запрещение «сабб» и «рафд»: «Если кто-нибудь будет поносить Абу Бакра и Омара — да благословит их Аллах! — то их дети и жены будут арестованы, а движимое и недвижимое имущество — конфисковано, а сам человек — убит». Второй документ сообщал об однозначном запрете поношения праведных халифов — «сабб» и «рафд». Он был подписан не только иранскими религиозными учеными, под ним поставили печати представители как иранского, так

и шиитского и суннитского духовенства Ирака, в том числе и Абдуллах Сувейди. Третья копия васиге-наме была подписана и заверена печатями суннитских ученых Афганистана, а четвертая — подписана учеными Центральной Азии. В двух последних документах суннитские ученые объявляли о принятии заверений иранского шиитского духовенства и отказе считать шиитов Ирана безбожниками. Все эти документы были заверены печатью муфтия Багдада Йасина эфенди ³⁵.

Сравнительно-сопоставительный анализ текстов «васиге-наме» из официальной истории «Тарих-и Надири» Мирзы Мехди хана и статьи Аштийани ³⁶, дает основание заключить, что данный документ у последнего представлен в более полной версии ³⁷. Так, в «васиге-наме» из «Тарих-и Надири» отсутствуют не только списки религиозных деятелей Ирана и ученых Ирака, но и ученых Бухары и Балха, выразивших свое согласие с текстом составленного документа приложением своих печатей. Кроме того, в «Тарих-и Надири» опущены не только текст с согласием и список ученых из Афганистана, выразивших свое согласие, но и текст одобрения Ахмеда пашы и Йасина эфенди ³⁸.

Расхождения имеются как в текстах «васиге-наме», так и в описаниях встречи суннитских и шиитских ученых, которые даются Мирзой Мехди ханом и Сувейди. Так, в «васиге-наме» последнего отмечалось, что источником всех бед в Иране являлись Сефевиды (подразумевался шах Исмаил I как распространитель «сабб»), и на совещании было принято решение о порицании иранской ереси, введенной Сефевидами ³⁹, тогда как в тексте, подписанном на встрече, в сочинении Мирзы Мехди хана вина за распространение шиитских практик «сабб» и «рафд» возлагалась на «улама Азербайджана, Гилана и Ардебила» ⁴⁰. Кроме того, в «Тарих-и Надири» в «васиге-наме» можно встретить осуждение турок за то, что они считали иранцев еретиками, захват, пытки и убийства которых были объявлены правым делом, а из-за розни, порожденной религиозными различиями, иранских пленных «продавали и покупали в Европе и других местах» ⁴¹, тогда как Сувейди в своем труде даже словом не обмолвился об этом. Хотя этот вопрос поднимался и в ирано-османской переписке, но в данном случае отсутствие упоминаний у Сувейди наталкивает на предположение, что Надир шах, не желая обострять обстановку на встрече и преследуя определенные цели, скорее всего, воздерживался от жесткой риторики в адрес турок при Сувейди, и в адрес Сефевидов — при религиозных деятелях из Ирана. Кроме того, в сочинении Сувейди, поставившего подпись под «васиге-наме», отсутствует даже упоминание о Джафаридском мазхабе.

На следующий день после подписания «васиге-наме» была достигнута договоренность о проведении совместной пятничной молитвы в Куфе. По словам Сувейди, он признался Надир шаху, что не совсем доволен исходом встречи, так как для него «единственно удовлетворительным результатом был полный переход в суннизм» ⁴². Надир парировал, что ему для того, чтобы добиться положительного результата, следует действовать поэтапно, и просил суннитского ученого возглавить предстоящую пятничную молитву ⁴³. В пятницу Сувейди, начав молитву, через какое-то время передал право вести ее мулла-баши Ирана Али Акбару, так как пришлось руководствоваться и шиитским, и суннитским фикхом, что еще раз

подтверждает справедливость замечания Х. Алгара о том, что мазхаб-и Джафари был превращен в «гибрид: уже не шиитский, но еще не суннитский»⁴⁴. Согласно османским источникам, после подписания соглашения в Наджафе у Сувейди с мулла-баши Али Акбаром было проведено еще одно обсуждение истоков шиитского фикха, сообщения о котором отсутствуют как в сочинении Мирзы Мехди хана, так и у Сувейди⁴⁵.

При описании совещания Мирза Мехди хан сообщает, что там звучало осуждение турок за то, что они продолжали называть иранцев еретиками и оправдывали захват, пытки и убийства последних, а также продажу и покупку иранских пленных «в Европе и других местах»⁴⁶, однако это упоминание отсутствует у Сувейди⁴⁷.

Подписание «васиге-наме» было событием огромного значения для исламского мира. Впервые за долгие столетия представители противоборствующих направлений — шиизма и суннизма — сошлись на едином мероприятии, где они в спокойной обстановке могли обсуждать имевшиеся догматические, правовые и теософические разногласия. Впервые духовные лица враждующих течений в мирной обстановке искали пути выхода из сложившегося тупика, обрекшего мусульман на вечное экзистенциальное противостояние.

Это совещание религиозных ученых было беспрецедентным по многим причинам: в нем приняло участие огромное по тем временам количество суннитских и шиитских ученых, собравшихся с целью добиться признания со стороны суннитских ученых Джафаридского мазхаба. Несмотря на политическую мотивированность Надир шаха, инициатора встречи, в результате совещания участники пришли к определенному согласию: был издан документ «васиге-наме», по которому иранцы подтвердили праведность первых трех халифов и, обретя право требовать у турок колонну в Мекке для своего мазхаба, стали совладельцами столба шафиитов, а суннитские ученые Ирака и Центральной Азии признали святость шиитского имама Джафара ас-Садига⁴⁸.

Но, к сожалению, все благие побуждения вскоре были забыты. Оказалось, что догматические расхождения, за которыми стояли вполне земные политические интересы, были настолько существенны, что одним совещанием их в принципе устранить было невозможно. Османские политические и духовные круги вполне резонно опасались, что за устремлениями Надира к религиозному единению скрывались его политические амбиции встать во главе всего мусульманского мира. В результате противодействия османского правительства, отвергшего требования Надира, главная задача последнего, реализация которой коренным образом преобразовала бы духовную ситуацию в исламском мире, — восстановление отношений шиизма с суннизмом — потерпела неудачу. Но все же некоторые принципы, содержащиеся в выдвинутых им предложениях, были приняты турецкой стороной. Согласие Османской империи защищать права иранских паломников на своей территории и выделить место у Каабы для приверженцев Джафаридского мазхаба означало официальное признание Ирана как части общего исламского мира, что говорит о том, что данный проект Надира шаха не следует считать абсолютно безуспешным.

Однако Надир шаху, выступавшему с требованиями о признании исламским миром Джафаридского мазхаба, так и не удалось добиться

успеха в решении этого вопроса, так как подобная задача в XVIII в. была неразрешима по многим причинам. Расхождения между суннизмом и шиизмом, основанные на отношении к имамату, были настолько велики, что их невозможно было решить на столь раннем этапе с помощью предложения, исходящего от одного человека, да еще продиктованного явно политическими соображениями. По справедливому определению Х. Алгара, «суннизм и шиизм, которые представляют собой две параллельные ортодоксальные перспективы исламского откровения, не могут сойтись воедино в своих экзотерических аспектах по причинам, присущим природе каждого из них. И никакая политически мотивированная идея не в силах изменить этот факт, хотя их сближение на практическом и, что важнее, эзотерическом уровне вполне возможно»⁴⁹.

Позднее, к концу XVIII в. значительным изменениям подвергся и сам шиизм: противостояние между течениями ахбаритов⁵⁰ и усулитов⁵¹ резко обострилось и закончилось победой последних⁵². Как показало время, предложения Надир шаха, связанные с преобразованиями в религии и в свое время казавшиеся утопическими, не только не были лишены логики, но и во многом опережали свое время. Так, совещание суннитских и шиитских ученых, устроенное Надир шахом в 1743 г. в Наджафе, ставило те же вопросы, что и возникшее в XIX в. движение внутриисламских реформ, задачи которого были направлены на политическое упрочение позиций мусульман в немусульманских странах. Созыв международных мусульманских конференций в дальнейшем оказал положительное влияние на суннитско-шиитский диалог в деле восстановления дружественных отношений между различными мусульманскими общинами⁵³. Уже в XX в. внутримусульманские конфессиональные дискуссии приняли регулярный характер. В качестве форума для дискуссий между суннитами и шиитами выступил Университет-мечеть аль-Азхар в Каире, превратившийся в центр ортодоксальной учености. В феврале 1959 г. историческая фетва ректора Университета аль-Азхар шейха Махмуда Шалтута (1893—1963) под названием «Ислам — религия единства», опубликованная в официальном журнале Университета аль-Азхар, разрешала преподавание шиитской юриспруденции: «По шариату разрешается следовать положениям Джафаридского мазхаба, известного как мазхаб 12-ти имамов, подобно остальным суннитским мазхабам. Мусульманам необходимо знать об этом и воздерживаться от проявлений ненависти и неуместной поддержки определенного мазхаба»⁵⁴, — говорилось в ней. Эта фетва открыла двери для официального признания шиитского мазхаба равноценным четырем ортодоксальным суннитским правовым школам, чего так тщетно добивался Надир шах на протяжении всего своего правления.

Несмотря на безуспешность требований Надир шаха по признанию Джафаридского мазхаба, зависевших от многих политических и правовых причин, созыв совещания многих суннитских и шиитских ученых в XVIII в. имел большую историческую значимость как прецедент в разрешении сложных взаимоотношений политики и теологии, впервые затронувший тему возобновления дружественных отношений внутри ислама.

1. ASTARABADI. Mirza Mehdi khan, Jahangosha-i Nadiri, be ehtimam-i A. Anvar. Tehran. 1377, s. 269; MARVI. Muhammad Kazim. 'Alam aray-I Nadiri, be tashih-i M. A. Riyahi, c. 2. Tehran. 1358, s. 446—449.
2. Сабб — публичное поношение первых трех халифов во время азана и пятничной молитвы.
3. Рафд — отрицание законности правления первых трех халифов.
4. Фуру'ат — ответвление мусульманского права, включающее в себя религиозные предписания.
5. ASTARABADI. Op. cit., s. 269; MARVI. Op. cit., s. 446—449.
6. The Oxford History of Islam. New York. 1999, p. 95.
7. ALGAR H. Shi'ism and Iran in the Eighteenth Century, in Studies in Eighteenth Century Islamic History. Carbondale-Edwardsville. 1977, p. 288—302; NASR SEYYED H., DADASHI H., NASR SEYYED V.R. Shi'ism. Doctrines, Thoughts and Spirituality. Albany. 1988, p. 77.
8. ALGAR H. Op. cit., c. 291.
9. Asnad va mokatib-I tarikh-i Iran-I Doura-i Afshariyye, be kushesh-I Nasiri M.R., c. 1. Gilan. 1364, s. 13.
10. ПЕТРОВ П.И. Указ Надир шаха о почитании 4 праведных халифов. В кн.: Сборник Краткие сообщения Института народов Азии. Т. 30. Иранский сборник. М. 1963, с. 52—55; FATULLAHPUR P. Tashayyo' dar doure-i Nadir Shah Afshar, fasname-i takhasosi-i shi'i shinasi/sal 4/shomare 16/1385, s. 57—95.
11. OLSON R. W. The Siege of Mosul and Ottoman-Persian Relations 1718—1745. A Study of Rebellion in the Capital and in the Provinces of the Ottoman Empire. Bloomington. 1975, p. 153.
12. UZUNÇARŞILI İ. H. Osmanlı tarihi, 4. cilt, 1. kısım: Karlofça Anlaşmasından XVIII. Yüzyılın sonlarına kadar. Ankara. 1978, s. 301.
13. LOCKHART L. Nadir Shah. A Critical Study Based Mainly upon Contemporary Sources. London. 1938, p. 226—227.
14. Ibid., p. 227.
15. OLSON R. W. Op. cit., p. 165; AXWORTHY. Op. cit., p. 162.
16. ASTARABADI. Op. cit., s. 387; FASA'I HUSAYNI. Farsname-i Nasiri, be ehtemam-i M.R. Fasa'i, c. 1, Tehran. 1382, s. 561.
17. OLSON R. W. Op. cit., p. 165.
18. Ibid., p. 175.
19. ASTARABADI. Op. cit., s. 387; FASA'I HUSAYNI, Op. cit., s. 561; AXWORTHY M. A. History of Iran: Empire of Mind. New York. 2008, p. 162.
20. OLSON R. W. Op. cit., p. 175.
21. ASTARABADI. Op. cit., s. 387.
22. Ibid., c. 388.
23. Ibid., c. 270; FATHULLAHPUR P. Op. cit., s. 83.
24. SÜVEYDİ A. Hak Sözün Vasikaları (Bu kitabın içinde on adet risale vardır). Hücec Kati'yye. Hakikat kitabevi. İstanbul. 2014, s. 6.
25. Ibid., s. 5.
26. Ibid., s. 8.
27. ASTARABADI. Op. cit., s. 387; QUDDUSI M.H. Op. cit., s. 325—326; ASHTIYANI I. A. Vasiqe-I Ettehad-I Eslam-i Naderi, Yadegar, 4, 1326, s. 43—55.
28. SÜVEYDİ A. Op. cit., s. 39.
29. Ibid., s. 40.
30. Ibid., s. 39.
31. Ibid., s. 40.
32. Ibid., s. 40—41.
33. TUCKER E. Nadir Shah's Quest for Legitimacy in Post-Safavid Iran, University Press of Florida. 2006, p. 83.
34. ASTARABADI. Op. cit., c. 389; FASA'I HUSAYNI. Op. cit., s. 562; ASHTIYANI I. A. Op. cit., s. 47.
35. ASHTIYANI I. A. Op. cit., s. 47.

36. Ibid., s. 48—55.
37. ASTARABADI. Op. cit., s. 388—394.
38. ASHTIYANI I.A. Op. cit., s. 48—55; QUDDUSI M.H. Op. cit., s. 320—327.
39. SÜVEYDI A. Op. cit., s. 42.
40. ASTARABADI. Op. cit., s. 389.
41. Ibid., s. 389; TUCKER E. Nadir Shah's Quest., p. 90.
42. SÜVEYDI A. Op. cit., s. 41.
43. Ibidem.
44. ALGAR H. Op. cit., p. 296.
45. UZUNÇARŞILI İ.H. Op. cit., s. 307.
46. ASTARABADI. Op. cit., s. 389.
47. SÜVEYDI A. Op. cit., p. 90.
48. ASTARABADI. Op. cit., s. 394; FASA'I HUSEYNI. Op. cit., s. 563—564; MİNORSKI.V. Tarikhche-i Nadir Shah, tarjome-i R. Yasemi. Tehran-Simurg. 1363, s. 96.
49. ALGAR H. Op. cit., p. 298.
50. Ахбариты — традиционалисты, которые опирались исключительно на предания (ахбар), записанные со слов шиитских имамов, как единственный источник религиозного знания и права (фикха).
51. Усулиты — приверженцы правомерности иджтихада, понимаемого как процесс дедуктивного вывода исламских законов из Корана и Сунны. Таким образом, они представляли рационалистское направление в шиитском исламе.
52. ALGAR H. Op. cit., p. 300.
53. NASR SEYYED H., DADASHI H., NASR SEYYED V.R. Op. cit., p. 80—1.
54. <http://www.tebyan.net/index.aspx?pid=47963>.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Р.Ю. ПОЧЕКАЕВ. *Степные империи Евразии: власть — народ — право (очерки по политической и правовой антропологии)*. Алматы: АБДИ Компании. 2018. 218 с.

Несмотря на важность сравнительного изучения генезиса права в степных обществах Евразии, крупных работ по монографическому обобщению до сих пор не имеется. Это обусловлено разными, но взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, научный интерес в этой области длительное время не был представлен самостоятельным направлением. Лишь со становлением юридической антропологии как науки и учебной дисциплины с середины 1990-х гг. традиционные правовые системы стали предметом широких и детальных исследований. Во-вторых, это преодоление устаревших представлений позитивизма в отечественной историографии. Долгое время довлеющие идеи эволюционизма сводили все богатство историко-культурных процессов к единой поступательной линии общественного прогресса. Признание альтернативности путей социальной эволюции вызвало необходимость учета всего своеобразия генезиса традиционных обществ, в том числе и кочевых. Это способствовало предельному расширению круга возможных источников, изменению привычных взглядов на факты, широкой реконструкции всего контекста и выявлению всех прилегающих областей исследуемого предмета, то есть всего того, что на сегодняшний момент объемлет антропология как общественная наука. В этой связи, несомненно, что рассматриваемый труд Р.Ю. Почекаева вносит значимый вклад как в развитие антропологической мысли в России, так и в собственно кочевниковедение.

Рецензируемая работа в значительной степени отличается от прежних книг Почекаева, принесших ему широкую

известность. Как отмечает сам ученый, данная книга «представляет собой совокупность более чем десятилетних научно-исследовательских и преподавательских наработок автора» (с. 12). Таким образом, перед нами не исследование, а своеобразный syllabus. Именно относительная краткость и емкость изложения материала являются характерными чертами данной книги.

Исследование состоит из четырех частей, разбитых на главы, последовательно, в хронологическом плане излагающих историю права и государства в евразийских степях.

Автор предлагает читателю с точки зрения юридической антропологии рассмотреть особенности, как он сам выражается, «правового развития» кочевых народов Евразии, проследить эволюцию взглядов на право и формирование системы источников права (с. 12, 20). При этом, по его мнению, важно избежать идеализированного представления о праве, формируемого при изучении исключительно текстов правовых памятников (с. 25). Автор ратует за изучение дополнительных источников, которые отражают практику правоприменения и правосознания, степень востребованности правовых норм, их соотношение с правовыми и бытовыми народными обычаями. В качестве таковых выступают древнетюркские рунические надписи, литературные произведения, сочинения эпического характера, фольклор.

Для анализа наиболее ранних воззрений о власти и праве у кочевников используется понятие «моноорма» (с. 30), введенное видным исследователем кочевых обществ А.И. Першицем¹.

Автор полагает, что «мононормы» эффективно действовали в период существования империи хуннов (сюн-ну). Отчетливая дифференциация социальных норм и выделение категории «право, закон» прослеживается в древнетюркском обществе VI—IX веков. Развитие правовых идей у средневековых тюрков и монгольских народов, как справедливо считает автор, шло в неразрывной связи с представлениями о власти и государстве, слитых в единое понятие «торе» (тюрк. *törö*, монг. *törä*). Порядок в кочевом обществе был обеспечен твердой властью правителя, который выступал олицетворением установленного «Небом» закона. На данном «этапе развития тюркского права (VII—IX вв.)», как пишет автор, каган еще не обладает правом законотворчества, а всего лишь «дает этот закон народу» и «укрепляет» его (с. 36). У тюрков, по мнению Почекаева, функцией провозглашения и толкования законов-«торе» обладали именно каганы, но у монголов XI—XII вв. она принадлежала племенным старейшинам (с. 36—37). Попытка монополизировать правотворческую деятельность была связана с укреплением Чингис-ханом личной власти.

В своих суждениях об истории права древних тюрков Почекаев следует С.Г. Кляшторному (с. 24) и так же, как известный тюрколог, встает, на наш взгляд, на опасный путь, без оговорок привлекая для реконструкции социальной (и правовой как ее части) жизни древних тюрков более поздние источники, созданные в несколько иных исторических условиях. В частности, это поэма второй половины XI в. «Кутадгу билиг» Йусуфа Хәсс-Хаджіба ал-Бәләсәгүні, огузский эпос «Китаб-и Дәдэм Коркут».

Поэма «Кутадгу билиг», созданная уже в оседлой мусульманской среде, является подражанием персидскому жанру *андарз*, то есть «Зерцало для князей» — наставление, и, в сущности, отражает распространение новой идеологии и новой концепции политического господства². Это же касается огузского эпического сборника

«Китаб-и Дәдэм Коркут», две цитаты из которого были привлечены Почекаевым потому, что в русском переводе там стоит выражение «право бога» (с. 34). В оригинале там — *tangrı haqqı*³, и семантически арабизм *haqq* едва ли соответствует тюркскому *törö*.

Привлекая персидскую версию дестана об Огуз кагане или «Огуз нәмэ», записанную у Рашид ад-Дүна (XIV в.), Почекаев оставляет без внимания уйгурскую версию дестана, записанную примерно в XV веке. Сложение дестана восходит к более ранним временам, и те версии, что предстают в этих поздних источниках, в известной степени сохранили общие представления о нормах социальной жизни кочевников, однако, вобрала в себя и поздние напластования, преимущественно отразив те реалии, которые были характерны для времени непосредственной письменной фиксации. «Огуз нәмэ», с одной стороны, отражает быт и представления о нормах социальной жизни кочевнического общества с ее племенным коллективизмом, возрастной субординацией и доминированием обычного права, с другой — выводит на первый план образ идеального правителя, регулирующего жизнь социума путем своего законотворчества и созданием бюрократического аппарата. Последнее, несомненно, связано с влиянием оседло-земледельческой культуры, а конкретно — иранской традиции. Поэтому справедливо считать, что этот эпос отражает, скорее, состояние кочевнического — огузского — общества в период его адаптации к оседло-земледельческой среде⁴.

Сказанное касается и возможности использования древнеуйгурских документов X—XIV вв., отражающих социально-правовые нормы уже оседло-земледельческого общества (с. 42—46, 48). В частности, в свое время уже С.В. Киселёв отмечал: «Каковы бы ни были выводы, сделанные на основании этих документов, они никакого отношения к общественному устройству орхонских тюрков VII—VIII вв. иметь не могут, как не могут иметь писцовые книги Руси XVI в. отношения к истории Польши X в.»⁵

Работа с источниками лишь в переводах привела Почекаева и к другим дискуссионным моментам. Так, опираясь лишь на словарные толкования, без учета контекста, автор отмечает, что «термином “торе” средневековые тюрки и монголы обозначали не только “право, закон”, но также и “власть, правление, правительство, порядок”». На основе этого он рассуждает об «эволюции» этого понятия, пытаясь вписать его в историческую панораму (с. 35—36). Однако такие рассуждения должны быть основаны только на рассмотрении непосредственных контекстов употребления термина в письменных памятниках, при работе с которыми при этом следует учитывать, что особенности оригинального языка отражают картину мира его носителя, которая отличается от картины мира переводчика и носителей языка перевода в целом. Игнорирование этого фактора и оперирование лишь со значениями, перечисляющимися в словарях, само по себе делает рискованными любые построения. В другом месте Почекаев объясняет наличие у одного термина нескольких значений следующим образом: «речь идет о неких базовых принципах организации системы государственной власти в тюркских государствах, введенных в действие правителями в условиях изменения политических реалий» (с. 41).

Автор стремится обосновать идею о том, что движущим фактором правогенеза кочевых народов в данную эпоху стало усложнение отношений в крупных полициях тюркских народов. Почекаев пишет о превращении «эля», трактуемого им как «государствоподобное территориальное владение», в «ступенную империю», объединившую народы с разной культурой, религией, хозяйственным укладом и политико-правовыми традициями, что ставило перед каганами задачу упорядочивания отношений, определения и уточнения статуса государственных институтов и т.д. Это подвигло их вырабатывать правовые нормы для взаимодействия с разношерстным населением империи (с. 37). В VI в. древнетюркское общество проходило

период формирования государственных институтов, перехода от обычного права к законам, создаваемым правителями (с. 38). Можно добавить, что в Бугутской надписи говорится о том, что уже Мага Умна каган (Ань-ло, 581 г.) «распорядился воздвигнуть великий камень закона» [Б II, стк. 10]⁶, а, соответственно, сам «закон» может быть выбит на стороне стелы, содержащей 24 строки письмом брахми, которые, однако, пока не расшифрованы⁷. В связи с этим вызывает настороженность однозначное утверждение автора со ссылкой на китайские источники, что последние однозначно говорят о законах (с. 39). В частности, в «Чжоу шу» действительно можно встретить выражение син-фа, букв. «уголовное право»⁸. Ничто, однако, не говорит в пользу какой-либо однозначной трактовки. Кроме того, в том месте «Тан шу» («Синь Тан шу», в тексте ошибочно — «Тан ши»), где, как отмечает Почекаев, «сообщается о сближении тюркских законов с законодательством Китая в правление кагана Дату (Тарду)» (с. 39), речь идет не о Да-тоу, а о Ци-минь кагане, который, спасаясь от конкурентов в борьбе за власть, покорно принял все обычаи Танской империи, требуемые китайским придворным этикетом. Потому фразы «не подлежит сомнению, что речь идет не о правовых обычаях, а о законодательстве, установленном именно правителями государства», и что «китайские источники отмечают существование законов в древнетюркских государствах» и «соотносят их с конкретными правителями», не выглядят обоснованными.

Вслед за концепцией В.В. Трепавлова о преемственности государственных традиций Почекаев считает, что принятые основателями государства законы впоследствии не подвергались значительным изменениям и передавались в устной форме из поколения в поколение (с. 35 сл.). В частности, автор прямо говорит о своего рода «наследовании» созданных тюркскими каганами правовых норм в «Киргизском» (корректнее — Кыркызском) каганате и у монголов XI—XII веков (с. 41). Однако в этом случае можно поставить вопрос о связи правовых воззрений древних тюрков с предшеству-

ющими кочевыми империями, в частности, сяньбэй и жоужанями, о которых автор упоминал прежде (с. 39). При этом далее он сам приводит убедительные аргументы в пользу того, что перечисляемые в китайских источниках наказания за проступки и преступления, имевшие место среди тех или иных кочевнических народов, «подтверждают, что эти нормы вводились правителями, а не пришли из обычного права» (с. 43, 86—87).

Не ясно, откуда Почекаеву «известно о существовании разработанной налоговой системы в государствах тюрков, уйгуров, кимаков» (с. 43—44). Кроме как относительно уйгурских княжеств Восточного Туркестана X—XIV вв., таких сведений не имеется (в частности, ссылка на Б.Е. Кумекова, неправомерна). Станным выглядит указание (со ссылкой на Т. Дж. Барфилда) о наличии у так называемых «малых» каганов тюрков, наравне с верховным каганом, законодательных функций (с. 47). Абстрагированы от источников рассуждения о существовании у «средневековых тюрков» института курултая (с. 48), никаких прямых свидетельств о котором в текстах, относящихся непосредственно к древнетюркской эпохе, не зафиксировано. Дискуссионным остается и утверждение автора о том, что в древнетюркской среде «монархи избирались волей народа», притом он цитирует пассаж, где говорится о том, что тюрки даровали кыргызскому Барсбегу титул кагана (с. 66), не обращая внимание на то, что каганами в орхонских надписях именуются фактически все суверенные правители (токуз огузов, тюргешей, табгачей и др.). В этом свете неоднозначно смотрится и высказанное Почекаевым в продолжение данной мысли утверждение о том, что ха'аны (в тексте — «ханы») Монгольской империи «считались законными правителями только после официальной процедуры избрания на собрании представителей монгольской знати и кочевых племен — курултае» (с. 67—68). Этот вопрос может быть рассмотрен под другим углом — дей-

ствительно ли курултай подразумевал выборы в прямом смысле этого слова или же это была лишь формальная и символическая процедура утверждения, своего рода фиксация признания легитимности новоиспеченного ха'ана?

В целом, несмотря на отсутствие письменной фиксации юридических норм, полагает Почекаев, правовую систему тюрков нельзя охарактеризовать как право обычное. Глубокое отличие состоит в том, что ее источником был не правовой обычай, а власть. Она устанавливала правовые нормы, охраняла и защищала их (с. 48). В самых общих чертах с этим заключением можно согласиться, но, как было показано выше, сами построения, в результате которых автор пришел к нему, неубедительны.

Отдельный период в трансформации правовых систем кочевых народов выделяется Почекаевым в связи с культом Чингис-хана, оказавшимся долговременным фактором в политическом пространстве Великой Степи. Автор утверждает, что в имперский и постимперский периоды сложилась особая политико-правовая идеология. В ее основе лежат следующие положения: сохранение верховной власти за потомками Чингис-хана; действие Великой Ясы как правопорядка, установленного Чингис-ханом для всей империи; религиозная толерантность. Именно эта идеология определила тот феномен, что весь комплекс правовых норм (указов, законов, распоряжений), вся система источников права сведена единственно к законотворческой деятельности Чингис-хана, что позволяет говорить об особом «чингизовом праве» (с. 49—60). Формирование же имперского права автор, основываясь на сообщении Плано Карпини, относит к 1230—1240 гг., в то время как сочинение Рашīд ад-Дīна позволяет отнести создание установлений Чингис-хана к 1225 году (с. 82—85, 90—91). В этот период происходила трансформация степного права — интеграция древних обычаев с новыми установлениями Чингис-хана и его преемников.

При этом Почекаев принимает крайнюю точку зрения, утверждая, что Великой Ясы как свода законов «на самом деле никогда не существовало» (с. 57, 58), подкрепляя мнением, что «многие из его (Чингис-хана. — А.Г., В.Т.) указов не были зафиксированы в письменной форме» (с. 59). На сегодняшний день наука действительно располагает свидетельствами о существовании Ясы лишь в передаче персидских (Рашīд ад-Дīн) и арабских (Такī ад-Дīн ал-Макрīзī) историков. Однако, однозначно отрицать наличие свода законов в средневековом обществе монголов не позволяет косвенное свидетельство о нем у Джувейнī⁹.

Конечно, становление монгольского имперского права не могло обойтись и без рецепции норм права подвластных народов (с. 92 сл.). Активное восприятие Чингисидами местных систем ценностей, власти и права привело в условиях распада Монгольской империи к торжеству регионализма, отразившего процесс срастания интересов Чингисидов на местах с подвластными им территориями и начало противопоставления собственных интересов другим Чингисидам (с. 72). Автору книги в полной мере удалось показать этот процесс на примере рецепции ханами Золотой Орды наравне с нормами мусульманского права также и норм европейского права (с. 96—98, 102—103). Любопытно, что автор не отрицает «заимствования ордынских государственных и правовых традиций» русскими княжествами (с. 12, 104).

В разных частях обширного государства монголов взаимодействие имперского права с местными выливалось в своеобразные формы функционирования правовой системы. По мысли автора, применительно к периоду Юань можно говорить о сосуществовании общеимперского и китайского законодательства. Ситуация взаимопроникновения элементов монгольского и китайского права отрицает утверждение об односторонней направленности

процесса взаимодействия, поглощения одним другого. Исследователь совершенно справедливо характеризует его правовую интерференцию (с. 115).

Привлекает внимание тезисом, что форма бесписьменного бытования права не является основанием для рассмотрения его только как обычного права. На примере казахских законодательных сборников XVI—XVIII вв. («Қасым ханның қасқа жолы», «Есім ханның ескі жолы», «Жеті Жарғы»), не нашедших письменного выражения, автор книги приводит все признаки права позитивного, установленного властью хана (с. 120—123). Аналогично охарактеризованы и памятники монгольского права XVI—XVIII вв., которые, в отличие от казахских, нашли отражение в письменной форме («Цаган теуке», «Восемнадцать степных законов», «Их цааз», «Халха джирум»). Несмотря на сохранение элементов обычного права, все эти сборники отражают именно законы, «создававшиеся с учетом древнего обычного права, существенно изменявшегося и дополнявшегося в соответствии с новыми историческими условиями и в интересах тех, кто эти законы принимал» (с. 127).

Немаловажной представляется попытка Почекаева найти историческую связь между западными политическими традициями и правовыми воззрениями представителей тюрко-монгольского мира XVIII—XIX веков. Однако вывод о сходстве в политических взглядах английского мыслителя XVII в. Т. Гоббса и хивинского хана Абу'л-Газī, сводящийся к утверждению, что «в Англии и Хиве XVII в. монархическое правление достигло примерно одинакового уровня» (с. 62—66, 68—70), требует более убедительных доказательств.

Интересной видится и попытка Почекаева показать семантическое развитие понятия *tōrā* от обозначения степного права до характеристики потомков Чингис-хана как закрытого сословия или вообще какого-то чиновника (с. 128—139). Автор относит начало этого процесса к XV—XVI вв., не обращая внимания на

то, что это слово, как указал, например, Г. Дёрфер¹⁰, регистрируется уже в титуле кагана жоужаней — Доу-ло Фу-ба Доу-да (ср. его упоминание на с. 39 книги), что на языке Вэй (табгачском) обозначает «чжан чжи» — букв. «просветляющий/выставляющий закон(ы)». Несмотря на дискуссионность реконструкций всего титула¹¹, по крайней мере, сочетание доу-ло может передавать оригинальное *töǰö.

Еще один аспект, раскрываемый в монографии, это правовые взаимоотношения государства и религии в кочевых обществах. Здесь Почекаев определяет различную степень этих отношений: от инкорпорации религиозных принципов в политическую и правовую систему, как, например, буддизм в Монголии XVI—XVIII вв. (с. 144—160), до вытеснения светского права религиозным, что прослеживается на примере мусульманских постордынских тюркских государств, существовавших в период позднего Средневековья и Нового времени (с. 161—170). В связи с последним вновь следует отметить, что автор, видимо, не допускает мысли о наличии подобных тенденций в тюркских политических образованиях домонгольского времени, в частности, в Караханидском каганате, используя поэму «Кутадгу билиг» как источник для реконструкции правовой системы доисламских тюрков.

В заключительной части книги автор очертил трансформацию правовых устоев кочевых народов в составе крупных мультирегиональных империй. Показаны особенности их интеграции в политико-правовое пространство Российской империи и цинского Китая. В частности, — эволюция правовых практик цинского правительства в отношении монголов, когда сначала маньчжурские власти, стремясь сохранить лояльность монгольского населения, предоставили ему значительную автономию в сфере правовой жизни, а с конца XVIII — начала XIX вв. начались активные шаги к унификации правовых норм на всем пространстве империи, направленные на китаизацию населе-

ния (с. 177—182). Также автор привел убедительные свидетельства существования юридического плюрализма на территории Казахстана XIX в., выражавшегося в сосуществовании обычного права, ханского («чингисидского») права (до упразднения в 20-х гг. института хана, а в конце 60-х гг. — института султанов), шариатских норм (не получивших широкого распространения среди казахов) и имперского права, начавшего доминировать с 1860-х годов (с. 183—191). Думается, автор мог бы здесь также воспользоваться исследованием Д. В. Васильева, отметившего уже к первой половине XIX в. наличие четырех моделей российского административного управления в казахских степях, отразивших стремление российских властей, применявших в каждом из четырех жузов (с так называемой Букеевской ордой) различные механизмы взаимодействия имперской администрации с местным населением, найти наиболее эффективные механизмы интеграции казахов в политико-правовое пространство Российской империи¹².

В целом, Почекаев приходит к выводу о том, что для кочевых обществ были характерны те же тенденции «политико-правового развития», что и для других народов, но это не исключает наличия у них определенных самобытных черт. Немаловажно то, что автор отмечает значительную роль в этом процессе оседло-земледельческих обществ, в частности пребывание кочевых народов евразийских степей в составе Российской и Цинской империй, что во многом способствовало их адаптации к принятию системы позитивного права (писанного кодифицированного законодательства) (с. 192—193).

Можно сказать, что разделы, посвященные постмонгольскому времени, удалось автору гораздо больше, чем те, что касаются кочевников более ранних времен. Это, прежде всего, обусловлено спецификой источникового материала, работа с которым требует специальной филологической подготовки.

Данная книга еще раз демонстрирует явление, когда конструируемая в антропологическом исследовании, претендующая на универсализм модель зачастую рушится при внимательном обращении к частностям, поскольку основывается не на непосредственном анализе источникового материала, а на априорных теоретических установках. Однако этот факт не снижает значения работы Почкаева, являющейся, по сути, первой попыткой, как минимум, в российской историографии, осуществить концептуальное осмысление правовой истории кочевых народов евразийских степей. Как уже отмечалось выше, автором сделан важный шаг вперед по развитию антропологии права кочевников в России, и те, кто будут разрабатывать эту тематику дальше, не смогу пройти мимо рецензируемой работы автора и, будучи даже в полемике с ним, все равно будут идти по намеченному им пути.

А.Д. ГОМБОЖАПОВ, В.В. ТИШИН

Примечания

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

1. ПЕРШИЦ А.И. Проблемы нормативной этнографии. В кн.: Исследования по общей этнографии. М. 1979, с. 214.

2. КОНОНОВ А.Н. Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание». В кн.: ЮСУФ БАЛАСАГУНСКИЙ. Благодатное знание. М. 1983, с. 506, 508; BOSWORTH C.E. Legal and Political Sciences in the Eastern Iranian World and Central Asia in the Pre-Mongol Period. — History of civilizations of Central Asia. Vol. IV. The Age of Achievement: A.D. 750 to the end of the fifteenth century. Pt II. The Achievements Multiple History Series. P. 2000, p. 141—142; FRYE R.N. Arabic, Persian and Turkish Historiography in

Central Asia. — Ibid., p. 156; TETLEY G.E. The Ghaznavid and Seljuq Turks: Poetry as a Source for Iranian History. L.-N.Y. 2009, p. 27, 36—37.

3. Kitab-i Dedem Korkut. Mscr.Dresd. Ea.86, с. 6, 52.

4. MUSTAFAEV SH. Views on Supreme Power and Law in Medieval Nomadic Society (case of "Oghuzname" by Yazicioglu Ali). — Studia et Documenta Turcologica. 2013, No 1, p. 277—286.

5. КИСЕЛЁВ С.В. [Рец. на] А. БЕРНШТАМ. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. Восточно-тюркский Каганат и Кыргызы. М.-Л. 1946; Вестник Древней истории. 1947, № 1, с. 87.

6. YOSHIDA Y., MORIYASU T. The Bugut Inscription. — Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998. Toyonaka. 1999, p. 122—123, 124.

7. YOSHIDA Y., MORIYASU T. Op. cit., p. 125. Хотелось бы выразить признательность к.и.н. В.В. Досовицкой (ИВ РАН) за возможность использовать сделанный ею перевод японского текста цитируемой статьи.

8. Чжоу шу, цз. 50, с. 5а.

9. Genghis Khan. The History of the World-Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Manchester. 1997, p. 25.

10. DOERFER G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd.I. Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963, S. 266—267.

11. См., в частности: Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М. 1984, с. 279, 413—414, ком. 51.

12. ВАСИЛЬЕВ Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII — первая половина XIX века. М. 2014.

Сборник работ известного японского историка Вады Харуки, посвященный его 80-летию, включает в себя его статьи, освещающие, главным образом, политическую историю России XX века. Предисловие к ней написал Г. Бордюгов. Это перевод с английского и японского языков. В книгу также включены статьи, написанные японскими историками Исии Норие и Икэда Ёсиро, о творчестве профессора Вады и его роли в изучении России, а также избранная биохроника ученого и библиография его работ по российской тематике. Автор убежден, что два кредо: «только сильная власть спасет Россию» и «Россия должна быть освобождена», — являют собой два основных принципа Российской истории в XIX—XX веках. «Россия всегда страдала из-за противоречия между этими принципами, из-за невозможности их уравновесить. Даже теперь страдание продолжается» (с. 13).

Исход русско-японской войны 1904—1905 гг. Вада характеризует как истинный марксист-интернационалист: «Победа Японии повлекла за собой несчастье японского и корейского народов, с одной стороны, и облегчила революцию в России, с другой стороны» (с. 180). А оценивая восприятие японцами России и русских, подчеркивает: «Японцы вынесли из русской классики, книг Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, представление о России как о собрате по страданиям» (с. 241). В то же время, по свидетельству Вады, «японцы, воодушевленные своими успехами в русско-японской войне, совершенно безразличны к реакции русских на эту войну и не задумываются над тем, каково русское представление о Японии как о враге. В лучшем случае они думают, что угрожавшая им агрессивная Россия была должным образом наказана или что “отсталая Россия” была разгромлена “цивилизованной Японией”, а потому русским не о чем жалеть — исход был справедливым» (с. 251). Сам же

историк, как мы убедились, считает победу в этой войне несчастьем для Японии, так как это привело к укреплению японского милитаризма.

По мнению Вады, «следующие слова из обращения Сталина 3 сентября 1945 г., непостижимые с точки зрения революционера и социалиста, вполне естественны для русского националиста: “Атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918—1922 гг., и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 г. в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил”». Но, как считает японский историк, «мы должны признать, что если капитуляция Японии в 1945 г. стерла память о поражении России в 1905 г., то это не так плохо» (с. 251—252). Сталина Вада социалистом не считает. Нападение же Советского Союза на Японию в 1945 г., с захватом более 600 тыс. пленных, а также Южных Курил, принадлежавших Японии со времен первого русско-японского договора 1855 г., японский историк рассматривает как «часть той жертвы, которую пришлось принести во имя превращения Японии в демократическое миролюбивое государство», поскольку именно советское нападение приблизило капитуляцию Японии (с. 252). Он призвал заменить сложившийся в Японии образ «России как врага» образом «России как соседа» (с. 255).

Творчество профессора Вады — это тот редкий случай, когда история чужой страны, в данном случае — России, не только становится одной из центральных тем творчества историка, но и достигнутые им результаты влияют на национальную историографию данной страны, а сделанные им оригинальные выводы активно обсуждаются и в российской историографии. Начав свой путь как правоверный марксист, Вада с течением времени значительно усложнил философскую основу своих исследований, привнеся в нее элементы народничества и особенно — социологии Макса Вебера, прежде всего, его факторный анализ.

Вада начинал свои русские штудии исследованием народничества. В рецензируемом сборнике этой теме посвящены статьи о Вере Фигнер и Льве Тихомирове (при этом упор сделан на их жизнь и деятельность уже в XX в.), а также об одном из самых серьезных критиков народничества и видном русском марксисте Георгии Плеханове и о борце с народниками — генерале В.Т. Лорис-Меликове. Образ Плеханова предстает достаточно непривычным для русского читателя. Рассматривая его позицию в период Октябрьской революции, историк цитирует «Открытое письмо к петроградским рабочим», опубликованное 28 октября 1917 г., которое справедливо называет «политическим завещанием русского меньшевизма»: «Итак, не потому огорчают меня события последних дней, чтобы я не хотел торжества рабочего класса в России, а именно потому, что я призываю его всеми силами души. Вспомните замечание Энгельса. Он сказал, что “для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому еще не готов”». А затем приводится трагикомическая картина обыска, проведенного красногвардейцами у смертельно больного Плеханова, обыска у видного революционера в прошлом, проведенного представителями победившей революции: «Матрос,

подойдя вплотную к Плеханову, приблизил револьвер к его лицу и крикнул: “Выдайте оружие, а то, если найдем его сами, я тут же убью Вас на месте”. Розалия Марковна (супруга Плеханова. — Е.К.) обратилась к матросу со словами: “Уверяю вас всем святым, что мы не храним оружия”. Но матрос ответил: “Ну, что мне святые! Не верю я в святых!”» (с. 18). А когда в последней своей статье Плеханов горячо убеждал своих товарищей: «Нельзя и меня, как теоретика русского марксизма, делать ответственным за всякое нелепое или преступное действие всякого русского “марксенка” или всякой группы “марксят”», Вада оценил это как отречение от Ленина, Троцкого и других вождей Октябрьской революции: «... Отец публично открестился от своих детей» (с. 19).

По мнению японского историка, Плеханов был хорошим теоретиком марксизма, привившим его на русскую почву. Но он не хотел на практике применять его революционную составляющую, поскольку не верил, что преждевременная революция может принести что-нибудь путное: «В 1903 году, когда революция перестала быть символом, сном революционно настроенных интеллигентов, занимавшихся просветительской работой среди рабочих, а становилась действительностью народных масс, аксиомы марксизма должны были быть перекованы заново в конкретные линии революционной деятельности. Требовалось вплотную приблизиться к действительности. Когда родился большевизм, Плеханова среди его сторонников не оказалось» (с. 23). Добавим, что Вада — автор недавно вышедшей в Японии монографии «Российская революция — Февраль 1917 г. в Петрограде». По поводу двоевластия Временного правительства и Советов рабочих и солдатских депутатов, установившегося после падения самодержавия, японский историк в рамках своей концепции отмечает, что этот результат был «объективно и субъективно неизбежным, так как Февральская революция была, с одной стороны, революцией рабочих и солдат, а с другой — революцией буржуазии и граждан» (с. 69).

Говоря о жизни В. Фигнер в послереволюционной России. Вада замечает: «Невзгоды и лишения тюремной жизни, которые она и ее товарищи испытали много лет назад, оставались частью окружающей действительности России. И закрыть глаза на этот факт она не могла, несмотря на постепенное привыкание к реалиям Советского государства» (с. 239). В очерке о Л. Тихомирове, посвященном последнему десятилетию его жизни, Вада впервые ввел в научный оборот материалы его дневника, письма и рукописи того периода. Особо отмечается, что в конце 1916 г., предчувствуя скорый крах Российской империи, бывший народник, ставший монархистом и русским националистом, ощущая свое растущее отчуждение как от левых, так и от правых, записал в дневнике: «Никогда не думал я, что... приятно было бы уехать из России. А теперь, в годину "великой войны" — я очень охотно уехал бы куда угодно, к какому-нибудь честному народу, вроде японцев». И как показывает автор, упоминание здесь японцев отнюдь не случайно, поскольку в начале века Тихомиров изучал Японию и даже переписывался с одним православным японцем — Какусабуру Сенумой. Он был весьма высокого мнения о японском государстве, возглавляемом императором, сумевшем победить Россию в русско-японской войне. Возможно, памятью об этом, он и написал, что желал бы уехать к японцам (с. 291).

Настроения Тихомирова того времени хорошо передает впервые процитированная Вадой его дневниковая запись от 22 октября (ст. ст.) 1916 г.: «Почти невыносимо сидеть и ждать гибели. Нас задушает внутри "продовольственный вопрос", а извне обнаружилась явная наша неспособность воевать с немцами. Армия — деморализовалась вконец. Она уже не верит в себя. А уже здесь, в тылу, кажется — нет единой души, которая бы верила в какой-нибудь добрый исход войны» (с. 292). Как считает японский историк, Тихомиров, ставший монархистом, но впоследствии разочаровавшийся в царизме, приветствовал Февральскую революцию и признал объективную неизбежность Октябрь-

ской революции (с. 313). В одной из своих последних рукописей, комментируя мнение Плеханова, что в России с ее недоразвитым капитализмом попытка захвата пролетариатом государственной власти была бы самоубийством, Тихомиров достаточно осторожно подходил и к «диктатуре пролетариата»: «Так гласит теория, так думал и Плеханов. Но действительный ход революции не имел ничего общего с требованиями теории. Seriously говоря, из всех тогдашних партий — только большевики сохранили понимание государственности и значение силы для существования государства. Но они несли с собою идею коммунистического государства и, правильно понимая значение принуждения, насилия, до крайности преувеличивали это значение, веря, что насилием можно создать все, то же и то, чего нет в обычных условиях жизни» (с. 313).

Вада приводит и резкую критику Тихомирова мемуаров Фигнер в связи с событиями, непосредственно предшествовавшими убийству Александра II и последовавшими за ним. Лев Александрович утверждает, что мемуаристка «замечательно поверхностно смотрела на все перед глазами и видела не то одно, что совершалось, а только то, что у ней копошилось в мозгу». Вада подчеркивает основное различие Тихомирова и Фигнер: «За свою жизнь Тихомиров дважды кардинально менял свои политические убеждения: сначала от революционного народничества он перешел к монархизму, а затем от монархизма — к принятию обеих революций 1917 г. Несмотря на видимую противоречивость этих двух поворотов, в основе их лежало единое убеждение Тихомирова в том, что лишь сильная власть спасет Россию. Вот почему и его политическая жизнь резко отличалась от политической жизни Веры Фигнер, сохранившей до конца дней убеждение, что Россия должна быть освобождена» (с. 320).

Сравнивая взгляды Ленина и Бухарина на «государственный капитализм» и явно симпатизируя второму, Вада полагает, что, в отличие от Бухарина, у Ленина регулированию производства

обществом было противопоставлено государственное регулирование производства (с. 200). В то же время, японский историк признает, что в реальных условиях, в каких большевики пришли к власти в октябре 1917 г., в условиях кризиса, вызванного развалом государства, не выдержавшего напряжения мировой войны, Ленин предложил использовать механизм «государственно-монополистического капитализма» для перехода к социализму. С точки зрения концепции Бухарина о социализме, этот путь не является путем к социализму. Но надо признать, что путь Ленина оказался действительно путем к выходу из кризиса. В эпоху, на которую Бухарин взирал «неподвижно от страха», Ленин двинулся решительно, исполненный надежд. Этот путь вел к другому варианту «Нового Левиафана», нарисованного Бухариным» (с. 201). Таким образом, эффективная в краткосрочной перспективе, ленинская политика неотвратимо вела к созданию тоталитарного социализма со всеми его ужасами. Вада же верит в возможность создания социалистического, но не тоталитарного общества. Революцию он определяет как некое преддверие преобразований, подчеркивая, что лишь последующие реформы могут оправдать произведенную революцией растрату человеческих и иных ресурсов и вероятное установление диктатуры: «Революция есть человеческое деяние с большими затратами. Если насилие и диктатура являются необходимым злом, желательнее свести их к минимуму, а затем избавиться от них как можно скорее, чтобы дать дорогу реформам» (с. 386). Как считает Вада, значение для современности сохраняет прежде всего «мирная составляющая» революции 1917 г.: «Теперь мы знаем результат Ленинской революции. Утопия “социализм” потеряла свое обаяние для людей. Но утопия “мир”, обозначенная Февральской и Октябрьской революциями, продолжила жить в истории человечества. Мне хочется указать на “мирную конституцию” послевоенной

Японии и могучее антивоенное движение граждан во время Вьетнамской войны как продолжение утопии Российской революции» (с. 541).

Анализируя содержание статей журнала «Большевик» 1933—1939 гг. с точки зрения отражения в них советской официальной позиции, которая тогда во всех случаях была тождественна позиции Сталина, Вада совершенно справедливо отмечает, что после начала второй мировой войны критика англо-французских «империалистов» была использована для оправдания собственных завоевательных действий (с. 132). Он также подчеркивает, что после заключения пакта Молотова — Риббентропа «антифашистская борьба была закончена, а критика фашизма прекратилась. Возникла потребность в дальнейших изменениях. Политических заключенных, заполнявших лагеря, стали называть “контрреволюционерами”, потому что отныне было запрещено именовать “фашистами” тех, кто попал в места заключения за “связь с агентами фашистов”» (с. 133).

Исследуя творчество советского драматурга Евгения Шварца, японский историк доказывает, что в пьесе «Тень», поставленной в Ленинграде в 1940 г., дана сатира на советскую историю, а в пьесе «Дракон», написанной в годы Великой Отечественной войны, Шварц призывал «одолеть в ходе борьбы с агрессором и внутренний фашизм», и при этом «логика антифашизма совпадает с логикой антисталинизма». Посмотрев «Дракона» на репетиции, глава Комитета по делам искусств М.Б. Храпченко прошептал: «Германский ли это фашизм?» (с. 166).

В рамках концепции «эпохи мировых войн» Вада рассмотрел Российскую революцию уже не как модель для японского общества, а как составную часть целой эпохи войн и революций. На передний план выдвинулось не описание процесса народного движения, а анализ мировой системы (с. 558). Нельзя не согласиться с мнением Икеда Ёсиро о том, что итоговый вывод в рамках концепции

Вады сводится к тому, что в целом «эпоха мировых войн» была эпохой социализма и прежде всего СССР, поскольку большевикам удалось осуществить самый тотальный режим в XX веке, и их модель распространилась на другие части мира. Но нельзя забывать, что она везде получилась различной, в зависимости от места. В России социалистический режим родился из антивоенного движения масс, а в таких азиатских странах, как Китай, Северная Корея и Вьетнам, социализм был принят как метод национального освобождения и установления независимости. Именно поэтому жизнеспособность социалистического режима (точнее, диктатуры коммунистической партии) в этих странах отличается особой устойчивостью» (с. 557).

Несколько статей сборника посвящены взаимодействию Вады с россий-

скими историками. Он рассказывает, в частности, о своей дружбе с Э.Н. Бурджаловым, чью книгу о Февральской революции считает лучшей в советской историографии, несколько теплых слов говорит о В.П. Данилове. Японский историк рассказывает о непростой судьбе своих российских коллег, которые в советскую эпоху неоднократно подвергались разного рода идеологическим проработкам. В сборнике также дан обстоятельный обзор исторических дискуссий в СССР периода перестройки и гласности.

Рецензируемая книга будет полезна всем, кто занимается историей русского революционного движения и историей России XX в., а также российско-японскими отношениями.

Е.А. КОТЕЛЕНЕЦ

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P. A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941—1945). Articles: **A. Yu. Peretyatko**. Economic objectives of the Cossack Hosts in Russian Empire (1860—1890). Contributions: **V. S. Brachev, M. F. Polynov**. USSR and Afghanistan during the war of 1979—1989: economic and humanitarian cooperation; **I. V. Rostovschikov, Ya. V. Trofimov**. Underground advocacy on the territory of the Voysko Donskoye's oblast in the second half of the XIX century; **V. D. Kamynin, A. B. Khramtsov**. Reports of inspectors of nation schools in Western Siberia (1900—1910); **R. N. Ismagilova**. Ethiopia: national question and nationalities policy (1875—1974); **T. S. Kerimova**. Azerbaijan National Academy of Sciences: process of formation (1920—1945). Historical publicism: **A. G. Airapetov**. Strokes to the political portrait of V. I. Ulyanov-Lenin (according to contemporaries). International scientific cooperation: **V. I. Goldin, K. S. Zaikov**. Norway and Russia: 1814—2014. The results of the megaproject. For teacher of history: **M. B. Fataliyev**. Negotiations about the conclusion of Balkan pact and position of Turkey. Peoples of Russia: **S. R. Chedzhemov**. National schools and languages of peoples of Russia: a factor of stability or a detonator of separatism? People. Events. Facts: **Yu. V. Zubareva, I. V. Pivovarova**. National composition of the self-employed population of Siberia (results of the census of 1897); **V. A. Pogadaev**. Rukunegara as a reflection of the national idea in Malaysia. From history of religions: **M. V. Orbodoeva, L. E. Yangutov**. Formation of the principles of the relationships between Buddhism and the State power in Imperial China; **R. M. Mammadova**. One document of Nadir Shah Afshar and the Sunni-Shi'ite Dialogue in the XVIII century. Historiography: *R. Yu. Pochekaev*. Steppe empires of Eurasia: power — people — law (essays on comparative and legal anthropology) (by **A. D. Gombozhapov, V. V. Tishin**); *Haruki Wada*. Political history of Russia (by **E. A. Kotelenets**)

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный номер № 894**

Главный редактор П.А ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Присланные материалы после рецензирования не возвращаются

Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 3, 2019

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (495) 741-65-18, (495) 741-65-17. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.02.2019. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 0014—2019. Индекс 70145.

Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2019 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**